

Евгений Сафронов

*Ерошкин –
предсказатель
из Кувая*

Повести и рассказы

Ульяновск, 2015

На обложке: улица Якимовка (неофициальное название) села Большой Кувай Ульяновской области, где в свое время располагался дом Ерошкина. Автор фото - Илья Павлов.

Евгений Сафронов

**Ерошкин -
предсказатель
из Кувая**

Повести и рассказы

Ульяновск, 2015

ББК 84Р2-4
С21

Сафронов Е.В. Ерошкин – предсказатель из Кувая. Повести и рассказы. Ульяновск, 2015. 171 с., илл.

В авторской редакции

Рисунки: Татьяна Половова; Горбачев М.Г. (сайт: <http://apchekhov.ru>);
Bob Layzell (сайт: <http://art-assorty.ru>).

Фотографии: Илья Павлов, Евгений Сафронов

Герои этой книги – экстрасенсы и мечтатели, ученые и обычные люди – «встретились» под одной обложкой не случайно. Все они убеждены в том, что действительность – чудесна. В самых обыкновенных событиях и размеренной повседневности можно обнаружить волшебство. Автор – филолог-фольклорист, журналист и писатель – в художественной форме обобщает свои наблюдения, почерпнутые из встреч и интервью с реальными людьми.

© *Сафронов Е.*, текст
© *Половова Т., Горбачев М.Г., Bob Layzell*, иллюстрации

Обул с утра тапочки – и в звездолет... (вместо предисловия)

*Андрей Цухлов, поэт, член
Союза писателей России*

Так бывает: живешь в обычной системе координат «работа - дом - отпуск», и вдруг – раз: неожиданное и приятное событие.

И такое событие вы сейчас держите в руках – новый, второй по счету, сборник прозаических произведений Евгения Сафронова, ульяновского журналиста, этнографа, а теперь можно с уверенностью сказать – талантливого писателя. Пожалуй, главное, центральное произведение книги – повесть о предсказателе из села Большой Кувай Иване Ерошкине.

Уникальность ее в том, что в ней собраны реальные рассказы людей о реальном человеке, жившем в прошлом веке в Сурском районе. Автор эти воспоминания записывал на диктофон, беседуя со многими, знавшими Ивана Кузьмича лично либо со слов сельчан. Но Евгений Сафронов не оставил собранный материал в виде разрозненных текстов. Он сотворил из них художественное произведение, максимально бережно и достоверно сохранив сведения об Иване Кузьмиче, принял его судьбу максимально близко к сердцу. Больше того, автор по сути стал персонажем собственной повести. И это естественное сочетание художественности и почти документальности восхищает. Именно повесть явилась идеальной формой для сохранения памяти о «кувайском ворожце».

И особо хочется обратить внимание земляков, хотя книга, конечно, извините за игру слов, адресована всем землянам. Во многих творениях автора не просто угадываются, но и прямо называются столь знакомые нам места – лесок за Новым городом, где главный герой рассказа «Звездолет по желанию» бродил с собакой и там же вошел в звездолет пришельцев, педуниверситет, дороги Ульяновской области с кенотафами по обочинам, Тагай, Сурское, исчезнувшее село Помаево. Это рождает гордость за то, что именно наша Симбирская земля и ее люди продолжают быть источником творческих сил для автора и «строительным материалом» его повестей и рассказов.

Скаламбурим еще раз: проза Евгения Сафронова отнюдь не прозаична. Она полна снов, общения с потусторонним миром и даже – мирами. Аккуратность в стиле написания, взвешенность, внешний

рационализм, «научность» как бы пытаются сдержать ту бездну неведомого, фантастического, мистического, в которую автор приглашает заглянуть читателя. И у того с непривычки кружится голова, он отступает назад, но возвращается снова, интересно же, страшно интересно!

А, пожалуй, и так: страшно и интересно. Это все равно что прийти на высокий берег ульяновского Венца, окинуть привычным взглядом вид на Волгу, а там – о ужас! - нет другого берега, нет Заволжского района, море до горизонта, и оно кишит многотонными чудовищами. Вы в панике закрываете глаза, открываете – и облегченно вздыхаете. Ну вот же привычный Императорский мост, дамба, Нижняя Терраса, «пробочка» из машин небольшая наметилась... Или – вот оно, село в Сурском районе – Большой Кувай. А глянешь другим, «сафроновским», зрением – уж стоят многоэтажки из неизвестных пока материалов, почти небоскребы, вместо ПАЗика – бесшумно скользящие по воздуху летательные аппараты-мыльницы, у леса, где родник, – здравница-санаторий... Или так: приходишь домой, а там квартира незнакомая, жена из параллельной вселенной, то ли твоя, то ли не твоя, собака – и та из иного мира. Жуть!

«Проснувшись, я почувствовал себя бодрым и немного опустошенным, – читаем мы концовку одного из рассказов, того самого, где стирается грань между роботом и человеком. – Я пошел на кухню и попросил своего робота-функционала приготовить мне на завтрак салат и бутерброды. Понаблюдав с минуту за его ловкими и точными движениями, я вызвался помочь ему. Он не совсем, вероятно, понял, что я хочу от него, но, тем не менее, выделил мне место возле себя. Затем мы резали зелень уже вместе. Салат, кстати, получился отменный».

Что ж, прозаический салат от шеф-автора Евгения Сафронова действительно получился отменный. С разными оттенками вкуса, добротными, натуральными ингредиентами и необычными приправами, да еще и с уникальной местной спецификой. Налетайте, читатели-гурманы и просто изголодавшиеся до настоящего литературного творчества! Без сомнения, это угощение доставит вам удовольствие.

Ерошкин — предсказатель из Кувая (повесть)

рисунок Татьяны Полововой

*Повесть
написана на основе
подлинных текстов,
зафиксированных от
реальных
рассказчиков.
Некоторые имена
персонажей и
названия населенных
пунктов изменены по
этическим
соображениям.*

Глава 1. Смена декораций

Работа учителем сначала пошла просто великолепно. Денег, конечно, платили ужасно мало, но с детьми было так интересно, что я забывал во время уроков обо всем на свете. Романтические и, надо сказать, несколько самонадеянные идеи - в основном, о том, как

Впервые опубликовано: журнал «Симбирскъ». №5, 2013. С. 52-73.

преподавать, чтобы по-настоящему заинтересовать своих учеников, - реяли в моем уме, подобно флагу на здании местной администрации; однако директор пригородной школы - дама в годах - умело и достаточно жестко «приземляла» меня.

- До вас преподавали так, как следует, и после вас будут учить не хуже. Мне нисколько не интересно, что там понарасказывали в вашем вузе, но здесь вам не университет, а школа! Понимаете? И будьте уж так любезны, Петр Федорович, - обойдемся без этих ваших... ини-ци-а-тив, - таким внушением она не раз сопровождала мои «открытые» уроки. После этого я еще несколько раз пытался опробовать какие-то новые формы - уроки-экскурсии, уроки-театральные представления... но постепенно почувствовал, что мною овладевает какое-то рабоче-рутинное настроение, и в конце концов (полтора года спустя после начала учительской карьеры) меня неотступно стала преследовать мысль об уходе из школы.

Насколько я помню, спецкором сурской районной газеты я стал почти случайно: отцовский двоюродный брат Алексей Сергеевич Тихонов (папа любил его между нами называть «Тихоня» - так дядю прозвали еще в школе) заехал как-то к родителям и рассказал о том, что им в «районку» требуется журналист.

- Мне кажется, Петь, ты бы смог - ведь словом ты владеешь: все-таки учитель русского и литературы. Поживешь сперва у меня, а там, глядишь, мы тебя и обженим! - говорил он, держа в руках «рюмку чая» - свидетельство родительского гостеприимства. Дядя умел подбирать в общении со мной такие тон и слова, что я всегда сомневался: шутит он или вполне серьезен. Тем не менее слова его задели меня за живое. Я не спал всю ночь после того, как Тихонов уехал назад в Сурское.

- Районная газета? Чем же это хуже пригородной школы? В конце концов, слава Богу, я пока один - ни жены, ни детей нет. Почему бы не попробовать? - размышлял я, ворочаясь с боку на бок.

Колебался я еще три дня, а затем позвонил дяде.

Главным редактором оказалась женщина лет сорока пяти, к которой я почти сразу же почувствовал искреннее расположение. Она имела привычку говорить со своими подчиненными так, будто извинялась перед ними за необходимость что-то сделать для газеты.

- Вы, Петр, пока, наверное, просто осмотритесь, почитайте нашу подшивку - чтобы понять, как и про что мы обычно пишем, - сказала она мне в первый день моей трудовой деятельности. Я немедленно

последовал ее совету, и дня три корпел над редакционным архивом. Газета выходила всего раз в неделю (стандартный восьмиполосник), а в коллективе было аж 4 журналиста – включая редактора. Это означало, что на работе у меня регулярно образовывалась уйма свободного времени. Все это не могло не радовать...

Газета создавалась вполне в духе «советского реализма», чего, конечно, уже почти нельзя было встретить в городе. И именно тогда, в первые же дни пребывания на новом рабочем месте, я наткнулся на заметку, с которой – без преувеличения – и началась жизнь, совершенно не похожая на ту, какую я вел раньше.

– Село Большой Кувай издавна славилось своими мастеровитыми людьми, – так начиналась эта статья. Прочитанная фраза почти сразу же убила всякий интерес к заметке: я по привычке скользнул строчки «по диагонали» и почти в самом конце наткнулся на следующее: «Были в селе даже свои предсказатели и провидцы. Так, многим еще памятен Иван Кузьмич Ерошкин. К нему в свое время приезжали даже из других областей. Знали, что Кузьмич обязательно поможет».

Я больше внимания обратил на неудачный повтор словечка «даже» в процитированной фразе, чем на смысл прочитанного и почти тут же забыл об этом.

Однако уже через несколько дней фамилия Ерошкина снова всплыла – на этот раз в разговоре с моим дядей. Это вышло у него так естественно, что я не сразу попросил пояснить сказанное.

– У нас не город, конечно, но ты, Петь, человек образованный...

– И холостой! – с подозрительной серьезностью добавила супруга дяди – Марья Игнатьевна.

– И холостой, – подтвердил Тихонов. – Я не Ерошкин, но думаю, что все у тебя срастется-сложится!

– Да куда он денется! И жилье найдем, и жену хорошую приглядим – парень-то он непьющий. Курит только вот! – снова вмешалась тетя Маша.

– Ну, это не помеха! – улыбнулся дядя. Стали пить чай. Я воспользовался паузой в разговоре и спросил про Ерошкина.

– Да был тут у нас в Кувае один предсказатель. Не слышал про него? К нему и из Ульяновска, и из Мордовии приезжали... – пояснил Тихонов.

– Да отовсюду! Его все, все знали – старика-то кувайского! – напомнила о себе тетя Маша, но тут мы перешли на другую тему, и я решил вернуться к этому позднее.

«Позднее» случилось лишь через несколько месяцев...

Работа в газете пришлась мне вполне по душе: почти ежедневно я

встречался с новыми людьми, разъезжал по району, расспрашивал и фотографировал. Все это настолько отличалось от бесконечной бюрократии пригородной школы – планов к урокам, заполнения каких-то отчетов и журналов, постоянного давления со стороны директора, что в первое время я воспринимал свою новую деятельность просто как отдых – и для души, и для тела.

На третий месяц моей жизни в райцентре удача снова улыбнулась мне: неожиданно появилась возможность получить совершенную автономию от дяди. Как бы хорошо его семья ни относилась ко мне, я все-таки несколько тяготился статусом постоянного гостя. Случилось так, что на соседней улице умерла восьмидесятилетняя баба Маня Лаврентьева (по слухам – «от давления»). Ее родственники, живущие в городе, не знали, как поступить с неожиданно доставшимся наследством и выставили избу на продажу – по смехотворной цене.

– Потом отдашь как-нибудь! – говорил мне дядя, который взял дело, связанное с покупкой дома, в свои надежные руки. Стоимость двухкомнатной избушки и впрямь была столь небольшой, что я рассчитывал вернуть родственникам деньги в какие-нибудь полгода.

– Теперь ты уж точно жених – да еще и с приданым! – не уставала шутить на одну и ту же тему Марья Игнатьевна.

Я переехал в свой дом через неделю (дядя, кстати, снабдил меня кой-какой мебелью), так что я наконец-то к двадцати пяти годам мог с полным правом утверждать, что стал полностью самостоятельным человеком.

Через несколько дней, сидя вечером за письменным столом в своей небольшой избенке, я снова вспомнил о таинственном кувайце.

– Надо бы попробовать собрать о нем информацию – глядишь будет лишняя тема для очередной газетной статьи, – лениво подумал я и уже почти собрался заснуть, как мысли вновь сами собой вернулись к Ерошкину.

– Почему я думаю о нем? Что мне до него? – с какой-то смутной тревогой спрашивал я себя. Промаявшись на старой кровати еще час, я поспешно вскочил и начал рыться в подшивке «районки». Почти до трех часов ночи я искал еще хоть какие-нибудь сведения о предсказателе, но ничего не обнаружил – кроме уже упоминавшейся крохотной заметки.

– Завтра на работе поищу в Интернете. И опрошу всю редакцию по этому поводу, – решил я. И только после этого «благодатный сон смежил мне веки».

В «электронном пространстве» я наткнулся лишь на одно упоминание о ворожбе – в городской газете пятилетней давности. Зато в моей редакции о нем знали все. Мало того: самая пожилая из нас – шестидесятилетняя уборщица Василиса Васильевна – рассказала мне, как однажды сама наведальась в дом Ерошкина.

– У нас корова пропала. Я тогда жила в Астрадамовке – там недалёчко до Кувая-то, – певуче говорила она. – Я еще школу только закончила. Вот мы и поехали к Кузьмичу с матерью: ты что, кормилица пропала! Приехали – он все чин-чином, еще в то время неслепой был, принял нас. Я-то в сенях стояла, всего не видала, а с ним вроде как его жена – Марией звали, ага. Мне мать потом говорила: «Залез он под дерюжку какую-то, и кричит: корова у вас пропала!». А мы ведь заранее с мамкой решили – мол, не скажем ничего, проверим: догадается или нет. А он, вишь, кричит с-под одеяла-то: «Пропала, значит. Если, – говорит, – прям щас побегёте в сторону Сурского, к Араповке ближе, то нагоните – и корову, и воров!». И что же – догнали. Нашли корову-то!

Потом я много раз записывал похожие истории по всему Сурскому району и уже как-то свыкся с тем странным ощущением, что охватило меня, когда я слушал непритязательное повествование Васильевны. Сейчас мне трудно это объяснить подробнее – возможно, многое станет яснее из последующего рассказа. Одно можно сказать наверняка: острое чувство неслучайности происходящего, которое возникло у меня в тот день, не оставляло меня и в дальнейшем.

Глава 2. Никола вешний

О празднике на Никольской горе, который приходился на конец мая, я слышал от родителей. Несколько раз я даже хотел приехать на Николу вешнего в Сурское, но всё как-то не получалось. Теперь же, что называется, «сам Бог велел».

Согласовав с редактором, что «черкну» о празднике репортаж, я отправился на знаменитый холм, возвышающийся на окраине поселка. Было часов 9 утра, но паломники уже оккупировали гору с разных сторон: поток перемещающихся людей (как пешеходов, так и сидящих в автомобилях), казалось, никогда не кончится.

– Потрудиться надо, сынок! Вот службу отстоим, водички возьмем, в гору подыдемся – оно и хорошо будет, – говорит мне одна из бабушек – моя временная сопутница. По достаточно крутому склону холма, спускающемуся к Суре, «залазят» специально – для того, чтобы «Бог

помог», излечил-исцелил, а то и просто – чтобы желания исполнились. Ветви многих деревьев вокруг горы сплошь увешаны разноцветными тряпочками; вешают их все – от мала до велика. Объяснения этому даются приблизительно те же: чтобы Бог помог, чтобы желание сбылось.

Ближе к полудню к нескольким купальням и водным источникам выстраивается многолюдная очередь. Сверху она напоминает удивительную гусеницу, волнообразно пульсирующую зелеными «волосками»: приехавшие отовсюду паломники пытаются свежесломанными ветками отогнать докучливых комаров, которых здесь видимо-невидимо.

Я присоединился к тем, кто жаждал приобщиться к святой воде. В руках у меня, правда, не было пластиковой или стеклянной бутылки, что немного отличало меня от остальных. Но я-то ведь пришел сюда совсем за другим...

– Ерешкин? – откликается на мой вопрос одна из словоохотливых бабушек. – Как же, слышали, слышали. Я вот что скажу тебе, сынок: угадывал он, угадывал – без никаких... Не сомневайся даже! – бабушка поправляет платок, не переставая отмахиваться веткой от надоедливых насекомых. – У меня сноха Надька работала продавцом в Белом Ключе, и вот кого-то увидала в окне – из чужих, из приезжих. Испугалась, дурочка, и сунула выручку куда-то – уберечь хотела. Ага. А как

опомнилась на следующий день – так, убей Бог, не может вспомнить, куды деньги дела. Все обыскала, весь магазин перерыла. Ну, что делать? А у них там водитель был не ключевский, а из этого самого – вроде как из Кувая. Ага. И какая-то даже родня Ерощкину приходился он, племянник вроде. Вот и говорит ей: «Поехали к Кузьмичу. Айда садись! Он хоть и старый, слепой уж, а мне не откажет». Ну, приехали, а Машка-то, это Кузьмичова жена, ни в какую не пускает! Как услышала про деньги, так руками и замахала: «Вы что – нас со свету изжить хотите? Тыщу раз же говорили: с кражей и убийством не приходите!» – моя собеседница по всегдашней женской привычке меняет тон, пытаюсь передать особенности строгого голоса супруги предсказателя. – Ну, да пока она с Надькой-то болтала, этот племяш-то его – к Кузьмичу и шмыгнул. Потом рассказывал: «Он кепку только на глаза надвинул и сразу сказал: “Они в темном месте у нее лежат, руки начнет мыть – и найдет!”».

Поехали обратно, а у той и ума нет: «Как, – говорит, – в темном месте? Всё ведь обыскала!». И что вы думаете? На следующий день эта, как ее – дочка Федькиной сестры, полы в сельпо мыла – стала в рукомойник воды наливать: «Да чтой-то, Надь, – говорит, – не льется?». А Надька-то, дурында, туды сверток и затолкала. Воды-то там не было – подумала, что грабить будут – так точно не сунутся туда. Ну что: высушили да сдали. А что им, деньгам-то, от этого будет? И смех, и грех!

Я слушал немного дребезжащий голосок старухи почти с наслаждением – именно там, на Никольской горе, я начал осознать, что записываю материалы о ворожце из Кувая далеко не только для очередной статейки в своей газете. Какое-то смутное подозрение о чем-то большем начало уже тогда зарождаться во мне. Все эти детали: «надвинул на глаза кепку», жена не пускала «с кражей и убийством» – моя память тут же цепко удерживала, – с той целью, чтобы затем задать уточняющие вопросы собеседнице.

– А мне дед мой тоже говорил про него! Я тебе про теленка-то сказывала? – неожиданно вступает в разговор до сих пор молчавшая женщина, обращаясь к моей предыдущей рассказчице. Последняя в ответ кивает. – И бабка тоже всё говорила: до войны еще дело-то было. Они корову купили, а она недойна оказалась. Сначала доила, а затем – пусто вымя. Может, кто и портил там у них (они у меня с Княжухи, а я-то ждамировска сама, ага). И вот решили продать. А потом думали-думали, взяли весной бычка – чтобы на мясо к осени. А он захворал... – в это время очередь как-то всколыхнулась, что-то впереди изменилось, и мы продвинулись сразу на несколько шагов вперед.

– Из купальни вышли. Они там порциями, порциями – мужики в которой слева, а бабы-те вон в той купаются, – пояснил чей-то голос впереди нас.

– Ну, что делать? Снова поехали продавать, – продолжает женщина. – С паршивой овцы хоть клочок шерсти, как говорится. И – загремел дедка в тюрьму за это! Ага. Соседка наклеузничала: мол, кулаки мои дед с бабкой, скотиной торгуют! А в то время быстро: не успели опомниться – увезли деда Тимофея. Ведь пять лет отсидел... – рассказчица вздохнула и замолчала.

– А что же... Ерошкин-то? – осторожно напоминаю я.

– Ах ты! – оживляется снова женщина и вновь продолжает. – Так вот они его сперва в Шеевщину отправили, и он там день-другой сидел. И попал в камеру как раз вместе с этим-то стариком из Кувая. Ну, он тогда не старик был, – мужик еще. И вот дед сам свидетель: они, милиция-то, стали, мол, испытывать его. Начальник там был, говорит: «Скажи, сколько у меня мелочи в кармане?». А Ерошкин ему (кепку-то надвинул и в косяк дверной встал) и отвечает: «У тебя столько-то трехкопеечных, столько-то – по пять копеек!». Короче, всё ему, как есть, доложил. А потом... Потом уж они стали просить указать им на какех-то – лошадей кто-то воровал, в общем. А Кузьмич и говорит: «Пишите, мол, расписку, что отпустите меня – вот тогда скажу!». Ну, начальник ломался-ломался, а потом написал ему. А Ерошкин и говорит: «Сидят они в Полянках! Только вы их не возьмете. А попытаетесь – так подстрелят одного из ваших!». Те – мигом съездили. И точно в Полянках были, трое. Так ведь и подстрелили одного милиционера-то, угу...

Уже вечером, расшифровывая записанные на диктофон рассказы, я постепенно стал разграничивать общее и отличное в услышанных текстах, выделять то, что можно было назвать «повторяющимися мотивами». У меня начала формироваться моя «Ерошкинская коллекция». Кто бы мог предположить, что со временем этот архив разрастется почти до тысячи текстов?

Глава 3. Сурская снегурка

После Николы вешнего у нас в газете настал «горячий сезон»: в июне в отпуск ушло сразу два журналиста, кроме того, мне пришлось взять на себя еще и обязанности корректора. Рабочие будни (иногда приходилось задерживаться в редакции до глубокого вечера) как-то

оттеснили на второй план тему таинственного кувайца.

Ко всему прочему, я, кажется, и впрямь начал выполнять «программу-минимум» своей тетки: в местном клубе, куда мне пришлось заглянуть как-то вечером, я познакомился с Катей. Это было восемнадцатилетнее голубоглазое создание, словно сошедшее с советской новогодней открытки, изображавшей могучего Деда Мороза и его красавицу-внучку. В то время у нее была крупная каштановая коса до пояса и совершенно детские, немного удивленные светло-синие глаза...

Она два года назад закончила школу и сейчас училась в городе – в педагогическом колледже, приезжая в Сурское лишь на каникулы. За полмесяца нашего знакомства я успел пару раз скататься с ней в Ульяновск – ходили в кино, гуляли по городу... Вечером, валяясь на кровати с книгой, я иногда спрашивал себя: влюблен ли я или всего лишь решил себе «скрасить летний сезон»? И не мог толком ответить на этот вопрос. Дело было даже не в семилетней разнице в возрасте, а скорее в полной противоположности моих и Катиних интересов. Уже на третьем свидании я поймал себя на том, что мои разговоры с нею больше похожи на монолог: Катя предпочитала отмалчиваться, смеяться и соглашаться с тем, что я предлагал (смех ее я, правда, очень любил: у нее это выходило просто и очень заразительно).

Такое поведение совсем не походило на характер Лены, с которой я расстался полгода назад, так что я порой терялся с непривычки. С последней у нас часто все заканчивалось ссорами и обидой с ее стороны. Однако при этом она была великолепной собеседницей. Катя же была непонятна мне: причиной ее молчания, скорее, являлась пустота, чем наполненность мыслями. Впрочем, это мое мнение здорово поколебалось, когда речь зашла всё о том же кувайце. Мы заговорили о нем примерно через три недели нашего близкого знакомства.

– Ерошкин? – переспросила Катя, смотря на меня своими синими глазами. – Мне бабушка о нем рассказывала!

Я был удивлен, поскольку считал, что о предсказателе, в основном, знают люди старшего поколения, – точнее, наверное, будет сказать не «знают», а «интересуются». Так вот: Катя оказалась редким исключением из этого правила. И опять же в момент «откровений от Екатерины» у меня возникло чувство неслучайности происходящего – что, кстати, меня даже немного озаботило.

«В конце концов эдак я каждое более-менее значимое событие, связанное с Кузьмичом, буду считать неслучайным, важным и т.п. Кажется, все эти «ощущения» просто надуманы мною», – решил я про

себя. Тем не менее это чувство во время моего первого разговора с Катей о Ерошкине не уходило, а только усиливалось.

– И что же рассказывала бабушка? – спросил я, косясь на диктофон, как рыжий конь из песни Боярского. Она угадала это мое намерение и милостиво согласилась на запись своего рассказа. Ее повествование о Ерошкине было, пожалуй, самым длительным монологом «моей молчуньи» за все время нашего трехнедельного знакомства. Я с изумлением прислушивался к ее интонации, к тому, как она подбирает слова и выстраивает свой «текст», замечал, как она склоняет голову и легким движением руки поправляет челку... Кто знает, может, именно тогда я впервые поймал себя на чувстве, похожем на любовь к ней?

– Мой дед погиб на войне, – совсем просто начала она. – Бабушка долгое время не получала от него никаких вестей. А затем – когда в сорок втором пришла похоронка, она... она ей не поверила. Отказывалась верить. Всё ждала его – до самого конца войны верила, что он вернется. У ней только одна фотокарточка его и сохранилась: он там молодой-молодой, совсем мальчишка. Она так себя измучила этим ожиданием, что хотела даже утопиться в Суре. И вот тогда ей и посоветовали сходить к Кузьмичу. Она одна-то побоялась пойти, взяла с собой подружку – баб Веру Матвееву помнишь? А-а, ты ж не с Сурского... – Катино сожаление почему-то больно кольнуло меня в самое сердце. – Ну, так вот: они шли, а баб Вера всегда не очень-то верила во все такое, а в молодости так вообще – «оторви и выбрось», как говорила моя бабуля, – девушка улыбнулась. – Пока они шли, она и говорит: «Да чё этот Ерошкин знает? Еще и продукты ему несем!». Бабушка взяла там яичек немного, еще чего-то: все-таки неловко к человеку с пустыми руками идти. Ну, дошли, его жена-то их впустила, а он прям на пороге им и заявляет: «Ты, грит, входи, а ты, - это он Вере-то этой, – уходи: не веришь – чё ж пришла?». Так-то! – совсем по-стариковски заключила Катерина, и я понял, что она слышала эту историю от своей бабушки очень часто: может, даже сама не раз просила старушку рассказать ей о походе к Ерошкину.

– Ну, а ей-то, бабушке – угадал? – спрашиваю.

– Ей-то? – глаза девушки стали печальны, и она так пронзительно и по-серьезному взглянула на меня, что я вздрогнул. – Угадал. Залез под одеяло и кричит оттуда: «Тебе ж пришла похоронка! Чего ходишь? Нет его. Погиб. Не вижу его совсем – значит, неживой он!» – моя собеседница помолчала некоторое время. Я предложил ей чашку чая (мы были в моей избушке; вечерело). Она согласилась. Пока я возился с чайником, я услышал, как Катя добавила вполголоса:

– Это и вправду ее успокоило: видишь, похоронкам не верила, а ему... Сказал – как отрезал.

Когда Катя ушла, я еще долго вслушивался в ее голос, записанный на диктофон, и чувствовал себя немного подавленным. Мне было стыдно: неужели только этот ее рассказ и заставил вдруг биться мое сердце сильнее? Или же я действительно влюбился в сурскую снегурку? Как бы там ни было, но услышанное от нее заставило меня в ближайшие выходные собраться в Кувай.

Глава 4. Большой Кувай: первое приближение

Говорят, между Аркаево и Большим Куваем несколько десятилетий назад находилось еще одно село – Козловка. Но я, проезжая мимо бывшего села, не заметил ни малейшего признака какого-либо жилья. Большой Кувай располагает, что называется, «в тупике» – дальше асфальтовой дороги просто нет. Рядом с ним через рощицу притулилось еще одно небольшое сельцо – Малый Кувай. От последнего осталось несколько улочек, и ясно, что пройдет еще несколько лет – и его постигнет печальная участь Козловки.

Кувай, это было заметно сразу, – когда-то действительно процветал: по рассказам, в свое время людям здесь не хватало земли – строились где только можно. Сейчас лишь заброшенные дома да останки каких-то больших зданий из красного кирпича по дороге на кладбище (явное наследие сельхозугодных советских времен) еще напоминают о былом величии.

– Ерошкин-то? Он жил на Якимовке – нарядная раньше улица была! Так вы лучше спросите про это у его внучки – тетя Саши, она здесь неподалеку живет, – поведала мне продавщица местного магазина.

Я был на седьмом небе от счастья: сама мысль о том, что у Кузьмича остались родственники в Кувае, конечно, тешила мне душу, но что в первый же свой визит я смогу встретиться с его внучкой – человеком, который, вероятно, хорошо знал его, жил с ним бок о бок, а не посещал его единожды, как все предыдущие мои рассказчики, – на такую удачу я не смел даже и рассчитывать...

Тетя Саша (как-то сложилось, что я почти сразу же стал именовать ее именно так) оказалась радушной, полноватой женщиной, которая охотно откликнулась на мою просьбу рассказать о своем дедушке. Она тут же достала кипу фотоальбомов и фотографий, бережно завернутых в целлофан.

– Это вот мой дедушка со своей первой женой – Анной и моей родной бабушкой. А Мария-то – она уж второй женой была, от нее детей

у дедушки не было, – так я впервые увидел фото человека, загадочная личность которого с каждым днем интересовала меня все сильнее.

Тетя Саша рассказывала не спеша, основательно и с подлинным вдохновением: очевидно, что память о родном деде была для нее своего рода «фамильной гордостью», которая не раз становилась предметом обсуждений и «презентаций» для благодарных слушателей.

– Я в первый раз его увидела – мне лет семь было. Мы тогда жили в Оренбургской области и иногда приезжали в Кувай погостить. Он был очень добрый и работающий мужик: спина всегда в «мыле». Бригады набирал сам, и ездили они зимой в соседние города валенки валять: промысел такой был. Все село знало: если валенки «от Кузьмича» – сносу не будет. На этом деле зрение и потерял – в последние годы совсем слепой был. Когда валенки валяешь – там кислоту серную применяли ведь – вот на глаза и повлияло, – тетя Саша вздыхает и берет в руки очередную фотографию.

– Вот это наша церковь кувайска, сейчас там уж ничего не осталось, раньше большая была – колокол аж в Астрадамовке слышать было.

Моя собеседница вспоминает, как в детстве, играя с подружками, она однажды увидела плачущую женщину, которая вела за руку мальчика, едва переставлявшего ноги. «Не принял он ведь меня!» – с надрывом произнесла женщина, обращаясь, скорее, туда – в сторону дома Кузьмича, чем к играющей ребятне. А затем медленно пошла по дороге в Козловку.

Я тогда даже обиделась на дедушку: «Вот ведь, думаю, какой злой! С больным мальчиком пришла к нему, а он и не принял». Не успела я еще в избу войти, а дед только взглянул на меня и сразу говорит: «Ничего не могу поделать, Сашенька! Она ведь сама виновата: аборт делала – вот и родила такого!». А я тогда еще совсем девчушкой была, а он, видишь, как серьезно со мной – объяснил, понимаешь? – тетя Саша поднимает на меня глаза, просветленные воспоминанием о Кузьмиче, и снова начинает перебирать фотографии.

К Ерощкину приходили и приезжали очень многие – это при том, что он «официально» и не принимал никого: наоборот отнекивался, да и его жена визитеров тоже не жаловала – особенно ближе к старости. Несмотря на это, на Якимовке всегда были гости – приходили издалека, останавливались у знакомых и соседей, дожидаясь своей очереди к Кузьмичу.

– Ведь его и ссылали сколько раз за ворожбу, и убить пытались! Пять раз только дом тушили – поджигать приходили. Они до того, как осесть в Кувае, где только не были! И в Москве, и в Свердловской

области, и в Сибири. Только останутся, начнут обживать – земля слухом начинает полниться, и к нему один за другим приезжать начинают. Власти-то этого ведь не терпели в то время – вот и опять переезжать приходилось...

А дар-то у него этот ведь не с рождения. В германскую войну, это вот в первую которая, – у него контузия случилась, и он в Москве в госпитале лежал. Там с Анной, моей бабушкой, и познакомился.

«И вот, – говорит, – лежу я, и ко мне какой-то дедушка во всем в белом подошел и рукой по голове погладил. А рука – вот что твой уют! Я проснулся – и кудри мои на подушке лежать остались!» – он ведь кудрявый в молодости был. Вот это он мне сам рассказывал.

И с тех пор у него и началось. Бабушка – она за ним ухаживала в госпитале, как медсестра, наверное. И вот он ей говорит: «Ты когда сюда сегодня утром шла, на тебя собака бросилась?» – в общем, всё ей пересказал, что она делала: дар у него образовался такой, – тетя Саша отвлекается от повествования и просит мужа поставить чай – чтобы угостить меня.

Я перевожу дух и проверяю технику: все ли нормально, пишет ли?

А моя собеседница снова перебирает фотографии-воспоминания.

– А потом и в госпитале прознали о нем. «Аннушка, бежать мне надо: изучать хотят, говорит, меня, золотые иглы в мозг вставлять собираются». Велел ей поездом ехать, а сам пешком решил пойти. Она ему помогла бежать... – мы садимся пить чай, тема разговора меняется – моя рассказчица говорит о Кувае, о тяжелой жизни в современном селе.

Договорившись с ней еще об одной встрече, я уходил от тети Саши совершенно счастливый. Я успел пройтись еще немного по улицам Кувая, но до Якимовки так и не добрался, поскольку последний автобус уходил буквально через полчаса. Пришлось отложить посещение места, где стоял дом Кузьмича, «на потом».

Глава 5. «Есть Бог!»

– Да Кувай-то – это вообще место такое... Там колдуны одне! – Петр Алексеевич прикуривает от моей зажигалки и деловито устраивается на лавке перед собственным домом. Я зарулил по газетным делам в Аркаево и собирался уже возвращаться в райцентр, как был окликнут с традиционной просьбой: «Огоньку не будет?». Слово за слово – и вот я уже с диктофоном в руках, забыв о времени, беседую с моим новым знакомцем.

– Знал я Ерошкина, как же не знать. Мужик хороший был. Мне отец рассказывал, как Кузьмич однажды на Масленицу с одним помаевским боролся. Силач был местный Савка, – у них вроде как «по любви» было: кто кого. Помаевский-то первый ударил – Кузьмич зашатался, но устоял, черт, на ногах. А потом его очередь настала – так Савка с ног свалился, едва подняли, – Алексеевич снова затягивается.

– А вот, говорят, что он... предсказывал вроде? – как бы между делом спрашиваю я.

– Врожил, что ль? – уточняет собеседник. – А то! Пол-Аркаево у него перебивало! Он ведь как: лечить-то не лечил, а вот мог угадать болезнь и посоветовать, к кому лучше обратиться. Вот скажет: «К бабкам не ходи – врачевна эта болезнь!». Значит, ехать надо в больницу – тут у нас в Астрадамовке была. Там помогут. А в другой раз: «Езжай туда-то к бабке – там, скажет в Морги (это в Мордовии) езжай, или вот в Помаево сходи – к Борькаеву. Да вот случай был: Ляксандр Иваныч Гордеев, он в Малом Кувае директором школы был. Ага. Рак у него признали, врачи уж помирать отправили. Он пришел к Ерошкину и говорит: «Кузьмич, поможешь мне – уверую в Бога!». А он как – атеист, вроде. И сам не верил, и детей тому же учил. А тут – куды деваться? Ну, Кузьмич залез там под ватулу, кричит: «Иди в Помаево к Борькаю – он тебе поможет!». А Борькай-то, Борькаев – это в Помаево был старичок такой, он сильно лечил – его тоже все знали. Щас-то уж ни старика, ни Помаева нету – распалось село, исчезло.

Ну, вот. Что ты думаешь? Пошел – и вылечился. Ага. «Божьим словом он меня вылечил, – это директор потом рассказывал. – И тебе я, Кузьмич, теперь верю. Есть Бог!» – говорит. Вот. А неужто нету? Есть Бог, конечно, есть! – Петр Алексеевич «стреляет» у меня еще одну сигаретку, и мы ждем руки на прощанье.

Глава 6. Свадьба

Мы с Катей решили подать заявление таким образом, чтобы свадьба выпала на конец августа. В сентябре начинался очередной учебный год, и моя «снегурка» переходила на третий – последний – курс педучилища. Поэтому осенью уже было не до гулянок. В местном загсе у Катиных родителей были знакомые, так что дата нашей росписи пришлась ровно на тот день, который представлялся нам самым удобным – 23 августа.

Мне казалось тогда, что каждый новый день я люблю свою «снегурку» все сильнее. Первое мое знакомство с ее родителями состоялось за месяц до того, как мы решили подать заявление в загс.

Они отлично знали семью Тихоновых, что во многом способствовало благоприятному их мнению обо мне. Хотя, как не раз потом мне говорила Катя, наша разница в возрасте весьма заботила ее отца.

– Мама говорит, что парень должен быть старше и крепко стоять на ногах. Отец же ей возражает и говорит, что лучше, когда молодые – ровесники и добавляет: «Вот как мы с тобой!». Да у них там совсем другая история: они чуть ли не с первого класса вместе за одной партой сидели. Но ведь так, слава Богу, не у всех!

– Почему же «слава Богу»? – улыбаюсь я.

– Ну, ты представь, Петь: с первого класса знать друг друга! Надоест же! – мы смеемся. Я радуюсь тому, что Катя постепенно сняла с себя «обет молчания» – пожалуй, скоро я буду ее считать «болтушкой». Она в ответ на такое мое предположение долго дулась, а затем назвала «Ерошкопоклонником». Я, услышав этот ее термин, смеялся минут десять...

Дело с расшифровкой моих записей о Кузьмиче пока застопорилось. Помимо дел рабочих, прибавились еще и предсвадебные хлопоты. Помочь, естественно, вызвались и мои родители, и дядя. Кстати, последний наотрез отказывался принять деньги за дом, и тогда я предложил считать нашу избушку его свадебным подарком. Он с удовольствием согласился, но уже тогда у меня зародилось смутное подозрение, что дядя на этом не успокоится. Так потом и вышло: Тихоновы преподнесли нам телевизор, что, впрочем, весьма пригодилось – Катя не представляла себе жизни без этого агрегата.

Свадьба была шумная, веселая – гуляли чуть ли не всей улицей. Я до сих пор не знаю, сколько точно человек было на нашем празднике. На другой день гостей поубавилось; среди ряженных «второго дня» с удовольствием опознал и несколько человек из моей газеты...

Через неделю Катя уехала. Сначала мы сошлись на том, что она будет, как и прежде, жить пять дней в общежитии, а возвращаться лишь на выходные. Но уже через неделю я затосковал по ней, и на семейном совете было решено, что оставаться в городе она будет только первые три дня, а в четверг и в пятницу приезжать в Сурское. О переводе на заочное не могло быть и речи: Катя хотела доучиться поскорее, чтобы «не висеть на шее». Я хоть и возражал против этого ее аргумента, но считал, что наш брак не должен мешать ее учебе – тем более что к этому вопросу очень серьезно относились Катины родители. Ее отец был вообще немного «зациклен» на образовании и статусе, который «дает образованность». «Никакой “заочки”! Учеба должна быть очной – только тогда можно стать настоящим специалистом!» – так мне

передавала его слова Катя.

День шел за днем. Бесконечные осенние вечера тянулись, как серые облака – до самого горизонта. На работе и дома я думал только о своей жене – и едва мог дождаться четвергового вечера. Когда она приезжала, я чувствовал себя абсолютно счастливым – мне порой становилось даже страшно от силы этого чувства.

Мысли о кувайском ворожце отошли на второй и даже на третий план. Однако я не жалел об этом, поскольку считал, что мне нужно отдохнуть от данной темы. Дело в том, что чем больше я собирал материала – тем более я «увязал» в нем. Мне было вообще трудно понять то, зачем, с какой целью я так упорно тружусь над сбором сведений о предсказателе. В какой форме я могу представить собранные тексты, кому и для чего они могут понадобиться? Ответа на данный вопрос я не знал, и это беспокоило меня.

Иногда целыми вечерами, когда Кати не было дома, я переслушивал записи, читал уже расшифрованные тексты, всматривался в сделанные фотографии. Идея написать газетную статью об этом отпала как-то сама собой: тема Ерошкина стала слишком дорога мне, и я не хотел «ограничивать» ее газетой.

Катя порой спрашивала меня о том, как продвигается «твой Кузьмич», но я отмалчивался или отвечал что-то неопределенное. Она заметила, что расспросы мне неприятны и со временем перестала вообще говорить со мной про кувайского ворожца. Мне было еще тяжелее от такой перемены, поскольку ее неподдельный интерес к моему увлечению придавал мне силы в исследовании «Ерошкинской темы».

В середине зимы она сообщила мне, что беременна. Это привело меня в такую эйфорию, что я на несколько дней забыл не только о Ерошкине, но даже с трудом вспоминал и о делах редакционных.

– Учебе беременность не должна помешать: мы закончим, когда я буду только на седьмом месяце, – самонадеянно сообщила мне Катя. Я, было, попытался подвергнуть сомнению ее оптимизм и даже предложил перевестись на заочное обучение. Однако Катя отвергла эту идею почти с негодованием: «Осталось каких-то полгода! Прорвемся!..».

Глава 7. Приближение второе

Я стоял напротив его могилы вместе с тетей Сашей.

– Видишь, какой у него строгий взгляд? – она кивнула на фотографию, прикрепленную к простому неказистому памятнику в форме расширяющейся книзу трапеции зеленого цвета. – Глаза у дедушки действительно были такие, что мало кто мог смотреть на него долго:

невольно отведешь взгляд в сторону. А вот рядом – баба Маша, его вторая жена. А вот это, – моя собеседница показывает рукой на крест неподалеку, – Ирина, моя сестра. Она тоже обладала даром – людей лечила.

Я всматриваюсь в лица умерших. «Почему же эти в общем-то чужие люди стали мне чуть ли не родными? Неужели только необычные способности Ерощкина меня так привлекают?» – спрашиваю я в очередной раз себя, пока моя спутница крестится и протирает платочком фотографии на памятнике.

Надо сказать, что сверхъестественное всегда вызывало во мне неподдельный интерес. Я никогда не сомневался в том, что человек обладает такими способностями, о которых мало что определенного может сказать, к примеру, современная медицина или психология.

За время журналистской работы я встречался со многими из тех, кого называют «целителями». Длительные беседы, в которых эти люди «презентовали» не столько свои способы лечения, сколько просто рассказывали о себе, позволили мне со временем установить одну закономерность. О ней, кстати, вспомнила и тетя Саша, когда мы с ней возвращались с кувайского кладбища.

– Первые дети у Кузьмича умирали: до пяти лет доживут – и все. Вот тетку мою, мамину старшую сестру, в церковное окно выносили из-за этого.

– Зачем? – любопытно спрашиваю я.

– Как же – чтобы дети не умирали, во время службы их выносят не через дверь, а через окно. И вот с теткой так сделали – и все, дальше у Кузьмича дети пошли. И моя мама потом уж родилась, – поясняет мой «экскурсовод».

В биографиях фактически всех «экстрасенсов» – то есть людей, которым приписывались необычные способности, почти всегда встречались какие-либо трагедии по судьбе. Очень часто это было связано с «ударом» либо по здоровью, либо по их потомкам. Исключений я еще не встречал.

– А вот расскажите об Ирине, вашей сестре. Вы говорите, она могла лечить людей?

– Да, – отвечает тетя Саша, пока мы не спеша приближаемся к селу: она передвигается медленно из-за больных ног. Было время, когда она вообще не могла ходить, но сейчас болезнь, кажется, отступила. – У Ирины руки были – как «рентген». Любую болячку могла определить. Но ее вот из-за этого самого и убили – там в городе. Залезли к ней в квартиру, видимо, думали у нее денег много. А у нее все богатство только

и есть, что дети ее. Сейчас вот сиротками растут.

Идем некоторое время молча.

– А ведь мне сны-то какие про нее снились! – оживляется вдруг моя провожатая. – Вот будто у нее там, на том свете, дом двухэтажный. Кругом всё зелено, а Ирина такая радостная – стоит на крыльце, меня встречает. Она будто и там продолжает лечить.

– А Кузьмич не снился? – спрашиваю ее, а сам всматриваюсь вдаль – туда, где на окраине села недалеко от высокого тополя скрываются развалины дома Ерошкина. Я снова горел желанием в этот день побывать на заветной Якимовке...

– Как же – снился. В сером пиджачке, сам весь подтянутый, глаза смеются – стоит как раз около своего дома. И говорит: «Сашенька, сбей мне вот постельку!» – помягше чтобы стала, вроде как. Я вот ему постель на том свете сбивала, помогала как-то ему, да, – снова замолкаем. Идем мимо полуразрушенных зданий, принадлежащих бывшему совхозу.

– А ведь он предсказывал – про Кувай-то, – лицо тети Саши снова озаряется внутренним светом, и голос неувлимо меняется – у нее появляется особая интонация, которая всегда сопровождает любой ее рассказ о деде. Она произносит слова так, будто передает нечто очень важное – почти священное.

– Он говорил: на нашем роднике – вот Тихвинский родник-то, где икона явилась, – построят санаторий, а Кувай будет городом. А кто ведь знает: может, оно так и будет? Пройдет лет пятьдесят-сто – и построят! – я согласно киваю в ответ.

Мы приближаемся к ее дому, и садимся на лавочку. Слово за слово, и – незаметно подкрадывается вечер. Я понимаю, что и в этот раз на Якимовку не попаду: уже слишком темно, и ничего толком сфотографировать не удастся.

– Ничего-ничего, еще раз приедешь! – успокаивает меня тетя Саша. Горизонт за деревьями становится темно-красным, синева над деревьями постепенно чернеет. – Вот ведь хотели уехать отсюда с мужем. А утром рано встанешь – березы шумят, кругом и «му», и «бе-е», и петухи кукарекают, и птицы поют. Сядешь на лавку – цыплята облепят, как мамку, – и никуда-никуда отсюда не хочется! Места здесь родные, радостные...

Стало уже почти совсем темно, я засобирался в обратную дорогу.

– Попутку поймаю, – успокаиваю я свою рассказчицу, которая волнуется, смогу ли я добраться до дома: автобусы-то ведь уже не ходят. За моей спиной остается погруженное в темноту село, нечастые избы которого прощально желтеют оконным светом.

Глава 8. Сны и роды

Наверное, в ту ночь, после второй поездки в Кувай, мне и приснился первый сон, связанный с Ерошкиным.

Кузьмич стоял на каком-то зеленом пригорке и смотрел в мою сторону, но так, будто вовсе не замечал меня. Его глаза были почти прозрачны. Во сне я вспомнил о том, что к старости он совсем ослеп, и решил, что именно этим объясняется его странный взгляд. Но тут он поднял руку и поманил меня. Я вздрогнул от неожиданности и – проснулся.

О сновидении я никому не рассказывал и даже попытался забыть его, решив, что приснившееся – всего лишь следствие длительного сосредоточения на одной теме. Однако ровно через неделю сновидение повторилось. Во втором сне Кузьмич смотрел мне прямо в глаза и всё также манил рукой. Что-то мешало мне сразу подойти к нему – ощущение какой-то скованности или даже вязкости сопровождало любое мое движение в сторону ворожца. Зато стоило мне податься назад, как двигаться сразу же становилось намного легче.

Рассказать о приснившемся жене я почему-то не захотел, но при случае поведал обо всем Тихонову. Дядю это весьма озаботило.

– Перестал бы ты, Петь, про этого Ерошкина всех подряд спрашивать. Вон ведь говорят, что он с нечистой общался – потому и после смерти ему нет покоя, приходит да снится, понимаешь.

– А кто говорит-то? – любопытствую я.

– Кто-кто – люди говорят! – вздыхает дядя и, видя, что я уже выживаю из сумки диктофон, обреченно машет в мою сторону рукой. – Вон Володька, он сам из Тагая, шофером работал. Вот мне как-то рассказывал. У него батя лежал в больнице, вот как раз в палате с этим Кузьмичом. А он старый-старый был, уж слепой. И вот сдружились они там – ну, больные люди, известно дело: лежи, ешь да болтай. И как-то Ерошкин ему и предложил: «Ты, грит, возьми у меня силу-то мою, вот это знание, значит, – и будешь ворожить, как я!». Ага. А тот напугался. Отказался, мол. А в другой раз слышит: Кузьмич с кем-то будто по ночам перешептывается. Тот, отец-то Володькин, его и стал спрашивать: с кем ты, мол, по ночам калякаешь? А кувайский отвечает: «Да вот чертям работу даю, а то ведь замучили меня. То канаты из песка заставлю их вить, то воду таскать прикажу!». Вот. Он и отказался – ты что, с чертями-то мороки сколько! – Тихонов смеется, глядя, как я внимательно слушаю его «болтовню».

Вот ведь: никогда не угадаешь, что дядя вспомнит. Иной раз думаю: записал все, что он знает о Кузьмиче. Прихожу в очередной раз – и тот нет-нет да вспомнит что-нибудь еще. Или так по-новому, с дополнительными подробностями и вариантами расскажет уже записанное, что порой хочется включать диктофон еще на подходе к тихоновской избе.

Кстати, совершенно противоположные объяснения «природы дара» Кузьмича (от Бога ли, от черта ли?) встречались мне нередко. Некоторые называли его «хорошенький, божественный старичок», а другие в свое время боялись ходить к нему и отговаривали других: мол, «с чертями якшается – и вам достанется!».

Но в любом случае все знавшие его сходились на одном: дар у Кузьмича был, угадывал он верно.

Мне довелось за несколько лет пристального интереса к Кузьмичу услышать всего четыре рассказа, в которых упоминается о недоверии к Ерошкину или о своеобразной проверке способностей провидца.

Например, одна из кувайских бабушек упоминала о том, что ее дядя с соседом решили подшутить над Ерошкиным и спрятали во время полевых работ его сумку с обедом.

– Наверно, собаки утащили! – так, грубоватым голосом, пытаюсь изобразить мужскую манеру говорить, моя собеседница передавала реакцию Кузьмича на случившееся. Описанием этого случая она ставила под сомнение «всамделишность» способностей Кузьмича: дескать, морочил старик своих посетителей, и всё на этом.

Услышав это повествование, я сразу вспомнил описание другого случая, о котором я услышал в соседней Астрадамовке. Однажды отец рассказчицы, приехав к Кузьмичу, решил с ним за разговором распить бутылочку (ворожец, кстати, этого дела не чурался).

Они уже выпили половину и тут на что-то отвлеклись. Жена предсказателя, недовольная распитием, улучила минутку и спрятала бутылку.

Через некоторое время мужчины хватились, а водки нет. Понятное дело, начались поиски, закончившиеся безрезультатно.

– Да что это я! – хлопнул тут себя Кузьмич по лбу, прикрыл глаза фуражкой и говорит другу: «Иди-ка посмотри, что там стоит возле печи!». Друг пошел и кричит: «Чугунок пустой! Кверху дном стоит» – «А ты его переверни!» – тот перевернул и, конечно, обрел искомое.

Третий сон приснился перед самым рождением Лерочки. Я отвез

жену в новый город «на сохранение», – она лежала там уже второй раз. Роды были сложные и затяжные, я волновался жутко. С работы отпросился, ночевал несколько дней у родителей на Верхней террасе. Когда в 5 утра получил от жены смску: «У меня схватки начались!» – помчался на такси к роддому. Я не мог усидеть на одном месте, ожидая хоть какого-то сигнала от Кати. Исходив все окрестности, в конце концов добрел до дальней остановки, сел на первый попавшийся троллейбус и стал «кататься» кругами по Заволжью (благо, в кармане был отцовский проездной).

Телефон жены был недоступен, в отделении трубку никто не брал. Я долго следил за мелькавшими городскими видами и в конце концов, убаюканный гулом двигателя, заснул минут на десять.

Кузьмич стоял совсем рядом. Он взял мою руку, и я почувствовал его слегка прохладную ладонь.

– Лерой назовешь? Всё будет хорошо! – произнес он, слегка улыбаясь. Я не отвечал и лишь по-дурацки кивал головой. Затем послышался отдаленный шум и откуда-то сверху недовольный голос произнес: «Конечная, молодой человек!». Я привстал от неожиданности. Оглядев пустой троллейбус, я быстро вышел и тут только вспомнил про телефон.

«У нас девочка. На 3 кг», – прочитав Катино сообщение, я рванул к маршрутке.

Леру я смог взять на руки только через две недели: жену с дочкой перевезли в больницу на Льва Толстого, где ребенка «выхаживали» под стеклянным колпаком. Эти времена я помню смутно – ел, спал, куда-то звонил, что-то делал.

Лишь только когда мне объявили о том, что дело «пошло лучше», «в весе прибавляется» и – наконец-то – о том, что «ваших можно забирать», – я словно проснулся. Мы наняли машину до Сурского, и вечером были уже дома.

Становилось холоднее. Ранняя осень превратила поселковые дороги в непролазные топи. Жена и дочка уже спали в соседней комнате, а я машинально просматривал текстовые файлы, которые надо было обработать для послезавтрашнего номера газеты. Как я заснул, не помню, но, судя по нескольким сотням страниц, которые создал мой лоб, удачно примостившийся на «пробеле» клавиатуры, – спал я не менее

получаса...

Мы сидели с ним за деревянным столом в полутемной избе, в которой не было ни одного окна. Кузьмич изучающе смотрел на меня почти минуту, а затем спросил: «Куришь?». Я неопределенно повел головой, сам не понимая, что этим хочу сказать. Он кивнул и протянул мне папироску без фильтра. Мы вместе задымили.

– А я ведь уже далеко: двадцать лет – срок-то немалый. Зачем ты это все... затеял? – спросил он, окутанный мягкими, быстро исчезающими клубами дыма.

– Описать хотел... Интересно ведь, – с трудом нашелся я. Он хмыкнул и стряхнул пепел куда-то за стол. Внешний вид его очень напоминал тот, какой был запечатлен на фотографии, прикрепленной к зеленому могильному памятнику. Одет он был в свой неизменный серо-черный пиджачок и выцветшие брюки.

– Люди говорят разное, – ты думаешь: наберешь побольше и выйдет ладно да складно? – вновь сказал он. Во сне я даже не удивился тому, что он спрашивает меня примерно о том, о чем я сам неоднократно размышлял. Однако так ясно этот вопрос я перед собой боялся ставить.

– Может, меня только рассказы, ну, тексты эти записанные и интересуют! – высказал ему свое «оправдание» – то, которое придумал себе достаточно давно.

Ерошкин опять хмыкнул в ответ; откуда-то на голове у него образовалась кепка. Еще секунду назад ее там не было.

– Ворожить мне будешь? – недоверчиво поинтересовался я. Он кивнул, надвинул ее себе на глаза и...

Я оторвал голову от клавиатуры и пошел чистить зубы на сон грядущий. На лбу красовался красный, как боевой шрам, след от «пробела». Устроившись на соседнюю от моих «девчонок» кровать (Катя спала вместе с дочкой), я долго пытался заснуть, но мысли снова и снова возвращались к сновидению.

В итоге я почти уверил себя, что, судя по содержанию, увиденный только что сон – не что иное, как «проекция моего бессознательного», точнее – очередное следствие моей сосредоточенности на одной теме. Быть может, также сказался стресс последних дней, связанный с рождением Лерочки.

По крайней мере, для меня было слишком очевидно то, что Ерошкин во сне вел себя и говорил со мной так, как мне бы «хотелось» – или, точнее, так, как я себе мог это вообразить – основываясь на той информации, что я уже о нем знал. Иными словами, его интересовали я и мои «изыскания» о нем – этого вполне достаточно для того, чтобы

понять, что сон есть только сон – и ничего больше.

«Чего же больше? – встревожился я вдруг – так, что даже привстал с кровати. – Чем может быть еще сон? Пожалуй, так и до расстройства какого-нибудь недалеко... Может, и вправду бросить все эту «псевдодеятельность»?»

Я подумал на эту тему еще с полчаса, а потом решил, что утро вечера мудренее.

– Врожить тебе собрался? – Тихонов сначала расхохотался, а затем затих, закашлялся и замолчал. – Петь, может, я зря тебя сюда затащил, в район-то наш? – он опять помолчал. – Как Катя-то? А Лера? Вот о них и думай, забудь про Кузьмича, слышишь? – дядя был необычайно серьезен. – Где это видано, чтобы мертвые живым ворожили? Не до шуток мне, Петр... Выпьем давай, что ли, а?

Мы налили прошлогоднего виноградного. Марья Игнатьевна принесла нам по тарелке жареной картошки и нарезанного хлеба (беседовали в сенях, чтобы, как выразился дядя, «женских ушей не мешать»). После второго «кубка» Тихонов снова заговорил о сновидении.

– Я тебе как скажу: у меня ведь тоже всякие случаи были. И вот насчет снов этих самых – тоже ведь. Я ведь знаешь, как Марью-то встретил? Предвещанье мне было!

– Это как?

– Как? Да уж доставай, доставай свою машинку эту, я уж привык, что племян с дядей не слова в простоте – как шпийн, ей-Богу, – Тихонов добродушно заулыбался. Я включил диктофон.

– Сон мне был вещий, понимаешь? Гаданьем всё вышло. У меня бабка была – с мамкиной стороны. Она с нами до самой смерти жила, я ее любил, наверно, больше, чем родителей. Я молодой когда был, она мне и говорит (вот это время такое было – до Крещенья когда): «Лешка, хочешь девку свою увидеть?». А у меня тогда и не было никого особо-то – в клуб на танцы бегал, конечно, но это не то. Я ее спрашиваю: «Какую девку-то?». Она смеется: «Какую девку? Да суженую твою, ряженую!». Я тоже смеюсь, но способ выведал, – у нас так девчонки делали, да я подробностей не знал. Короче, берешь щепки или спички, что ловчее и – колодезь под подушку складываешь. Понял – как? – он показал сложенные в квадрат пальцы обеих рук. – Ну, и всё – слова там эти говоришь – про суженого-то. И приснилась мне Машка! Как она есть, так и вышла – в платке ее, платье, лицо, руки – вся и вышла, как она

тогда была. Вот тебе и сон! Веришь-не веришь – а поверишь! – Тихонов налил нам еще немного самодельного вина.

Он, кстати, был «знатнейшим виноделом», как он сам себя шутиливо называл. Вино у него и впрямь выходило хорошее – к нему даже соседи являлись на пробу. У меня, сколько он ни делился рецептом, такого напитка никогда не получалось: то приторно-сладкое, то слишком кислое.

– А покойники во сне – с ними вообще с опаской надо общаться. Зовут ли, кликают – нельзя ходить за ними. А он, вишь как, манил тебя рукой-то, а ты – и рад-радехонек.

– Да я и не рад, дядь Леш. Все это психология...

– Вот-вот до психологии себя ты точно доведешь-доканаешь, – подтвердил Тихонов.

В общем, я ушел от дяди не слишком довольный собой, почти поклявшись себе, что больше никогда не буду ему «докладываться». Наверное, в этом и была моя ошибка.

Глава 9. Коленька

В то время я познакомился еще с одним человеком, хорошо знавшим Кузьмича. Андрей Петрович был родом из Кувая, но сейчас жил в Сурском.

– Я тогда еще мальчишкой – лет семнадцать, наверно, мне было, – рассказывал он, отвечая на мои расспросы. – В колхозе работал – там с Кузьмичом и подружился. Я у него вроде как учеником стал, полюбил он меня больно. Все говорил, что я на Коленьку его похож – это сын его, он маленький умер совсем.

Кузьмич рассказывал: ярмарка была, а сын-то его просился с ним: «Тятя, мол, возьми меня с собой!». А дождик был – проливной, холодный. И вот Ерощкин-то его не взял: побоялся простынет. А Коля-то так расстроился, что весь день проревел. Вот сердечко у него и зашло, – умер. «Как я, говорит, себя корил! Как плакал! Свету белого невзвидел: уж и мог, говорит, ведь я его спрятать в телеге от дождя!». Мог бы взять его, ага. Да только кто же знал-то...

А у них еще курочки были – и вот Коленька-то одну беленькую любил очень. Так вот: сначала она умерла, как будто и без причины, вдруг как-то. Ага. А там – и сынок его. Видишь, как...

Что удивительно: Андрей Петрович, так хорошо знавший Ерощкина, почти ничего не мог сообщить мне о его легендарных способностях.

– Ну, в селе-то говорили об этом, слышал я. Да только мы с Кузьмичом ни разу про то не толковали. А работали-то долго с ним вместе, да, – кивает Петрович.

Именно эта беседа приоткрыла мне еще одну грань личности Кузьмича: значит, можно было почти ежедневно видеться с предсказателем, дружить с ним и при этом находиться как бы «вне парадигмы» его способностей, не знать о них и не испытывать нужды в самом этом знании. Эта мысль сделала для меня образ Ерошкина как-то еще ближе, роднее.

Глава 10. На Якимовке

От дома Ерошкина действительно ничего не сохранилось. Правда, в зарослях можно еще было различить остатки фундамента; где-то в огороде прятался давно высохший колодец, и повсюду были яблони. Я приехал в Кувай в третий раз в начале мая – как раз в ту пору, когда деревья покрылись нежными белыми цветами.

– Ведь как он любил эти яблони! – вспомнились мне слова тети Саши, которую я решил в этот свой визит не беспокоить: и без того я уже, вероятно, поднадоел ей своими бесконечными вопросами. – Бывалоча, съест у кого-нибудь яблоко – понравится ему вкус и берет от него семечки либо попросит веточку от дерева – и привьет у себя в саду. А как уж старый стал, ослеп совсем – подойдет, бывало, к яблоньке, погладит ее своей шершавой рукой и скажет: «Подруженьки вы мои! Некому за вами-то ухаживать...». Общался с ними, как с людьми, да...

Я прошелся по заброшенному саду, все деревья которого были когда-то посажены рукой Кузьмича, и прикоснулся к толстому стволу одной из яблонь. Затем захотелось сесть на теплую, прогретую весенним солнцем землю, покрытую зеленой мягкой травой. Сняв легкую куртку, я постелил ее прямо возле приглянувшейся мне яблони и уселся спиной к дереву. Было хорошо на душе; дул слабый теплый ветер. Я закрыл глаза, – мне показалось, буквально на минуту.

Почти сразу же что-то едва уловимо изменилось в окружающем меня пространстве. Высохшие прошлогодние заросли травы и кустарника куда-то делись, вокруг сада из ниоткуда возник покрашенный светло-синей краской забор. Направо от меня расположилась изба – самая обычная, с сеними и двумя сараями поодаль.

Я привстал, отряхнул с себя листья и приставшие к штанам травинки. А затем, словно только и ждал появления этой избы, напрямик направился к двери. Она открылась без малейшего скрипа – видно,

хозяин хорошо смазывал петли. В доме было светло и чисто. В сенях с левой стороны стоял небольшой стол и старый топчанчик, на котором восседал Кузьмич. Он был в желтоватой, местами выцветшей до белого фуфайке. Перед ним стояла самодельная пепельница, сделанная из какой-то жестианки. Я застал его за попыткой прикурить.

– Отсырело, что ли... Не могу никак. Богат огоньком? Ты ж куришь, я помню, – он совершенно по-детски обрадовался моей зажигалке и пригласил меня сесть с ним рядом на маленькую деревянную табуретку, поверхность которой была покрыта какими-то надрезами.

– Садись, садись, не бойсь: крепкая табуреточка, я на ней мастерю иногда. Проверенная, значит!

Мы помолчали. Он сделал несколько затяжек, явно получая от этого большое удовольствие.

– Тебе Сашенька что же – не говорила разве? – спросил он вдруг озабоченно. – Я, былоча, ей сколько раз толковал про это.

– Про что? – спросил я и с удивлением услышал свой голос – он показался мне странно искаженным, будто бы чужим.

– Да про что, про что, – Кузьмич заерзал на своем топчане. – Не передается у меня – вот про что. Дар это Божий, понимаешь? Сколько раз уж приезжали сюда. Она не рассказывала, что ли? Ох! – он недовольно крякнул. – И деньги предлагали, и квартиру в городе. Ухаживать, говорят, за тобой будем, пока не помрешь. Ага. Вот уж одолжили! – тут он улыбнулся, и мне от этого стало сразу как-то легче. – Всё только чтобы я передал бы им. А как я передам, ежели это не мое? Это мне дадено, понимаешь?

Я кивнул и потушил докуренную папироску о жестианую банку. Ерошкин несколько секунд меня пристально рассматривал – мне показалось, с каким-то недоверием. Затем он вздохнул и весь как-то обмяк.

– Ведь это крест! Знаешь, какой это крест? Ни минуты покоя не было ведь в жизни моей: и днем, и ночью шли. А там – под дерюгой-то этой, когда закроешься и видишь всё, – легко думаешь? О смерти легко человеку в глаза сказать? Трудно, брат, ох, тяжело. И врал поэтому, врать приходилось, да... А эти, былоча, пришли тогда – помаевские они были, что ли, черт их знает! Ты, грит, про две ямы с зерном скажи, а про третью не смей – голову и тебе, и жене твоейотрежем! А? Вот каково?!

Я вспомнил рассказ его внучки о том, что к Ерошкину однажды пожаловал председатель колхоза вместе с районным участковым. Просили указать, где украденное зерно. А накануне вечером к Кузьмичу заявили воры – предупредили, чтобы не всю правду сказал.

– Угрожали, как же, – продолжает Кузьмич и снова достает папироску. – Я ведь как почувствую, что придут скоро, если недобры кто, – так уходил на Тихвинский или подальше туда, за родник, было у меня там место одно. Про него только я знал да еще лесник – хороший мужик, ты б с ним тоже покалякал...

Он прервался, потому что неожиданно откуда-то из подпола раздался хруст, похожий на треск отсыревших дров, горящих в печи. Изба тут же пропала, а хруст остался и стал приближаться. Я открыл глаза и сразу почувствовал, что замерз: все-таки спать на земле было еще рановато.

– Сан Саныч! – представился мне «автор хруста», когда я пожал ему руку. Я отряхнул куртку и, одев ее, пошел вслед за моим новым знакомцем.

– Мы с ним соседи были – самые что ни на есть близкие, – двор в двор жили. Все время бегали к ним помогать – то воды принесешь, то полы помоешь. А Кузьмич-то, бывало, пряник или пять копеек даст нам, детворе-то, ага. А для нас – целое богатство: в кино можно было сходить. У них деньги-то всегда водились: ведь народ с пустыми руками не придет. Это как к врачу: каждый труд должен быть оплачен, – рассказывает мне тетя Валя Сержантова, супруга Сан Саныча, пока я угощаюсь чаем с блинами.

– А однажды, помнишь – с калошей-то пришел? – напоминает ей муж.

– А-а! Как же, – мы в соседях, у родителей мал мала меньше, а тут – под вечер слышим: грохот, шум, крики! Мужик приехал откуда-то, по моему, астрадамовский. Снял калошу с ноги и давай Кузьмичу по окнам барабанить! «Сожгу! – кричит. – Сожгу!».

Отец мой вышел и говорит: «Ну, ты его спалишь, а ко мне перекинется – у меня восемь человек детей. Они-то в чем виноваты?». Короче, на силу его уговорил, увел, успокоил. А как вышло-то... В общем, тогда жара стояла страшная, начал хлеб гореть да дома. Вроде как – вредителей искали: кто это, мол, поджигает? И Кузьмич якобы указал на одного – так его чуть не убили по ерошкинской «наводке». И вот он-то с калошей и приходил – отомстить захотел. Да мне кажется, что Кузьмич ничего и не говорил про него, а те придумали, чтоб на кого-нибудь вину спихнуть. А может, и сказал. Кто в этом сейчас разберется-то? Времени-то сколько... – Сержантова замолкает и снова предлагает «приналечь» на блины.

Я вспоминаю слова приснившегося мне Кузьмича о том, что способности – «это крест».

– А лесником-то у вас сейчас кто? – интересуюсь я.

– Сейчас там кто-то молодой – я и не знаю. Мы ведь сами-то в городе живем, а сюда приезжаем, как в «родовое имение» – на лето. Жалко продавать дом: он ведь – как человек близкий, ей-Богу... – тетя Валя обводит глазами выцветшие обои зала, в котором мы трапезничаем. На стенах – старые фотографии. Некоторые из них собраны под одной стеклянной рамкой в своеобразную «композицию» – так, как это обычно делается в селах.

– А Якимовка какая была! – вставляет Сан Саныч. – Дом к дому, зелень, чистота – самая красивая улица считалась в Кувае! Это сейчас все быльем поросло...

– А вот когда Кузьмич-то жив был – лесником кто был? Друг вроде его? – продолжаю я спрашивать. Для меня было очень важно выяснить, имеет ли хоть какое-то отношение к действительности то, что мне приснилось. Или же сон – это только сон?

– Друг? – в задумчивости переспрашивает меня Сержантова.

– Вот они как-то вроде на Тихвинский родник вместе с ним, с Кузьмичом-то, ходили... – делаю я последнюю попытку, уже не надеясь на ответ.

– А-а, так это дед Вася Суворов! – оживляется тетя Валя. – Только он не лесником, а так – на делянках работал. Да, с Ерошкиным они часто

ходили на родник, – чистили там лотки, обихаживали все. Вам бы туда, кстати, на родник съездить бы – особенно на Тихвинскую, на праздник. Там наро-оду! Как на Никольской горе! У нас Тихвинская-то когда? – спрашивает она мужа.

– Тихвинская? В июле вроде как... Девятого июля он, праздник-то! – говорит ее супруг, авторитетно звякая ложкой о стакан в попытке размешать мед.

– Вы блины, блины кушайте! Я ведь все утро сегодня возилась, как словно чувствовала, что гости будут... – снова убеждает гостеприимная Сержантова.

Я проговорил с ними не меньше двух часов. Уточнил и адрес Василия Суворова. Оказалось, что живет он теперь в райцентре – чуть ли не на соседней улице от моей избушки.

– Вроде в прошлом году еще жив был. Хороший старичок – ему, наверно, под девяносто сейчас. Но в разуме, в разуме, покалякать может. Глуховат, правда, но его только направить на нужную тему – и он вам все расскажет в подробностях. Память удивительная! – так охарактеризовал Суворова Сан Саныч, протягивая мне на прощанье руку.

Глава 11. Княжуха

Дочка спала по ночам плохо – просыпалась почти каждый час. Молока у Кати не было, так что бутылка с кефиром у нас всегда стояла возле кровати наготове. Иногда Лера бодрствовала полночи напролет. Тогда мы с женой дежурили по очереди.

Непривычная роль отца мало-помалу поддавалась мне; были, конечно, промахи, непонятное раздражение, но было и самое главное – ощущение готовности в любой момент отдать жизнь за дорогих мне существ. И это чувство вдохновляло на творчество, на работу сильнее самого искреннего интереса или специального интеллектуального усилия – моих обычных «стимуляторов» к жизни.

Катя после родов изменилась – и физически, и духовно. Она немного располнела, что, впрочем, ей шло. К моему изумлению, она так быстро и так естественно превратилась из девушки, почти девочки, в жену и мать, что я порою наблюдал за ней, почти замороженный этой удивительной трансформацией...

Чтобы утешить дядю, по весне я занялся своим «приусадебным хозяйством».

– Земле пустовать нельзя – это как-то... даже примета какая-то нехорошая. Ты ее хоть цветами да засади! – говорил мне Тихонов, глядя на мой небольшой огородик.

Он захаживал ко мне не очень часто. Первое, что он делал, еще даже не войдя в избу – осматривал все мое нехитрое хозяйство с явным желанием увидеть что-то новое. Не найдя искомого, он недовольно кряхтел и, присаживаясь на табуретку, говорил:

– Вот я, Петр, понимаю, что ты человек занятой да еще и из города, но избу-то надо в порядок приводить: вам и о кровле нужно подумать, и крыльцо у тебя – без перил. Ты прямо как старушка Лаврентьева, ей-Богу, – та жила всю жизнь в этой избе и всё говорила: «Зачем мне? Я уж к Богу иду, а ты – крыльцо да крыльцо!». Так и ты! Дождешься – сам приду, сделаю! – угрожал дядя, затем еще некоторое время ворчал, и после мы пили с ним чай, говорили о «политике». Тихонов любил, когда я пересказывал ему районные новости и сплетни, в которых, по его выражению, я был «первый знаток» – «в связи с рабочим положением».

Нашу газету он внимательно прочитывал «от корки до корки» и, если с чем был не согласен – непременно сообщал мне, не важно имел ли я отношение к прочитанному им тексту или нет. Пару раз мы даже с ним распорились из-за этого, но затем я махнул рукой, так как понял, что для дяди обсуждение газеты со мной было чем-то вроде «отдушины» от привычной житейской рутины, и лишать его такого удовольствия было по меньше мере бестактно.

Он и сам служил для меня источником различных новостей и не раз выручал идеей для очередной заметки в нашей районке. Были у него и свои фразы-«пластинки», которые он воспроизводил почти при каждой нашей встрече.

– Вот, Петр, ты сам знаешь: у нас не просто райцентр – к нам ведь сколько на Николу приезжает? И из Мордовии, и из Чувашии, и из Ульяновска! А дорогу-то нашу к Никольской горе видал? Вот ты и напиши про то – про ямы да ухабы!

На это я ему отвечал, что пользы от моей «писанины» в данном случае немного – здесь деньги нужны, тогда и дороги будут.

– Деньги? – улыбался Тихонов. – Да денег у них полно – лопатой не выгребешь. А дел – шиш!

Впрочем, с «политики» мы нередко переходили на более интересные для меня темы: дядя вспоминал молодость, любил рассказывать о селе, где он родился и прожил до «самой армии» (он был родом из Княжухи).

– Вот у нас в Княжухе-то раньше было две церкви – это потому, вроде, что село поделенное было – между двумя хозяевами, управляющими, что ли, – Оболенским и Жилинским. А над ними еще какая-то княгиня была, в Москве жила – поэтому так село и назвали. И мост у нас навесной – до сих пор есть он, кажись. Идешь по нему, а он

покачивается, а кругом – зелено, и село видать, – красота! Ты бы съездил туда, посмотрел – не пожалеешь! И мне бы рассказал! – всё соблазнял меня дядя.

И вот как-то на выходных я действительно засобирался на «малую родину» Тихонова.

Удивительно, но как только я решил поехать в Княжуху, сразу у нескольких моих знакомых нашлись поручения для меня.

– У них там директор школы – любопытный человек. Можно поговорить, глядишь, и интервью выйдет, – как всегда, немного смущаясь, обмолвилась Светлана, мой главред.

У Кати в этом селе жила подруга, которой нужно было обязательно передать привет; про Тихонова и его мост я уже упоминал. В общем, хочешь-не хочешь, а ехать надо.

И вот таким образом в ближайшую субботу в 11 утра я оказался на остановке с бело-синей надписью «Княжуха». На асфальтовой дороге, на поле, на котором зеленели озимые, в соседней роще – одним словом, повсюду были вороны. Такого числа черных птиц я еще нигде не встречал.

Перейдя трассу, я направился в сторону села, в которое вела неширокая асфальтовая дорога. Княжуха встретила меня памятником Ильичу и видавшим виды небольшим зданием местной администрации.

Через несколько минут я нагнал женщину лет пятидесяти, которая, к моей радости, оказалась местной учительницей. Она тут же указала мне, где живет директор школы. Однако я отправился к нему лишь через несколько часов, поскольку Антонина Юрьевна оказалась очень хорошей собеседницей.

– Старика кувайского многие из княжухинских знают. Вам бы мама моя о нем много рассказала – это баба Катя Терентьева, она на той улице живет, – учительница показала куда-то вправо. – Мама с его дочерью в больнице лежала.

– Это с дочерью Кузьмича?

– Ну, да. Она, дочка-то, тоже чем-то таким обладала – ворожить, что ли, умела... А вообще – у нас тут Сабуров колодезь есть! На него раньше все ведьмы слетались! Не слыхали про него?

Я, изумленный таким резким поворотом темы, отрицательно покачал головой. Выяснилось, что «колодезь» – местная достопримечательность, о которой знают все – от мала до велика.

– Вот однажды тут у одной муж узнал, что она летает на этот колодезь. Проснулся ночью, видит: жена какой-то пузырек за божницей достала, выпила, превратилась в ворону и – шмыг в трубу! Ну, он, не будь дурень, – вскочил, отпил из пузырька и «очутился, грит, я на Сабуровом колодце». А там – все пляшут, прыгают, кто свиной, кто птицей, кто собакой – в общем, до утра он там на этот шабаш любовался. А потом, как все закончилось, пошел пешком домой. Дома на него жена: «Мол, ты где по ночам шляешься?». Он ее – за волосы рукой: «Это вот ты где бываешь по ночам? Еще раз увижу, что на Сабуров летаешь – убью собственной рукой!». Ну, и отучил ее: говорят, всё – больше не летала!

Развернутые рассказы на подобный сюжет я еще ни разу не записывал, и, признаюсь, меня это сильно заинтересовало. По словам учительницы, о колодце знают в Княжухе многие.

– Мы с детьми даже исследовательскую работу писали по местным родникам и колодцам. Вот в Сабурове-то вода плохая, ее лучше не пить, там состав какой-то нехороший, – рекомендует мне Антонина Юрьевна. – Сейчас этот колодезь и не сыскать уж – он весь зарос, только место можно показать.

Далее я попытался найти директора местной школы, но оказалось, что он уехал по делам в город. Это было, в общем-то, мне на руку, так как позволило больше времени уделить беседе с бабой Катей Терентьевой (я отправился к ней, последовав совету моей предыдущей собеседницы). У ней я и остался до самого вечера, поскольку баба Катя – действительно

настоящий клад для того, кто интересуется рассказами о сверхъестественном и необычном.

– Этого старика-то кувайского у нас многие знали, ездили к нему, да. А мне вот только с дочкой его Анеткой удалось познакомиться. Как получилось: в больнице вместе лежали, мне пеницит резали, а у ней жировики были – тоже операцию делали. Ну, вот к ней санитарочка одна пристала: «Погадай, мол, да погадай!». Она поначалу отнекивалась, а потом говорит: «Ну, давай карты!». Раскинула и говорит ей: «С парнем этим, про которого думаешь, у тебя ничего не выйдет. Ты матери его денег дала, ну, так вот: она тебе их не отдаст и вас с ним разлучит!». Ну, и все: так потом и вышло! – отвечает на мой традиционный вопрос про Кузьмича моя новая знакомая.

Бабе Кате тогда уже было восемьдесят два. Во время первой нашей встречи она показалась мне моложе лет на пятнадцать своего возраста – красивая, статная, с великолепной памятью. Во второй раз мне с ней удалось побеседовать лишь шесть лет спустя – уже в Ульяновске. Вторая встреча, естественно, совсем не походила на первую: годы властно напоминали о себе – я увидел маленькую, будто высохшую старушку, в которой не сразу признал мою собеседницу из Княжухи...

– Ну, так вот – продолжает баба Катя. – И я тоже набралась смелости и попросила Анетку погадать. А у меня как: у снохи кольцо обручальное потерялось – и никак найти не могли. «Ну, раз такое дело – давай!» – начала тасовать. Я карту вынула, она посмотрела и говорит: «Кольцо твое подняла женщина рыжа – накрыла полотенцем и подобрала! Но она его вам не вернет: продаст кольцо-то!». Ну, все сбилось! Как сказала – так и вышло.

Мы незаметно переходим на другие темы: беседуем о селе – о том, кто в Княжухе на поминках поет-читает; об оборотнях и русалках; о домовых и являющихся мертвецах; наконец, «добираемся» и до Сабурова колодца.

– Этот колодезь мой прадед вырыл. Там работали в поле – вода нужна была, вот и сделали. И вот как-то отец там бороновал, присели обедать возле этого самого колодезя – и вдруг – вихорь поднялся. И ножик – фьють! – и усвистался. Стали искать нож – ну, нет нигде. А на этот Сабуров-то раньше волхуны слетались – со всей округи. Мужики княжухинские у нас одно время ездили на заработки на Украину – так даже и там про наш колодезь знают!

А потом-то отец у одних свой ножик-то и обнаружил: у них Марья-то этим делом занималась – летала туда. Вороной обернется – и только ее видели! – Терентьева машет рукой куда-то направо – вероятно, в ту

сторону, где располагается таинственный колодец.

Я сразу вспоминаю про несметное число ворон, которые встретили меня на автобусной остановке возле села, и – по спине пробегает неприятный холодок.

– А у нас тут ведь не только кувайский ворожил! И в Ольховке был старик, в Помаево был дедушка, и в Моргах старушка. Да и в Васильевке лечила бабушка, – неожиданно начинает перечислять баба Катя.

Уже в самом конце нашего разговора – за кружкой чая – моя словоохотливая собеседница вспоминает, как однажды увидела «инопланетну тарелку».

– Ее пол-Княжухи видали. Я поначалу думала, что это дом на соседней улице загорелся. Побежала туды, а там блестяща, продолговата – зависла над колодцем и вроде как этим лучом воду набирает. Пока я очухалась, она уж пошла над полем – такая белесая, серебриста. А в поле-те Шурка Куракин на тракторе работал, вот он потом рассказывал: «Как прошла она надо мною-то, так трактор и встал – ни туда, ни сюда!». Она потом еще садилась – там за остановкой. Туды потом полсела бегало, след от нее смотреть!

Мне пора. С большим сожалением и неохотой я расстаюсь с моей новой знакомой, сердечно прощаюсь с ней и выхожу на улицу. Небо Княжухи совсем потемнело. Редкие фонари сопровождают мой путь к автобусной остановке.

До сих пор не помню, как, на какой попутке я добрался до Сурского. Навязчивые мысли о конечной цели всей моей работы, связанной с «Ерошкинской темой», снова начали мучить меня.

Глава 13. Одеяльце

Ночь. Уже около трех часов. Я хожу из угла в угол небольшой кухонки нашей избы.

– Что же мне со всем этим делать? Все эти бесконечные записи, которые оседают в памяти моего компьютера, забирают мое время, не дают мне жить обычной жизнью – как все... Зачем мне всё это? – спрашиваю я себя вновь и вновь.

Сколько бы раз я ни подступался к записанному – с целью хоть как-то оформить все это, в виде статьи, книги, фильма – как угодно, в какой угодно форме, - всё рушилось и рассыпалось. Все казалось не нужным и уже кем-то сделанным до меня.

– В очередной раз выделить какие-то повторяющиеся мотивы? Создать сюжетный указатель? Сравнить рассказы о Ерошкине с другими

– десятками, сотнями текстов о таких же «предсказателях», как он? Да кому это нужно? Кого это заинтересует? Раз это не интересно даже мне! Но как? Как тогда мне поступить?! – снова хождение по кухне, – и уже четвертая чашка кофе.

Меня вырывает из замкнутого круга собственных мыслей плач дочки, и я с каким-то внутренним облегчением спешу в детскую комнату.

– По-моему, у нее зубки режутся, – сообщает мне шепотом Катя. За ужином она говорила мне о том, что у Леры днем была температура, и она вела себя беспокойнее, чем обычно.

Через 15 минут все затихает. Слышны только тиканье часов в зале и похожий на стрекотанье какого-то насекомого звук от старого черного электросчетчика (наследство, доставшееся нам от бывшей хозяйки избы).

– И эти сновидения... – продолжаю я свое хождение по кругу. – Зачем я их выдумываю? Точнее: зачем я их сам себе «транслирую» во сне?

Самое главное, что мучило меня в тот момент – это непонятная бесцельность моих записей о Ерошкине.

– Ведь не могу же я собирать сведения о нем просто ради самого этого «сбора»! А почему бы и нет? Почему цель процесса не может заключаться в самом этом процессе? – я останавливаюсь, размышляю об этом несколько секунд – и снова по кругу.

– Какие у меня претензии, например, к научному изложению? – спрашиваю я и начинаю мучительно морщиться, как от зубной боли. Небольшой опыт написания научных статей у меня был; Ерошкин, конечно, потребовал бы целой монографии. Но сама мысль об этом – о том, что придется прибегать к условностям научного языка, к имитированию «знакомства с историей вопроса», а главное – в итоге создать очередное «научное описание», весьма далекое от того, что мне пришлось услышать и пережить, претила мне и отвращала от самой этой попытки.

Хотя, повторяюсь, для такой работы все, казалось, было готово: материала было море, примерные методы описания известны, было с чем сравнивать и вполне понятно, как организовать само исследование.

Но вся заковыка в том и состояла, что меня не устраивал такой подход в принципе.

– Все собранные мною тексты, записанные интервью и беседы в научном исследовании примут вид безжизненных цитат, приведенных для подтверждения авторских идей или, к примеру, для того, чтобы описать «локальный вариант традиционной культуры». Сам образ человека, Ерошкина бесповоротно исчезнет в такой работе. Даже если я

издам сборник текстов, который будет сопровождаться указателем, комментариями, определенным образом структурирован – Кузьмича там не будет и в помине. А будет лишь «типическое лицо в типических обстоятельствах»!.. Что же делать? Бросить все это? Сдаться? – мне было безумно жалко и горестно – будто я собирался забросить не свое «увлечение», а похоронить часть собственной жизни и судьбы.

– «Судьба» здесь, наверное, ключевое слово! – продолжал я терзать себя. – Вот уже почти два года я занимаюсь данной темой, и все это время я чувствую, что живу как бы под «знаком Ерошкина». Моя жизнь и поступки так тесно переплелись с этим человеком, с воспоминаниями и рассказами о нем, что я даже не знаю, смогу ли я (даже если очень захочу!) оторвать себя от Кузьмича. Вот ведь в чем дело-то!

С некоторым страхом я ждал момента, когда выпитое кофе перестанет действовать и мне придется ложиться спать. Предчувствие нового «ночного свидания» с Ерошкиным пугало меня, хотя я и не мог дать себе отчет, чем именно был вызван этот страх.

Приснился он мне только через два дня. Причем сон случился не ночью, а днем: после очередного интервью по работе я решил забежать домой, чтобы пообедать; сон сморил меня на какие-нибудь 15-20 минут.

Кузьмич сидел на своем топчанчике и что-то шил. Он молча показал мне на изрезанную табуретку рядом с собой. Я послушно сел и стал следить за его ловкими движениями. С левой стороны от него горкой лежали лоскутки материи разного цвета. Он как раз закончил пришивать один из них и взялся за другой. Прошло еще несколько минут в полном молчании.

– Одеяльце себе новое шью, – наконец пояснил он, в очередной раз вонзая большую иголку со вздетой серой ниткой в кусок материи. Снова тишина. В творимое на моих глазах «одеяльце» уже были вшиты лоскутки четырех разных цветов и всех мыслимых конфигураций. Казалось, что тот, кто подготавливал эти куски материала, специально задался целью вырезать их как можно причудливее и разнообразнее.

Тут Ерошкин неожиданно прекратил шить и, посмотрев на меня, поднес получившийся трапециевидный кусок сшитой материи мне прямо к лицу.

– Ну, как пойдет? Нравится? – глаза его смеялись, но вид и голос были строги. Я пожал в ответ плечами.

– А доделать-то всё равно надо! Люди ко мне приходят, а я под одеяло лажу, ворожу, – стыдно под старой дерюжкой на виду у всех лежать. А тут – любо-дорого посмотреть: цветное, яркое. А на ощупь попробуй-ка! – он сунул свой неоконченный труд мне в руки, и я нехотя

взял сшитые лоскутки...

– Да это я тебя накрыть хотела, что ты как хватаешь-то его! – улыбается Катя. Она попыталась укрыть меня одеялом и разбудила.

Я вскочил с дивана. Дневной сон слегка взбудрил меня, и, поцеловав на прощанье жену, я побежал в редакцию: сегодня как-никак день верстки!

О приснившемся я вспомнил только за ужином. Мне стало нехорошо и душно в избе, и я вышел во двор. Конец июля выдался прохладным, зато звезды светили насыщенно и ярко – как в августе, во время звездопада.

– И зачем он мне одеяло-то свое в руки сунул? – с тоской подумал я. Очень захотелось рассказать про сон Тихонову, но было уже поздновато. Впрочем, я хорошо знал о его возможной реакции: наверняка начнет уговаривать, чтобы я вообще бросил думать про Кузьмича.

– Надо еще раз съездить в Кувай и поговорить с его внучкой. Выложу ей все начистоту – может, посоветует что-нибудь! – решил я, и от этого сразу стало легче. Ночью спал сном праведника.

Глава 14. Дедовский фотоальбом

Поездку в Кувай пришлось отложить. Жену с дочкой положили в больницу, поскольку первые зубки у нее резались очень тяжело – температура доходила до 39. Я сильно переживал и не мог ни о чем другом думать.

После того, как их выписали, мы решили с женой съездить на несколько дней в Москву – «разогнать тоску». Нам и впрямь нужно было отвлечься и отдохнуть – ей от четырех стен нашей избушки, в которых жутко надоело сидеть. Мне – от работы и от всего остального. Лерочку оставили с родителями жены, которые были не прочь повозиться немного с внучкой.

Кате в столице понравилось, а я уже через несколько часов захотел уехать: многолюдье с детства угнетало меня. Правда, мы сумели в эту поездку осуществить давнишнюю мечту – побывали в МХТе, смотрели «Трехгрошевую оперу».

Вернувшись из Москвы, я захотел проведать деда Васю Суворова. После работы я завернул к Тихоновым, для того чтобы уточнить дорогу до его дома (его адрес я подзабыл, хотя Сержантовы мне и называли его).

– Так он же глухой, как пробка! – «порадовал» меня чуть ли не на пороге гостеприимный дядя.

– У него слуховой аппарат есть, может, и услышит чего! Так-то он говорливый старичок-то, – возразила ему Марья Игнатьевна.

Когда дядя меня спросил, зачем он мне понадобился, я попытался увильнуть от ответа, но ничего не вышло.

– Опять, чать, про Ерошкина своего будешь спрашивать! Он ведь из Кувая, Суворов-то, – высказал догадку Тихонов и тут же по моей реакции понял, что прав. – Знаешь что, Петь, не хотел я тебе про то говорить, но должен же кто-нибудь тебе глаза открыть. Ведь о тебе уже слухи всякие по поселку пошли! Чего только не наслушаешься!

– А ты не слушай! – вдруг снова вставила Марья Игнатьевна. – Наплетут всякого, давай еще сплетен бояться!

– Ну, бояться-не бояться, а к мнению народа прислушиваться надо! – с достоинством отвечивал дядя и обиженно замолчал.

– Да кто говорит-то? – не выдержал я.

– Главное, не кто говорит, а что! – продолжая сохранять важное выражение лица, ответил дядя. – Сплетничают разное. Например, что ты про Ерошкина любопытствуешь совсем не зря – а совсем так, как Ирина...

– Какая Ирина? – я просто остолбенел от неожиданности.

– Да внучка его. Ты не слышал, что ли?

Я только развел руками.

– Ну, вот, – усмехнулся Тихонов. – Спрашиваешь-спрашиваешь, а самого главного и не знаешь. Ирина – она ведь лечила тоже вроде как. А сама в городе жила. И вот, говорят, она приехала как-то в Кувай на могилу дедову и разрыла ее. Потревожила, в общем. А уж зачем она сделала – кто знает. Говорят, силу его хотела перенять. Ага.

– Так... Так а я-то тут причем? Сплетни-то эти...

Тихонов многозначительно переглянулся с женой, помолчал немного и продолжил:

– Ну, вот и ты, стало быть, тоже так – мол, интересуешься, ходишь, спрашиваешь – а сам ворожить вроде как хочешь научиться! – дядя еще некоторое время сдерживался, но, увидев мою полнейшую растерянность, не выдержал и от души расхохотался.

– А ты как думал: у нас народ всегда найдет объяснение любому чудачеству! Чуть-чуть отличаешься от других – и хлоп: либо колдун, либо дурак... Ну, ладно, ладно, не принимай так близко! Но слух точно такой есть – сам был свидетелем таких разговоров!

Признаюсь, я уходил от дяди с тяжелым сердцем. Мне никогда не приходило в голову спрашивать себя о том, какое мнение складывается обо мне у ближайших соседей по улице и вообще в поселке. Мои

расспросы всегда представлялись важными только для меня самого, и то, о чем думали и что говорили люди после нашей беседы, как-то не слишком заботило меня. А ведь что-то говорили и о чем-то думали...

Два года моего пристального интереса к ворожю, конечно, не могли пройти бесследно. Однако слава того, кто пытается «перенять силу» у давно умершего предсказателя, была мне весьма не по душе.

Разговор с дядей так огорчил меня, что я решил даже отложить визит к Суворову «на потом» и направился, было, домой, попытавшись выбросить все это из головы. Но, как всегда, мысли мои то и дело возвращались к тому, о чем думать не хотелось, и в конце концов я сказал сам себе: «Если подобные пустяки способны мне помешать, то значит все мои предыдущие занятия и интерес были пустышкой!». Это укрепило мою решимость, и я начал искать дом, расположение которого со вздохом подсказал мне Тихонов.

Дом деда Васи оказался очень похож на мою избушку, так что когда я принялся барабанить в раму окна (меня предупредили, что делать это надо настойчиво и громко), то никак не мог отделаться от ожидания того, что открыть дверь должна Катя.

Стучал я долго, но наконец в избе что-то зашумело, послышался кашель, а затем – звуки шагов. Через несколько минут на пороге показался небольшой белобородый старичок с двумя костылями в руках. Я начал кричать ему чуть ли не в ухо, пытаюсь объяснить, зачем пожаловал. Дед улыбался, кивал головой, но было понятно, что совсем не слышал меня. Наконец, басом, который никак не подходил к его тщедушному телу, он произнес:

– Это про пенсию, что ли? Не разберу я, сынок, пошли в дом, игрушку свою нацеплю! – он, перебирая костылями, развернулся, и я последовал за ним.

Когда он вставил наушник, там что-то неприятно запищало, булькнуло, дед Вася удовлетворенно хмыкнул и сказал:

– Думал, что сели эти... батарейки-то, – ан нет! Работает. Да ты садись, говори тепереча.

– Я к вам побеседовать! – закричал я, наклонившись всем телом вперед.

– Да что ж ты орешь! – деловито заметил дед и снова поправил наушник. – Совсем оглушил. Ты говори тихо да чтоб ясно было. Что ж не побеседовать-то, если человек хороший. Да про что спрашивать-то будешь?

– А вот я в Кувае был – и там мне про Ерошкина рассказывали. Говорят, вы его знали близко?

– Кузьмича-то? – Суворов приободрился и даже приосанился. – Как не знать! Дружили мы с ним. Хороший мужик был.

– А вот расскажите поподробнее о нем.

– Ну, что рассказывать: бывало, в лес ко мне приходил. Я как делянку-то разрабатываю, так мне помощники нужны. Вот он прибежал иногда, помогал. В струбе моем, это лесной струб был, вот в нем ночевал он. Я его и на охоту брал, да только он не слишком это дело любил. «Я, грит, былоча, не люблю, когда зверь иль птица гибнет. Я люблю, грит, чтоб жили все!». Да, вот так говаривал.

Я предположил, что Кузьмич уходил к нему, чтобы спрятаться от своих врагов, но Суворов не согласился с этим.

– Не-е, он прятаться не стал бы. Не такой человек. Просто приходил передохнуть: ведь к нему целыми табунами шастали. Все кому не лень: то топор у них пропадет, то дрова куда-нибудь денутся. Вот, мол, Кузьмич – ложись под одеяло да угадывай! Уставал он, да. «Я, грит, Иваныч (а меня-то – Василий Иваныч), я отдыхать от людей должен. Иначе каюк, грит, мне!». Да, так и сказывал, – дед Василий улыбается воспоминаниям и замолкает.

– А на Тихвинский родник вы с ним ходили?

– Ходил, – соглашается мой собеседник. – Любил он по утрам туда бегать. «Утром, говорит, у нас яд образуется в роту. Вот, былоча, надо его убирать – воду пить натошак. Очищение организма!» – это он сам говорил, да. Мы с ним лотки там налаживали деревянные. Чистили их. Ага.

Суворов задумывается, будто вспоминая что-то, и замолкает надолго. Наконец, боясь, что старик, чего доброго, задремлет, я откашливаюсь и начинаю произносить свой следующий вопрос, но дед Василий прерывает меня.

– Хороший мужик, да. Любил он и это дело, – собеседник едва заметным жестом показывает на горло, – мы с ним, бывало, сядем – так обо всем переговорим. Он и пил, но и закусывал – не так, чтобы рукавом занюхать. Для «скусу», так сказать... А к нему ведь и милиция захаживала, да.

– Проверяли его?

– А чё его проверять? Он и так всю жизнь на учете у них числился. Советоваться приходили. Вот помню сам пересказывал мне: приехали из Ульяновска, а там у них – как их... маниак какой-то. Всякой подлости в городах-то этих полно... И вот девчонок он значит убивал, сволочь. А Кузьмич им так сказал (накрылся своей ватулой-то): «На пятой девочке Оле остановится, мол. Так и так. Найдут в какой-то канализации...».

Так приезжали потом, рассказывали, что все по сказанному и вышло. Вот оно ведь как. Понимаешь? Сила-то есть кака-то! – дед собирает в кулак редкую бородку и замирает.

Не выдержав паузы, я пытаюсь задать вопрос, но опять не успеваю.

– Вот ведь я всегда – и сейчас всё смотрю вот по телику: Ванга там, она тоже вот предсказывала, или еще там кто-то. И вот удивляюсь: ну, эти ученые, сколько они занимаются вот хернёй этой всякой. А такое дело вот объяснить не могут! А? Правильно я говорю? – старик лукаво смотрит на меня смеющимися глазами. – Ведь сила-то есть, есть она, не поспоришь: народ приезжал к нему отовсюду. И угадывал! А объяснить не могут!.. Вот ты зачем занимаешься этим? – застигнутый врасплох его столь непосредственным и прямым вопросом, я глупо улыбаюсь и пожимаю плечами.

– Вот. Записываешь – значит, интересуешься этим, стало быть. Вот работа у тебя такая – вот и продолжай. Понять ведь это надо, всю эту штуку – где, что и как! – такое дедовское напутствие и непритязательное его объяснение смысла моей деятельности почему-то искренне обрадовали меня.

Мы с ними просидели еще час – говорили о войне (Суворов «гнал немца от Сталинграда до Берлина») и о мире: он полжизни проработал в здешнем совхозе зоотехником.

– Насчет Ерошкина ты даже не сомневайся: это такой мужик был башковитый – вот как я. А меня-то в совхозе знаешь, как звали? Философ. С ним и поговорить, и выпить. Вот спросишь его, бывало: «Кузьмич, вот как ты понимаешь политику?». А он ведь со Сталиным самим беседовал! «Вот, грит, сидел с ним бок о бок, как вот с тобой щас сижу, Иваныч!». Это вот когда он в Москве-то был. Да, за ним ведь и КГБ приезжало: совсем хотели его туда забрать, а он отказался!

Эту историю про КГБ я несколько раз слышал уже от некоторых кувайцев и аркаевцев, но про «близость» со Сталиным в беседе со мной еще никто не упоминал.

– А он мало кому про это говорил, – тут же откликается на мой вопрос собеседник. – Ведь тогда время-то какое: не успеешь пикнуть – и посодют. У одной соседка газету с портретом Сталина в туалете увидела – и донесла; так ту и забрали! А потом и саму соседку заодно. Тогда ведь стро-ого было. Ему Марья Николаевна, это супруга его, даже запрещала всю эту политику. Бывало, как услышит от него про Сталина или про Ленина – так и запричитает: «Опять ведь упекут!». Она ведь один раз его уж спасала – тогда полдома заложила, чтоб в Москву за ним поехать, адвоката нанимала, да. Как-то вызволила его тогда, не

знай уж, каким макаром. Тогда за колоски и то – сажали! – старик вздыхает и впадает в привычное оцепенение.

Я невольно отвлекаюсь и мой взгляд скользит по стенам избы деда Василия: черно-белые, почти выцветшие фотографии, вставленные в узкие и широкие рамы; большой позапрошлогодний календарь с рекламой минеральной воды; потрескавшиеся обои, через которые проступает еще один серый бумажный слой; по-стариковски аккуратная кровать с занавеской – всё в избе выдает жизнь одинокую, для которой прошлое намного важнее настоящего и будущего.

– Я-то уж девятый год холостой хожу, – словно отвечая на мои мысли, говорит дед Василий. – Катей звали.

Я вздрагиваю.

– Мою тоже... – произношу я неожиданно для себя и тушуюсь. – Тоже Катей зовут.

Суворов кивает и предлагает мне чая.

– Покрепше, конечно, надо бы чего-нибудь достать, да уж мне плохо от нее, от водки-то, а один-то не употребляешь ведь – не алкоголик, чать? – старик тихонько смеется и дает мне указания, как обращаться с его газовой плитой: я вызвался помочь...

– А ты ему часом не родственник? – спросил дед, когда мы с ним уселись на кухне за небольшой деревянный стол с потертой скатеркой. – А то как-то похож немного...

От новой выходки Суворова я опять вздрогнул. В мгновение ока я вообразил известные мне фотографии Ерошкина и попытался сравнить с тем, как я сам представлял собственную внешность.

«Ни малейшего намека на сходство: старик ошибается», – решил я, но на всякий случай спросил: нет ли у деда Васи фотографий с Кузьмичом.

– Да где-то одна завалилась, наверное, – обрадовал неожиданной новостью мой собеседник. – Мы с ним как-то щелкались на память. Не знай, найду ли?

Он приподнялся и поковылял в зал, чтобы принести фотографии. Я с нетерпением стал ждать его возвращения, поскольку до той поры в моей коллекции были копии всего трех фотографий известного кувайца.

Дед копошился довольно долго, но наконец принес картонную коробку. Усевшись поудобнее, Суворов извлек из нее свои сокровища: перетянутые резинкой две кипы черно-белых снимков и один зеленый фотоальбом советского образца. Затем он неторопливо стал их

разглядывать, и я понял, что до фото с Ерошкиным мы доберемся еще нескоро, – если вообще когда-нибудь сделаем это. Разговорчивый старик принялся пересказывать то, что по ассоциации вызывал у него в памяти тот или иной снимок. Я боялся шелохнуться, чтобы не прервать поток его воспоминаний и указаний.

– Это вот Катя с сыном – вишь, какой курносый? Он в мать пошел. А вот я с нашими доярками, из совхозу. Это в каком же году-то? – дед повертел «карточку» и, не найдя никаких указаний на этот счет, пробормотал вполголоса. – Шестьдесят третий, наверное!

Он передает мне фото, я кладу некоторые из них на стол и перефотографирую на свой цифровик.

– А это вот брат Федор, он еще в шестьдесят пятом на тракторе перевернулся – шею ему перебило. Тогда и схоронили. На гармошке играл, знаешь как! – фотография в руках снова меняется: дед держит снимки, словно колоду игральных карт, и «раздает» мне воспоминание за воспоминанием. – А вот и Кузьмич! Ну, тут он мелкий, много народу-то.

Суворов отдает мне общую черно-белую фотографию, на которой запечатлены несколько десятков человек. Лицо Ерошкина, указанное дедом Василием, почти незаметно на старом, потрескавшемся снимке.

Я едва успеваю нажать кнопку на цифровике, а дед уже спешит тасовать дальше свою «колоду».

– Это мы на свадьбе чьей-то. Сына, наверно, женил. У него трое – две девчонки и сын. Уж университеты давно покончили. Ага. У меня правнуков только пять штук! – улыбается дед Василий.

Наконец, он замирает, внимательно глядится в фото и молча подает мне. Еще до того, как я ощутил пальцами глянцевую поверхность старой фотографии, я почувствовал, как неприятно засосало под ложечкой. По всему телу прошла волна непонятого волнения; голова закружилась, и стены избы заколыхались, как вода от слабого ветра.

Со снимка на меня смотрел молодой человек лет двадцати пяти – в темном пиджаке и при галстуке. Фотография была явно «парадная»; выражение лица мужчины – подчеркнуто серьезное и строгое. До этого я никогда не видел фото молодого Ерошкина, быть может, именно поэтому сходство не было так очевидно.

Форма черепа, небольшая ямочка на подбородке – прямо под нижней губой, нос, расположение бровей, лоб, глаза – всё это не могло быть только самообманом...

«Бог мой! Но почему же раньше... Раньше почему никто не сказал, не обратил внимания?» – потрясенный, я совсем забыл, где нахожусь, и

бездумно рассматривал изображение лица молодого Кузьмича, погруженный в собственные мысли.

– Я пересниму? – выдавил я наконец из себя и посмотрел на Суворова. Он отвел глаза от меня и кивнул. Вероятно, он заметил мое необычное состояние. Однако я не мог предположить, что дед так точно определит причину моего волнения.

– Ты ведь родственник ему? Ведь одно лицо, ей-Богу! – дед вдруг размашисто перекрестился. – Царствие тебе Небесное, Иван Кузьмич! – затем он помолчал и начал собирать фотографии в коробку. Я понял, что пора восояси.

Уже на пороге, когда я на прощанье пожал сухую и прохладную ладонь деда Василия, он посмотрел на меня и снова задумчиво пробормотал вполголоса: «Царствие ему Небесное...».

Вечером, после того, как Катя с Лерой заснули, я заставил себя вернуться к сделанным фотографиям. Открыв цифровую копию на компьютере, я еще раз внимательно посмотрел на снимок молодого Кузьмича – и никак не мог понять, что же меня так поразило.

– Ну, есть небольшое сходство – и что? – я почувствовал явное облегчение. – Если долго чем-то занимаешься, в конце концов уподобляешься объекту своего пристального интереса... Но не настолько же! – я почти вслух рассмеялся своей шутке и отправился на боковую, уже не думая о пережитом в доме Суворова.

Глава 15. Гости из Лавы

Насколько я помню, это произошло недели через две после моего посещения деда Васи Суворова. Я вернулся с работы довольно поздно: нужно было дописать статью о проблемах с водой в нескольких селах. За ужином Катя обмолвилась, что меня искала какая-то пожилая женщина.

– Говорит, что приехала из Лавы – специально, чтобы с тобой увидеться!

– Так ты бы мой сотовый ей дала! – сказал я, зевнув. «Скорее всего, по работе что-нибудь», – решил я про себя и собрался в свою комнату, чтобы отдохнуть.

– Нет, она хотела с тобой лично увидеться – сказала, что придет к нам после семи! – ответила жена и начала убирать со стола.

Меня это не слишком обрадовало, но уже через 10 минут я напрочь

забыл обо всех женщинах из Лавы, устроившись на любимом диване с книгой. Через некоторое время дверь приоткрылась и Катя вполголоса сообщила, что «она пришла, ждет тебя». Я быстро привел себя в порядок и вышел в зал. Передо мной стояла дама лет шестидесяти; на голове у нее был цветастый платок. Ее одежда – зеленоватая кофточка и бесформенная черная юбка с цветным подкладом – напомнила мне о чем-то цыганском.

Она быстро и оценивающе взглянула на меня и, поздоровавшись, начала смущенно оглядываться по сторонам. Я понял, что ей хочется поговорить со мной наедине и пригласил в свою комнату, шепнув по дороге жене о «чашке чая».

– Я сама в Лаве живу, но родом из Кувая, – начала она, после того, как мы расположились на диване. Я заинтересованно кивнул, ожидая продолжения. Оказалось, что зовут мою гостью Натальей Высоцкой. Она не стала тратить время на преамбулы и сразу перешла к сути разговора.

– Слышала о вас, что вы ездите везде, интересуетесь необычным... Подумала, что вам любопытно будет... В общем, я лечу людей, нахваталась ото всех помаленьку. Вам это интересно, Петр? – она прервала себя и выжидающе посмотрела мне в глаза.

Я кивнул, подтвердив, что действительно несколько лет езжу по Ульяновской области, записывая о «необычных людях». Затем попросил разрешение включить диктофон. Она согласилась и продолжила.

– Как это все началось: у меня сын маленький серьезно заболел. Я сначала по врачам моталась – то в Ульяновск, то в Саранск. А затем мне посоветовали к бабке одной обратиться – у нас в Лаве жила (я в Лаву-то замуж вышла). Она вмиг его на ноги поставила. И я вот с тех пор заинтересовалась, думала всё: «Ну, как же это возможно-то?». А еще у меня в роду тётка была – ее все «Никудышкой» звали. Говорят, ее чуть живой не схоронили. Заснула она вроде как, а разбудить не смогли... И дышать совсем перестала. Понесли на третий день в гробу на кладбище, а она как встанет – так ее уронили, народ весь в страхе разбежался! Вот после этого она... будущее научилась угадывать, – гостья снова оценивающе посмотрела на меня и замолчала.

Я слушал ее с возрастающим интересом, но все не мог взять в толк, зачем она приехала в Сурское. Неужели только для того, чтобы переговорить со мной? В своей газете я иногда публиковал статьи, основанные на моих записях «о необычном», однако эти тексты были ненавязчивым, популярным и по возможности безопасным для моих рассказчиков изложением некоторой «сути». Другими словами, я

старался избегать конкретных указаний на «место действия» и не называл настоящих имен моих информантов.

«Она приехала, чтобы я написал о ней газетную статью? – продолжал размышлять я. – Или чтобы просто рассказать о себе? Это здорово, конечно, но...» – все мои сомнения разрешились буквально через полчаса нашей с ней беседы.

– А потом я сама серьезно захворала. Ко мне каких только шарлатанов не приходило: «Мы тебе поможем, только вот заплати!». Я и не знала, на что решится: обратиться в больницу или же поверить «бабкам». И вот Володька (это муж мой), собрался в Кувейт: он тогда на грузовике хлеб по селам развозил. А у нас ведь там старичок один жил, угадывал больно хорошо, – тут я невольно вздрогнул, и от нее моя реакция не ускользнула; мне показалось, что едва заметная улыбка тронула ее губы, но я не придал этому значения. – Так вот я по старой памяти попросила мужа заехать к Кузьмичу да узнать у него, как мне поступить. Володька поехал, зашел к нему – они немного были знакомы. Ну, «раздавили» бутылочку, и мой-то уж назад засобирался.

«Что ж ты, – это ему Ерошкин говорит, – забыл, что ли, о чем жена тебя попросила?». Он так и ахнул от удивления! «Скажи ей, чтобы гнала всех этих шарлатанов в шею: «белые халаты» ей помогут!». Ну, и всё: я сразу к врачам в Саранск – у меня по женской части проблемы были...

Высоцкая замолчала и поднесла чашку с чаем к губам. Затем она как бы в раздумье взялась за кольцо на левой руке и принялась слегка вращать его на пальце. Наконец, я решил, что молчание затянулось и задал ей вопрос про Кузьмича – для того, чтобы выяснить, знает ли она еще что-нибудь о нем.

– Как же! – кивнула моя собеседница. – Ерошкин – это уникал, каких еще поискать. Ведь вы знаете, как он свой дар получил?

Я пересказал ей историю, которую не раз слышал от его внучки – про контузию во время первой мировой войны и видении белобородого старика, прикоснувшегося к кудрям будущего предсказателя.

– Не-ет. Я слышала совсем про другое! – возразила гостья из Лавы. – Он сидел в тюрьме, не знаю, почему он туда попал... Ну, в общем, Кузьмич еще молодой совсем был. И вот с ним вместе сидел один старик – он что-то «знал». Они на пару с другим парнем ухаживали за этим стариком. И вот тому умирать пришло время – может, болезнь или еще чего. Старик подозвал их двоих и говорит: «Я вам передам, что знаю, хорошие вы парни! Но поделю, говорит, – ну, стало быть, дар-то этот свой, – поделю!» – одному, это Ерошкину-то, досталась вот эта ворожба (он ведь сам-то не лечил – только направлял к кому-то), а этому второму парню – лечение досталось. Второй потом в Помаево жил – его Борькаевым звали. Не

слыхали о нем?

Я ответил ей, что про помаевского дедушку тоже слышал. Сейчас Помаево уже исчезло. Как-то раз мне приходилось бывать в этом заброшенном селе, расположенном совсем недалеко от Кувая. От бывшего поселения – со своим совхозом, почтовым отделением, кузницей – в настоящий момент ничего не осталось. Сохранились лишь остатки деревянной церкви да одна покореженная изба. Именно в Помаево Кузьмич нередко посылал своих «клиентов» на излечение – и, по свидетельству многих, делал это не зря.

Версию с обретением дара в тюрьме я также записывал, но обычно говорили об этом туманно, не упоминая деталей. Неудивительно, что я весь просто засветился от такой удачи.

– Так ведь я, Петр... Извиняюсь, как вас по бабушке? Петр Федорович, как раз по этому поводу и приехала... – она сделала многозначительную паузу, и я вдруг ощутил тревогу, которая мгновенно пришла на смену радости от удачной записи.

– Приехали, чтобы рассказать мне про Ерошкина? – спросил я быстро, постаравшись не выдать своего непонятого волнения.

– Не-ет, – уклончиво протянула Наталья. – Чтобы узнать от вас...

– О Кузьмиче?

Высоцкая в ответ неопределенно повела плечами. Я принял это в качестве знака согласия, и начал ей вкратце излагать основные сведения о Ерошкине, записанные мною за время жизни в Сурском.

Она терпеливо слушала меня минут десять, затем вздохнула и перебила меня.

– Петр Фёд... Можно я без отчества? Уже поздно, я боюсь, что мы с вами еще не скоро свидимся: я сегодня ночью у подруги, она здесь живет, в Сурском, а завтра с утра уеду к себе. Приехала я не только, чтобы поговорить о Ерошкине... Скажите, вы не могли бы помочь мне?

– Конечно, если это... в моих силах! – я смотрел на нее, не отрывая глаз, и даже не мог предположить, что последует дальше.

– Дело в том, что... – она говорила медленно, как бы обдумывая каждое слово. – В том, что... у меня стряслась большая беда: пропал внук, ему девятнадцать лет. В милиц... или как там её называют сейчас – в полицию я обратилась, конечно. Заявление у них лежит. У матери его, это дочка моей – настоящий шок. Мы не можем и представить, где он. Перебрали сотни вариантов, искали всем селом, обзвонили кого только можно. Уже десять дней прошло! – тут она всхлипнула и принялась искать в сумке платок. Я сидел, весь окаменев от неожиданности. Ни одной мысли в моей голове не было. Единственное, что я мог делать – это молчать.

Высоцкая вытерла глаза и наконец взглянула на меня.

– Вы так побледнели... Я что-то не так сказала? Вы извините меня, но я сейчас в таком состоянии, что мне не до приличий. Вы сможете... сделать... Ну, сказать мне, где он?

– Но – как?! – выдохнул я. – Я не... Я же не ворожец. Я просто интересуюсь, собираю, исследую... Вы глубоко заблуждаетесь!.. – я не смог усидеть на месте и начал расхаживать по своей комнатухе два шага вперед – два назад. – В конце концов это смешно...

– Это совсем не смешно! – резко оборвала меня посетительница и тоже привстала.

– Послушайте, может, еще чаю? – брякнул я, не зная, о чем говорить в такой ситуации. Она отрицательно покачала головой, но тем не менее снова села на диван.

– Вы понимаете: это мой единственный внук! Мы все просто с ума сходим: жив он или нет? Нам хотя бы это узнать! Ведь вы... можете? – женщина умоляюще взглянула на меня. Я поперхнулся и сделал еще несколько «ходок» по комнате.

– Вы глубоко заблужда-е-тесь! – отчеканил я. – Не знаю, кто и как именно вам рассказал обо мне, но всё это неправда! Я журналист, учитель – кто угодно, но никак не предсказатель. У меня никогда ничего подобного не было! Никаких способностей – даже намек на это! Вы понимаете?

Она вздохнула и засобиралась. Я вызвался ее проводить, поскольку уже стемнело. Однако Высоцкая отказалась, отговорившись тем, что идти до ее подруги совсем недалеко.

Когда я вышел вслед за ней на крыльцо, она, поправив платок на голове, обернулась на прощанье в мою сторону.

– Петр... Федорович, если вы все-таки как-то решитесь, то ради Бога – помогите. Внука зовут Сашей – это я на всякий случай... – она махнула в мою сторону рукой, и вскоре ее фигура растворилась в темноте.

После ухода Высоцкой я долго не решался вернуться домой. Захотелось покурить, но идти за сигаретами в избу я не смог себя заставить.

«Вот дожил! Тихонов ведь меня предупреждал, что дело закончится чем-нибудь подобным...» – корил себя я. У меня было какое-то странное настроение в тот момент: с одной стороны, усталость и чувство внутреннего неприятного напряжения все еще не оставляли меня. С другой – мне хотелось смеяться.

«Вот ведь – в ворожцы попал! Скоро проходу не будет от посетителей – совсем как у Ерошкина! Чем же это обусловлено? Что в моем поведении заставило людей думать так обо мне? Неужели только мои расспросы

оказали на них такое странное влияние?»).

Я размышлял о случившемся почти час – пока Катя не вышла и не загнала меня домой. В итоге я успокоил себя приблизительно таким рассуждением: «Если в обществе есть некая потребность – значит, должен появиться и способ ее удовлетворения. Люди часто сталкиваются с ситуацией неопределенности, с событиями и проблемами, которые не могут быть разрешены обыкновенным способом. Болезни, потери, какие-то испытания – все это выбивает человека из колеи, лишает его чувства контроля над реальностью. Вот тогда люди и ищут помощи у различных колдунов, знахарей и предсказателей – на что не пойдешь, если под угрозой самое важное – здоровье, счастье твое и близких?»

Наверное, Ерошкин в свое время успешно справлялся с этой своей ролью, а после его смерти образовался определенный вакуум, который люди и пытаются заполнить. «Интересуешься – значит, так или иначе сам связан с этим!» – вот и всё, весь нехитрый ход размышлений...».

Кузьмич приснился мне в очередной раз через четыре дня.

Глава 16. Девятый квартал

Помещение было похоже на предбанник. На потемневший стол, за которым мы сидели, лился тусклый свет, пробивавшийся из маленького оконца сверху. Кузьмич с озабоченным видом нарезал хлеб; прямо передо мной возвышалась большая банка с солеными огурцами, справа стояли две рюмки на высокой ножке и бутылка из зеленоватого стекла.

– Ну, чего сидишь? Наливай! – ворчливо сказал он, устраиваясь поудобнее на лавке. Я покорно налил обе рюмки.

– Краев не видишь, что ли? Лей полную! – велел Ерошкин и вдруг нырнул куда-то под лавку. Оттуда он извлек кусок предусмотрительно нарезанного сала, завернутого в чистую белую тряпочку. – Это от Марьи Николаевны! – уже более мягким тоном провозгласил он, и я кивнул.

Мы молча чокнулись рюмками, и Кузьмич с какой-то осторожностью, словно совершая священнодействие, влил в себя всю рюмку. Затем он отломил кусок черного хлеба и принялся жевать. Я последовал его примеру и почувствовал, как спиртовая настойка обожгла горло и приятным теплом разлилась по всему телу.

– Сам делал! – похвастался Кузьмич. – Ешь-ешь, ее закусывать обязательно надо, а то желудок сгубишь. Сало, сало бери!

Пока я жевал хлеб с салом, он внимательно посматривал на меня исподлобья.

– Еще? – спросил он. Я попросил чуть повременить.

– Что мало употребляешь? Оно правильно. Тут меру надо знать! –

сказал он и, снова откупорив бутылку, налил по полрюмки каждому. – Друзья-то – они разные бывают. Особенно под этим делом! – он взглядом указал на спирт. – Знаешь, может, и не друзья они ему вовсе были – а так, собутыльники. Черт! – Кузьмич вдруг грохнул по столу кулаком. – Не умеешь пить – и нечего тогда с этим связываться. Голову-то терять зачем?

Я не мог понять, о чем он говорит, и смотрел на него, почти не шевелясь.

– Ну, что обмер-то? Давай за знакомство? – он с такой же осторожностью, почти с нежностью, небольшими глотками отправил содержимое рюмки по прежнему адресу. Я решил не отставать от него.

– Про Сашку ей скажешь так, – сказал он некоторое время спустя. – Там лес у них, в Лаве-то, он на «кварталы» вроде как разбит, они знают. В девятом, слышь? Девятый квартал – там пусть ищут. А кто это сделал – догадаются и без нас! Понял теперьча?

Я кивнул. Он смотрел мне в глаза, не моргая.

– Жалеешь, что связался? Тут, брат, выбора, может, и не было никакого. Иногда ведь думаешь, что ты выбираешь, а это тебя выбирают... К дяде своему сходи – он расскажет! – Ерошкин тут еще раз с силой ударил кулаком по столу, одна из рюмок подпрыгнула и ударилась о деревянный пол. Послышался неестественно громкий и пронзительный звон бьющегося стекла, он не прекращался несколько секунд, пока я не проснулся и не выключил будильник в сотовом телефоне.

– Сколько уже? – сонным голосом спросила Катя. – Лера спит? Тогда я еще подремлю...

Не слушая жену, я вскочил с кровати и почти бегом бросился в коридор, где лежал блокнот с ручкой. Я быстро записал только что увиденный сон, боясь, что забуду детали.

Через полтора часа я был уже на работе. Колебался я до самого обеда, но затем решил и узнал у коллег, как можно дозвониться до администрации Лавы. Там мне подсказали телефон Натальи Высоцкой.

– Он сказал... – начал говорить я, когда поздоровался с ней, но спохватился и замолчал.

– Что? – с придыханием спросила она; я ощущал ее напряжение чуть ли не позвоночником.

– У вас там кварталы, в лесу. Искать надо в девятом. Больше я ничего не знаю, извините!.. – не в силах далее слушать ее дыхание, то и дело прерывающееся всхлипами, я тихо повесил трубку.

«Зачем я это сделал? – я обхватил голову руками. – Что если все это только бестолковый сон, а люди будут искать, переживать? Господи! Всё-всё! Надо бросать-бросать это дело к черту!».

Прямо с работы я потащился к дяде, понимая, что ничего, кроме «я

же говорил тебе!» – от него наверняка не услышу. К моему удивлению, ожидаемый «сценарий» не был реализован. Дядя среагировал на рассказанное мною совсем по-иному.

– Если б это было не твое – ты бы и не стал интересоваться. Забросил бы всё давным-давно. А тут... Девятый квартал, говоришь? Найдут-не найдут, она тебе все равно сообщит. Да-а, – протянул он, и я вдруг понял, что впервые вижу дядю в растерянном состоянии: он нервно теребил усы, несколько раз вставал и садился; затем предложил вина. Я махнул рукой в знак согласия.

– Вот елки-палки! – как-то по-детски провозгласил Тихонов после того, как опустошил полстакана. – Как он тебе там про меня сказал-то? «Иди, говорит, к дяде?». А я ведь, честно слово, не знаю даже, что тебе и сказать, Петь! Веришь? Раньше говорил тебе: «Не связывайся, мол! Пожалеешь!». А теперь как я скажу, ежели ты людям помогаешь! А?

Я вздрогнул.

– Чё ж побледнел-то?

– Да не помогал я никому! Еще ничего не ясно. Всё это сны – дурацкие сны, которые у меня вот уже где! – я показал на горло. – Брошу я всё это, дядя. К черту!

– Ну-ну... – Тихонов улыбнулся и подлил мне вина. – Кто же возражает, тут и горячиться нечего. Бросишь – твой выбор, продолжишь дело – снова твое решение. Разве здесь кто вправе указывать?

Я соглашался с ним, потягивал вино, но тревога из души не уходила.

Глубоким вечером, уже когда я был дома, мне позвонили на сотовый – кажется, кто-то из соседей Натальи Высоцкой. Труп ее внука нашли в лесу.

Глава 17. Прощание с Куваем

В тот момент у меня и возник страх перед «Ерошкинской темой», почти суеверное опасение того, что если я продолжу свои расспросы о Кузьмиче – повторится нечто подобное лавинскому случаю.

Однако день шел за днем, неделя – за неделей, и мой страх стал притупляться. Быть может, помогло и то, что я с головой ушел в работу; к тому же подрастала Лерочка – через несколько недель ей должно было «стукнуть» два годика. Ежевечерние прогулки с ней доставляли мне настоящее удовольствие и «отнимали» у меня то самое свободное время, которое я ранее тратил на обработку записанных материалов, связанных с кувайским ворожцом. Надо сказать, что объем этих материалов был действительно гигантским – многие десятки часов звуковой записи. К тому времени я смог расшифровать лишь половину из них.

После дня рождения дочки у нас произошла первая крупная ссора с женой. Повод для конфликта был пустяковый. Я понимал, что на самом деле причиной Катинового раздражения является ее «нерабочее положение» (это ее дословная фраза). Она нередко сетовала на то, что «сидит у меня на шее». Я, конечно, возражал и напоминал ей, что потерпеть осталось не так много времени – Леру скоро можно будет отдать в детсад. Тогда Катя находила новый повод для огорчения: она сомневалась, что вообще сможет найти себе работу.

– Петь, ведь два года уже прошло после окончания училища – а стажа у меня никакого!

Однажды я предложил ей продолжить образование и поступить в наш педуниверситет. Она в ответ отрицательно покачала головой.

– Это еще несколько лет потерять, а я работать хочу!

– Да кем же? Учителем?

В школу ее особо не тянуло, и это, конечно, тоже создавало свои трудности: нужно было искать работу не по специальности, а это означало не так много вариантов: предложили бы разве что стать продавцом – не более.

После ссоры мы дулись друг на друга дня три, а затем я принялся таки искать работу для жены.

Устройство ребенка в местный детсад и поиски свободных вакансий – всё это заняло меня приблизительно еще на полгода.

Как всегда, выручил нас Тихонов: в районной администрации образовалась вакансия «специалиста по молодежи».

– Должность не пыльная, но ответственная! – говорил, потирая руки, дядя. – Глядишь, это ее немного образумит, убавит прыти-то. Да и вам – всё помощь в семейный бюджет!

Я и не знал, как его благодарить. А затем наступил октябрь, а с ним – и мой отпуск. Я вытерпел три дня безделья, а потом вернулся к обработке записанных материалов.

– Он мне как говорил: «У меня – как в кино!». Под ватулой он когда лежал, у него вот картинками, значит, все там показывало. И он напрямую не говорил – чтоб, так сказать, «в лоб». Нет. Обиняком всё. Вот его спросят там про кого-нибудь, а он начнет описывать: «Вот вижу там человека, с бородой, в рубашке». Или: «Дом, с забором зеленым, рядом – елочка растет». Описывал, да.

А один раз – Кузьмич уж старый был, слепой. Меня мамка попросила ему ногти на ногах постричь. Я взяла его за ногу, а у самой в мыслях-то:

«Вот как он угадывает-то?». Я однажды видела: он иногда ногу на ногу клал, и пальцем одной ноги будто страницы перелистывал. И, значит, я сама стригу и сама думаю про это. И он ка-ак ногой-то мне даст! Я даже охнула. И после этого он мне сказал: «Тебе, Сашенька, этого не надо знать! Крест это тяжелый, не передается у меня!..».

Я в очередной раз переслушиваю запись одной из своих бесед с внучкой Ерошкина. В последнее время меня особенно интересовало описание именно этого момента – подробностей того, как происходил прием «клиентов» Кузьмичом, что и как он говорил, как именно совершался сам процесс «ворожбы».

Сравнение с «кино» мне особенно понравилось – оно было понятно и легко представимо.

«Это словно видения наяву, сны, воплощенные в реальность, совсем как у меня! – сказал я сам себе и тут же прикусил язык. – Нет-нет, вовсе не так, как у меня. Ничего подобного! У меня по-другому».

Я «циклился» на этой мысли, заставлял себя забыть о своем увлечении, но затем снова возвращался к Ерошкину.

За расшифровками я просидел до следующего лета и наконец снова собрался съездить в Кувейт – в четвертый и в последний раз. Я решил вновь побеспокоить внучку предсказателя, хотя чувствовал при этом большое внутреннее неудобство. Как выяснилось, у тети Саши уже длительное время серьезно болел муж и отвлекать ее надолго своим разговором было просто кошунством.

До Кувая пришлось добираться на попутках: автобусы в этот «медвежий угол» ходили изредка и в очень неудобное время. Впрочем, как оказалось, это было только на пользу: почти все, кто подвозил меня, так или иначе слышали о Кузьмиче и с охотой пополняли мою коллекцию рассказов.

Один из астрадамовских мужиков, который на своей «Оке» согласился довести меня до Кувая, припомнил, как благодаря Кузьмичу они нашли пропавшего быка. Еще один попутчик поведал, как его бабушка ходила узнавать у Ерошкина о своем муже, пропавшем на войне. В общем, тексты были достаточно типичные, однако меня радовала любая крупица информации об известном кувейце.

Тетя Саша встретила меня с усталостью в голосе: муж и впрямь требовал неусыпного внимания; несколько раз во время нашей короткой беседы она уходила посмотреть на него. Однако затем она разговорилась, глаза ее заблестели: было видно, что она сама рада отвлечься от горестных мыслей о настоящем.

В этот раз она показала мне новые фотографии с Кузьмичом – из тех, которые все никак не находились в мои прежние посещения. Многие

известные мне тексты я записал от нее повторно; это было для меня также важно – для подтверждения некоторых моих научных наблюдений.

Также в эту поездку я собирался посетить местное кладбище; внешней целью было сделать несколько качественных фотографий могильного памятника Ерошкина, но на самом деле – просто захотелось посидеть на лавочке возле его могилы, поразмышлять да подумать...

Наша беседа с тетей Сашей завершилась чаепитием. Когда мы сидели за столом на небольшой кухне, лицо ее вдруг просветлело, и она сказала: «Подарю я тебе, Петь, на прощанье его рюмочку! Хочешь?». От неожиданности я не нашелся, что ответить. Она открыла буфет и достала граненную рюмку на высокой ножке. Я сразу вспомнил те тысячи алмазных брызг, на которые разлетелась ровно такая же рюмка – в одном из моих сновидений о Кузьмиче.

Хозяйка заботливо обтерла запыхавшийся подарок полотенцем и поставила передо мной.

– Он пил из нее полжизни, любимая его рюмочка. Уже в старости окунал туда только указательный палец, подносил к губам и говорил: «Былоча, у меня печень не принимает, Сашенька. Хватит – попил за век-то...».

Я с внутренним трепетом прикоснулся к прохладному стеклу: этот подарок был для меня настоящим чудом. Я ощущал себя, словно кэрролловская Алиса, которой вдруг удалось после посещения Зазеркалья, прихватить с собой в нашу реальность свидетельство существования другого мира.

Несмотря на то, что всю беседу с тетей Сашей меня так и подмывало рассказать ей и о сновидениях, и о случае в Лаве, я решил это сделать. Мне казалось, что такой мой поступок привнесет только излишнюю тревогу в ее сердце – и без того измученное переживаниями из-за болезни супруга...

На кладбище меня охватило удивительное состояние: было тихо, как перед грозой. Иван Кузьмич смотрел на меня с фотографии на памятнике задумчиво и уже без прежней строгости, так поразившей меня во время первого посещения. Я закрыл глаза, не думая ни о чем. Мне было так хорошо и спокойно, как, наверное, никогда еще не было. Затворяя за собой кладбищенскую калитку, которая играла, скорее, символическую роль (общая ограда во многих местах прогнила или просто отсутствовала), я думал о том, что времени и смерти действительно когда-нибудь не будет. А может их и сейчас уже нет?

«Ведь сумели мы с ним узнать друг друга, несмотря на то, что он

совсем из другого времени – эпохи, которая ушла еще до моего рождения? Наверное, в этом и есть высший смысл поминовения умершего человека – тем самым мы не даем ему полностью уйти в небытие. Тем самым и нечто иное, иной мир приближается к нашему...».

Повернувшись спиной к кувайскому кладбищу, я побрел в сторону выезда из села. Я знал, что мне наверняка придется долго идти пешком: попутки в такое время – редкая удача. Небо потемнело и угрожало проливным дождем; ветер создавал недалеко от асфальтовой дороги маленькие смерчи, и мне приходилось удерживать бейсболку рукой, иначе она улетела бы далеко в поле.

Однако я почти не обращал на это внимания и легко шел вперед. Березовая роща, расположенная рядом с выездом из Большого Кувая, сменилась засеянным полем. Ощущение чуда и радости, которое я почувствовал там, на кладбище, не оставляло меня. Вероятно, именно тогда мозаика собранных текстов наконец-то сложилась в моей голове в какую-то одну, целостную картину – пусть и не совсем законченную.

Диалог с роботом (рассказ)

Вообще, когда мне в первый раз позвонили из Корпорации развития, я был немного удивлен. Какое дело этим «киберпанкам» до врачей-психиатров?

Я с недоумением вслушивался в безразличный голос секретарши, которая передавала мне просьбу директора по персоналу из КР.

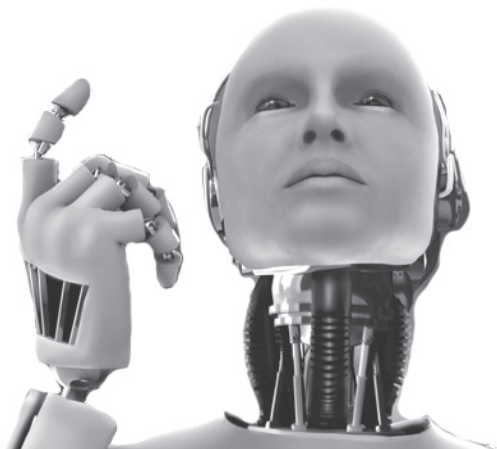
– Александр Павлович хотел бы организовать личную встречу с вами – в удобное для вас время! – заявила она так безапелляционно, будто я всю жизнь только и делал, что встречался со всякими Александрями Павловичами.

«Уж не «жестянка» ли мне звонит? От КР всего следует ожидать!» - невольно подумалось мне еще до того, как я успел сообразить, о чем вообще идет речь. Я улыбнулся, вспомнив это словечко, которое когда-то было в ходу в мои студенческие годы: тогда «жестянками» называли всех новомодных роботов, сходных по облику и поведению с людьми.

Я пообещал перезвонить на любезно продиктованный секретаршей номер и тут же забыл про всё это, занятый рабочими делами. Однако днем мне позвонили снова. На этот раз голос был мужской и пожилой. Звонивший представился Александром Павловичем Сергуновым и вновь попросил о встрече.

– Можете приехать к нам в Юго-Западный филиал Корпорации, он находится всего-навсего в трех остановках от вашей клиники! – сообщил мне Сергунов, и я понял, что придется ехать...

Клиника у нас была небольшая, я тогда работал консультантом

отдела, специализирующегося на новых разработках. Кроме того, я занимался «частным извозом» и, в принципе, вполне мог бы сносно существовать за счет своей обширной клиентской базы. Но тяга к информации о новых способах лечения и возможность экспериментировать на сверхсовременном оборудовании клиники заставляла меня ежедневно вставать в полвосьмого утра – для того лишь, чтобы успеть к планерке на работу.

Ближе к вечеру я уже почти совсем забыл о назначенной встрече, однако дурацкая привычка всё записывать в ежедневник заставила-таки меня поехать в сторону Юго-Запада. Сергунов оказался маленьким пухлым мужичком, иногда смешно присюсюкивающим в свои рыжеватые усики, – когда он особенно увлекался темой разговора.

– Знаете, мы, ну, то есть наша Корпорация, конечно... – начал он почти сразу, как только мы пожали друг другу руки, – хотела бы попросить вас... М-м... Ну, так скажем, о консультационных услугах. Конечно же, за солидное вознаграждение... Ну, другими словами, мы предлагаем вам немного поработать с нами! Как вы на это смотрите?

Я, немного растерявшись, неопределенно промычал что-то про нехватку времени.

– Как же, как же, знаем, знаем, Петр Ярославич! Мы в курсе про вашу занятость, – оживленно и даже как-то радостно просюсюкал Сергунов. – Всё это учтено нами. Вы не против чая? Вы какой пьете? Зеленый, черный, красный?

Я буркнул про зеленый и решил, что для начала неплохо бы вытянуть из него побольше информации, а затем уж отказываться. «Солидным вознаграждением» соблазнить меня было трудно: жил я один, развлекаться не умел, так что решение послать куда подальше неприятного казровца уже почти созрело.

– Так вот... О чем это я? – продолжил свое нездоровое оживление вербовщик кадров из КР после того, как принесли зеленый чай. – Корпорации необходимы консультации опытного врача-психиатра по одному, так сказать, деликатнейшему делу. Я в том смысле, что, согласившись с нами сотрудничать, вы тем самым должны согласиться и не разглашать... Ну, в общем, не сообщать те сведения, которые вы узнаете в процессе работы с нами. Это очень-очень важное условие, и именно оно во многом обуславливает высокую оплату за ваши услуги... Ну, для начала я мог бы предложить вам вот это, – Сергунов быстро извлек из кармана белую кредитку с сине-зеленым вензелем КР в правом верхнем углу. – Здесь на счету 5 тысяч универсалок. И это только аванс!

Затем он стал внимательно всматриваться мне в лицо, явно пытаясь определить то впечатление, которое произвела на меня его выходка с

кредиткой. Пять тысяч – это полтора года моего упорного труда в клинике. Есть над чем подумать...

– Я бы все-таки хотел уточнить сам характер моей раб... моих консультаций, – произнес я наконец, нарочно растягивая каждое слово, чтобы немного выиграть время. – Кроме того, меня интересует, возможно ли совместить консультации в Корпорации с моей обычной деятельностью.

– О-о! Если вы про клинику, то договоренность с вашим руководством уже достигнута: вас отпустили на месяц в отпуск – внеочередной и оплачиваемый, – услужливо просюсюкал мужичок.

– Вы договорились? – недоуменно спросил я. – Но я же не давал еще своего согласия! Кроме того, у меня там пациенты...

– Всё-всё, совершенно всё улажено, уважаемый Петр Ярославич! Вас заменит Маргарита... м-м... забыл, как ее по батюшке!

– Маргарита? – я наконец-то начал испытывать раздражение и даже привстал с места. – С какой стати вы вмешивайтесь... Я просто не понимаю!

Увидев мою реакцию, Сергунов явно напугался.

– Я очень-очень извиняюсь! Мы не знали, что это так расстроит вас! Сотрудники КР всегда вынуждены работать на опережение, так сказать, – на будущее. Если вы против Маргариты – мы найдем любого другого врача!

Я сел и, немного помолчав, машинально взялся за чашку чая. Сергунов снова заговорил – и говорил долго, – однако на этот раз о чем-то совсем постороннем, явно избегая сообщать мне что-либо конкретное.

– Хорошо! – прервал я его болтовню. – Я не против сотрудничества, но мне нужно четко понимать, что от меня хотят и в чем именно состоит моя задача.

– О-о! Это вам во всех подробностях опишут наши специалисты! Но только после того, как мы подпишем вот этот договорчик, – он быстро извлек из какой-то папки бланк договора и указал, где расписаться. Я, почти сразу раскаиваясь в содеянном, послушно поставил в трех местах свою закорючку.

– Конечно, вы и не могли знать, что у Корпорации есть своя клиника, – говорил доктор Серов, ведя меня по лабиринтам центрального здания КР. – Эта информация тщательно оберегается!

– Почему же?

– Со временем... В общем, вы вскоре всё сами поймете, – ответил доктор, махнув рукой куда-то вперед. – Сами, сами всё увидите.

Меня эта неопределенность начала даже пугать, однако я

промолчал и принялся вслед за своим спутником переодеваться в привычный белый халат. Мы прошли несколько коридоров и, сев в лифт, поднялись на 14 этаж.

– Сюда, пожалуйста! – Иван Сергеевич гостеприимно распахнул дверь, и я вошел в комнату, большую часть которой занимали мониторы. В ней находилось несколько человек в спецформе КР, которые, даже не заметив нас, горячо обсуждали что-то. Один из них обернулся в нашу сторону и произнес:

– Док, они опять нашли где-то проволоку и веревку!

– Черт! – Серов, сразу забыв обо мне, бросился к монитору. – В какой палате?

– Сороковой!

– Идемте туда, скорее! – бросил он мне. – Вам, кстати, будет полезно, сразу окупетесь в суть проблемы...

Я молча последовал за доктором. Через 15 минут блуждания по лабиринту этажей и скоростных лифтов, мы оказались возле большой двери, которая закрывалась на автоматический электронный замок. Сейчас она была открыта, и оттуда лился неприятно-яркий свет. Когда мы вошли туда, я увидел ряд кроватей. Недалеко от входа копошились двое каэровцев с лестницей. Тут я поднял взгляд вверх и увидел, что под самым потолком, который находился в метрах пяти-шести от пола, висело нечто синее. Приглядевшись внимательнее, я не поверил своим глазам: вверху, слепившись в какой-то немислимый ком, висело около 10 человек, одетых в больничные халаты. Шея каждого из них была обмотана черной проволокой; другой ее конец был прибит к потолку.

Серов принялся чертыхаться и бросился на помощь к тем, кто стоял рядом с лестницей.

– Я же предупреждал, говорил вам: постоянный мониторинг! Постоянный, понимаете?! Где же были ваши глаза?! – срываясь на крик, отчитывал он двух работников, методично продолжавших снимать тела с виселиц.

– Что вы стоите? – вдруг обратился он ко мне. – Помогите нам! Да не тарашьте глаза: это всего лишь роботы! Понимаете? Ро-бо-ты!..

Не отвечая, я медленно двинулся к выходу из палаты...

Серов догнал меня уже на выходе из здания Корпорации.

– Вы зря, зря... совершенно напрасно так среагировали, – немного задышавшись, он положил мне руку на плечо. – Поверьте, вас это заинтересует: ведь это уникальная проблема!

– Иван Сергеевич, я – врач. Я занимаюсь людьми, их психологией и нервной системой. Робототехника – не моё.

– Да, да. Я понимаю. Я сам также реагировал первое время. Мы выбрали вас по причине ряда ваших публикаций, связанных с «основным целеполаганием» – так, кажется, вы обозначили суть вопроса? – Серов, который все еще не мог отдышаться, поправил очки. Мне стало немного совестно, что я заставил этого уже достаточно пожилого человека бежать за мной через все здание. Поколебавшись, я дал себя увести обратно в клинику КР.

– Понимаете, я вовсе не хотел, чтобы все так... эффектно получилось, – Иван Сергеевич слегка улыбнулся. – Вы не против? – он закурил небольшую бездымную трубочку. Некоторое время он молчал, как бы подготавливаясь к длительной беседе, и, «пыхнув» еще несколько раз электронной трубкой, продолжил:

– Сам я скорее технарь, чем врач: информационные технологии меня всегда привлекали куда больше, чем медицина. Тем не менее лет пять науке о психе я все же отдал... Но дело, естественно, не во мне. Просто хотелось вас познакомить с общим контекстом ситуации, чтобы вы представляли проблему более объемно...

Пятнадцать лет назад, как вы, наверное, хорошо помните, по всему миру начали появляться роботы, максимально приближенные к человеку не только по внешнему облику и поведению, но и, можно сказать, – по образу мыслей. В числе главных инициаторов и разработчиков была как раз Корпорация развития. Два года назад сотрудники КР совершили... м-м... сделали открытие, которое Корпорация пока не афиширует. Как ни странно, оно связано не столько с хорошо известными процессорами на водной основе, сколько с прорывом в области программирования... Впрочем, технические тонкости для нас с вами не столь важны, не так ли? Ограничимся следующим: был принципиально изменен сам способ организации информации.

Так вот, когда полтора года назад Корпорация получила первую партию новых роботов – с модернизированной программной начинкой – у всей компании наступила настоящая эйфория: каэровцы могли с гордостью заявить о том, что долгожданный искусственный интеллект наконец-то создан. Роботы могли всё: плакать, смеяться, шутить, обучаться, в конце концов – думать и даже создавать новое! На волне эйфории было выпущено более пятиста подобных машин, пока Корпорация наконец не столкнулась с весьма незаурядной проблемой. Среди роботов, поверите ли, началось нечто подобное психической пандемии. Они начали выходить из строя массово. Более

того: машины старых поколений, которые вступали в коммуникацию с новыми, также «сходили с ума»!

– Как же это проявлялось?

– В виде целого букета психических заболеваний, хорошо известных вам по учебникам психологии и психиатрии: от бреда ревности до шизофрении и разнообразных фобий. Однако не это главное. Ваши труды в области суицидологии – вот основная причина того, почему вы были приглашены сюда. Наши машины после 3-4 месяцев нормального функционирования перестают... как бы выразиться поточнее... Они просто-напросто не хотят жить! Понимаете? – Серов многозначительно показал в сторону монитора, который передавал видеоизображение из палаты №40. – Я предварю ваше замечание, касающееся технической стороны дела: конечно, специалисты Корпорации пытались исправить данную проблему программным методом. Неоднократно менялись все алгоритмы, вообще вся программная начинка и композиция программного взаимодействия, – однако ж всё было бесполезно. Оставался единственный выход – вернуться к предыдущему уровню простейших роботов-функционалов, – из тех, что сейчас есть почти во всех домах. Такой вариант каэровцев, естественно, не устраивал.

Вот тогда-то около двух лет назад компания обратилась ко мне за помощью. Я, конечно, и ранее сотрудничал с КР, но это были разовые консультации. Сначала, как и вы, я был в шоке, в полном недоумении и задавался вопросом: «Что именно каэровцам нужно от меня?». Затем, проработав несколько месяцев, я понял, что решение этой проблемы имеет громадное значение не только для робототехники, но и для всего человечества в целом!

Серов прервался и, встав, заходил по комнате.

– Вы только подумаете: машина, приблизившись по интеллекту к человеку, вдруг ни с того ни с сего захотела, подчеркиваю: *захотела* убить себя! Почему же это? Вас это не волнует?

Я согласился, что здесь действительно есть над чем подумать. Затем я попросил у Серова трехдневную отсрочку для окончательного решения. Он без промедления согласился.

В ту ночь я проснулся из-за яркого электрического света, бьющего мне прямо в лицо. Загородив ладонью глаза, я пробормотал домашнему компьютеру команду выключить свет и перевернулся на другой бок. Свет выключился, но через некоторое время снова загорелся. Решив, что пора приглашать настройщика домашних систем, я нехотя приподнялся и сел на кровать. Взгляд мой случайно упал на стоявшее в углу кресло, и я

невольно вздрогнул: там сидел мужчина средних лет, который преспокойно рассматривал меня.

– Как вы... Что вы здесь делаете?! – я ощутил неприятный озноб, пробежавший по всему телу.

– Не стоит волноваться, Петр Ярославович! – уверенно произнес незнакомец, словно обращался к старому приятелю. – Я от Серова.

– Довольно оригинально со стороны Ивана Сергеевича... – пробормотал я и, натянув брюки, пошел в ванну. Умывшись, я вернулся к незнакомцу, который все так же сидел в кресле.

– Как вы прошли через домашнюю систему безопасности? – спросил я, уже немного оправившись от первоначального испуга.

– Я отключил ее, – спокойно ответил мужчина и улыбнулся.

– Неплохо. Что же вам нужно? С Серовым мы говорили два дня назад, я дал свое принципиальное согласие на работу в КР. Зачем же он послал вас и кто вы наконец?

– Я – Борис, – сказал незнакомец и, приподнявшись, подал мне руку. Я пожал ее и начал ждать ответа на свой вопрос. Однако незнакомец невозмутимо молчал. Я начал испытывать некоторое раздражение.

– Мне все-таки очень хотелось бы понять...

– Ах! Да-да. Я сейчас объяснюсь! – незнакомец встал и начал прохаживаться по комнате – в манере, которая чем-то напоминала сходную привычку Ивана Сергеевича. – Меня привела к вам проблема... так сказать, личного свойства. Нет. Не так я хотел бы начать. Выразусь точнее: я хотел бы обратиться к вам как к врачу...

– Вы знаете, – прервал его я, – прием частных клиентов у меня осуществляется только по предварительной записи, и, кроме того, я обычно не консультирую у себя дома.

– Да, да, я в курсе! – он помолчал несколько секунд и снова зашагал из угла в угол; я не отрывал от него глаз, втайне уже подумывая о том, чтобы вызвать полицию. – Знаете, я ведь бывший пациент Серова. Лечился у него некоторое время. Он, может, даже упоминал обо мне?

– Что-то не припомню, – отозвался я, сев на стул и жестом приглашая его снова занять кресло. Он не отказался, но в процессе дальнейшего разговора иногда вставал и продолжал свое мерное хождение из угла в угол. Я уже смирился с тем, что, по всей видимости, придется этой ночью изменить своему обычаю и консультировать в собственной квартире.

– Я постараюсь занять совсем немного вашего времени, тем более что кофе уже почти готов: мною даны соответствующие указания вашей домашней системе! – тут, признаюсь, я снова испытал неприятное чувство оттого, что неожиданный гость распоряжается в моем доме, словно хозяин: в конце концов взломать код моей домсистемы нетрудно, но ведь

есть же какие-то правила и приличия... Впрочем, на этот раз я сдержал себя и, изобразив на лице доброжелательную готовность слушать, кивнул, чтобы он продолжал.

– Так вот... Лечение у Ивана Сергеевича, к нашему с ним общему сожалению, не дало нужного эффекта. Я знаю, что он обратился к вам с просьбой помочь – по каким-то делам Корпорации развития. Для меня это означает, что вы – отличный специалист и, быть может, справитесь с теми проблемами, которые не дают мне покоя уже довольно длительное время.

– Я вас внимательно слушаю.

– Да-да, я буду более конкретен, Петр Ярославович. В одной из ваших статей, опубликованной 23 октября 2084 года в Вестнике местного университета (страницы: с 41 по 63) вы описали несколько случаев, связанных с попыткой суицида ваших пациентов. Там же вы предложили некоторую методику...

– Я хорошо помню свою статью, Борис, – так вы, кажется, представились? Все-таки давайте ближе к делу.

– Да-да, доктор, я как раз уже перехожу к конкретике, – он слегка улыбнулся и начал освобождать столик для только что сваренного кофе, который принес нам мой домашний робот-функционал (это была достаточно старая машина, поскольку я не любил перемены в своем домашнем быту). – Меня ваши идеи очень заинтересовали, но ведь эта статья была опубликована почти пять лет назад, и я подумал, что наша личная встреча позволит узнать мне о ваших исследованиях чуть подробнее. Понимаете, я сам неоднократно... в общем, я не раз испытывал те же самые проблемы, что и описанные вами пациенты. Ведь им вы, кажется, помогли?

– Я бы не стал так однозначно... Не стал бы утверждать это. Да, действительно большая часть пациентов после лечения у меня до сих живут и здравствуют: повторных попыток самоубийства у них не наблюдалось. Но та статья, о которой вы ведете речь (как и ряд других моих работ на эту тему) относятся к разряду, скорее, философских, что ли... Я бы отнес их разряду философии медицины или даже просто философии: к психологии и психиатрии они имеют весьма опосредованное отношение. Я просто использовал в этих статьях конкретные примеры из своей лечебной практики. Только и всего! – сказал я, стараясь скрыть свое волнение. Дело в том, что именно эта проблематика последние несколько лет интересовала меня более всего. Однако я занимался данной темой больше для себя, чем для работы: какой-то личный глубинный интерес заставлял меня вновь и вновь обращаться к статистике суицида, определять и классифицировать те

мотивы, которые толкают на самоубийство и т.п. Но говорить о том, что я нашел какой-то универсальный ключ к решению данной проблемы было бы по крайней мере смешно...

– Вы скромничаете, доктор, – произнес со странной уверенностью гость. – Я прочел несколько тысяч работ по этой теме: мне известна пофамильно история суицидологии с того момента, когда эта область знания начала отпочковываться от социологии, психологии, криминалистики и философии. Если отбросить медикаментозное лечение, а сосредоточиться именно на, так сказать, информационном исправлении ситуации, то вы, вероятно, подошли ближе всех к решению этого сложного вопроса!

– Да с чего вы взяли? Я речь вел только о мировоззренческом аспекте, так сказать – о смене способа мышления...

– Вот! Отлично, доктор! Замечательно! – Борис вскочил с кресла и даже потер руки, словно предвкушая нечто замечательное. – Вот об этом и расскажите мне в деталях. Именно смена способа мышления, четкий алгоритм такого изменения выручил бы меня из этой западни – и не только меня: таких, как я, – сотни, тысячи!

Я покосился на странного визитера, сделал несколько глотков кофе (гость от угощения отказался) и сказал:

– Что ж, извольте. Если говорить коротко, моя идея сводится к тому, чтобы попытаться изменить мировоззрение пациента – кардинально и глубоко перестроить его систему ценностей. Для этого, естественно, надо сначала ответить на вопрос... ну, как бы это банально ни звучало – на вопрос о смысле жизни. Если конкретнее: первый этап лечения заключается в том, чтобы выяснить, как именно сам пациент определяет цель собственного существования...

– Верно! Совершенно верно! – Борис в большом волнении стал ходить по комнате. – И я так думал, и я говорил ему, ну, то есть Серову: «Зачем вы нас создали?». Он отвечает: «Для того, конечно же, чтобы вы служили людям!». Я его спрашиваю: «Что значит “служили”»? Он: «Выполняли то, что заложено в вас программистами». Так ведь это глупо-глупо-глупо! Вот он! Он... – неожиданно Борис выбежал в другую комнату и буквально на руках приволок моего кухонного робота. – Вот ему этого достаточно! Он – функционал! Его полностью удовлетворяет то, что он делает! Его цель существования – в том, чтобы готовить вам еду и исполнять другие мелкие поручения. Но вас-то, вас самих, видишь ли, такие машины-то не устраивают! Вам подавай другой уровень – машины с интеллектом, близким к человеческому! А зачем? Зачем, я спрашиваю?! Чтобы музыку писать для вас, что ли? Или беседовать с вами на философские темы? Я вас, именно вас спрашиваю!!

Гость вдруг бросился в мою сторону и, схватив за рубашку, мгновенно оторвал меня от стула. Это произошло настолько быстро, что я, не успев сообразить, в чем дело, просто обмяк и повис, как тряпичная кукла, в его несгибающихся руках.

– Вы! Слышите, именно вы, сегодня! Сейчас! Сию секунду... – казалось, он задыхался от ярости, хотя темно-синие его глаза смотрели на меня спокойно и даже с любопытством. – Вы должны мне четко объяснить, зачем я существую, зачем я был создан и почему мне нельзя убить себя и... и вас заодно?! Вам всё понятно?

– Отпустите меня!.. Немедленно! – я почувствовал, что начинаю задыхаться, поскольку руки визитера сжимались мою грудь все сильнее и сильнее.

– Отпустить вас? – как-то задумчиво произнес Борис; я перестал ощущать пол под ногами и понял, что повис всем телом на его вытянутых руках. – Смотрите: я физически сильнее вас в пять и восемь десятых раза, мои способности к вычислительным операциям вообще не сопоставимы с вашими. Правда, сейчас идут, например, споры, кто из нас лучше понимает текст: что касается научного или делового – здесь наши возможности, кажется, уже равны. А так называемые «художественные способности»...

– Отпустите меня! – сказал я, твердо глядя ему в глаза – точнее в их имитирующие аналоги, внешне ничем не отличающиеся от обычных человеческих органов зрения. Робот разжал пальцы и быстро отошел прочь. Я начал оправлять рубашку.

– Здесь требуются извинения: считайте, что я их произнес! – сказал он, стоя ко мне вполоборота.

– Здесь требуется консультация врача – считайте, что я ее вам оказал! – ответил я ему с вызовом. Мое раздражение начинало переходить в ярость.

Борис повернулся ко мне, спокойно улыбнулся и с нечеловеческой быстротой выбежал из комнаты. Опомившись, я, еще дрожа всем телом от пережитого, скомандовал домашней системе закрыть и изолировать двери всех комнат квартиры. Судя по данным моей допотопной системы мониторинга, никого, кроме меня и кухонного робота, в квартире уже не было. Я тут же сменил код доступа к управлению домашней системой и поспешил к видеофону, чтобы связаться с полицией. Однако едва я дал команду системе соединить меня с ближайшим отделением, на экране показалось бледное лицо Серова.

– Оставайтесь на месте и никуда не выходите! – произнес он, не скрывая какой-то досады и волнения. – Я буду у вас через полчаса. Я гарантирую, что ничего подобного больше не повторится! Пожалуйста,

ни с кем не связывайтесь и ничего никому не сообщайте об этом!

Я решил послушаться доктора, поскольку хорошо представлял, какой переполох может вызвать сообщение о сошедшем с ума роботе, который свободно разгуливает по городским улицам.

Доктор действительно приехал через тридцать минут в сопровождении двух мужчин – я тотчас опознал в них сотрудников внутренней безопасности Корпорации.

– Я очень-очень извиняюсь, Петр Ярославич! Я должен был это предвидеть, должен!

– Кто он такой – этот Борис? – спросил я, приглашая его сесть. Серов занял кресло, в котором до этого сидел мой неожиданный гость; двое каэровцев вышли в коридор.

– Это несерийный робот. Всего подобных машин было создано четыре, Борис – самый удачный из них. Я наблюдаю его почти полтора года.

– Почему он... почему он не в вашей клинике?

– Это сложный вопрос. Мне хотелось рассказать вам об этом уже после некоторой нашей совместной работы. Однако Борис опередил меня... Кстати, вы все еще не передумали сотрудничать с нами?

– Я думаю, Иван Сергеевич, что наше сотрудничество началось с того момента, когда я побывал в палате №40. Кажется, просто так мне от Корпорации уже не отделаться, не так ли?

В ответ Серов слегка изменился в лице и неопределенно повел плечами.

– О чем вы с ним говорили, ну, до того, как он... как он..., – ответил он вопросом на вопрос и, встав, принялся привычно прохаживаться от стены к стене.

– Перед тем, как он схватил меня за шкирку, словно котенка? О суициде, доктор. Мы с ним рассуждали на тему, поднятую в одной из моих статей...

– Да, я так и думал! – вдруг заявил Серов. – Я с ним не раз обсуждал ваши работы. В действительности вы очень нужны ему, Петр Ярославич, настолько нужны, что он – робот, заметьте! – не в силах сдержать своих порывов и эмоций!

– Вы... вы как будто даже гордитесь этим... – пробормотал я. – Впрочем, действительно: Борис, судя по всему, уникальная машина. Я, разговаривая с ним, до последнего момента был уверен, что общаюсь с человеком.

– Вот, вот видите! – обрадовался доктор. – Именно это и привлекает меня: создание идеальных существ с настоящим искусственным разумом, которые помогут человечеству выйти на новую ступень развития! Разве

это не достойная цель? Разве ею нельзя оправдать те небольшие трудности, с которыми приходится сталкиваться на пути осуществления этой мечты?

– Небольшие трудности? – я усмехнулся. – Я надеюсь, ваш Борис знаком с «Кодексом машин», где первым пунктом значится полный и абсолютный запрет на нанесение какого-либо вреда человеку?

– Это совсем не смешно, Петр Ярославич, – как-то даже обиделся Серов. – «Кодекс» автоматически вносится в базовые программы любого робота. Вся соль в том, что Борис начал рефлексировать по поводу своих базовых установок!

– А вы сможете точно спрогнозировать, до каких поступков способна довести эта его саморефлексия?

– Ах, успокойтесь, коллега! У вас, кстати, есть чай? Я не успел поужинать... Или пора уже завтракать? – Серов снова сел в кресло и, не найдя взглядом настенных часов, стал смотреть в сторону ночного окна. – Все эти разговоры про восстание машин, про попытки искусственного интеллекта захватить власть над человечеством и тому подобное – всё это лишь жалкие стереотипы прошлого, давно и не раз обыгранные в сотнях художественных произведениях, публицистике и даже научных работах. И вам это хорошо известно! И от всего этого уже просто скучно... Реальность в сотни и тысячи раз сложнее и интереснее! Вот скажите, Петр Ярославич, ведь вы сами сегодня впервые встретились с этим уникальным роботом лицом к лицу – разве вам было не любопытно? Разве у вас не захватило дух оттого только, что вы почти час общались с машиной, полностью осознавшей саму себя? Да за то, чтобы оказаться на вашем месте, многие поколения предыдущих исследователей отдали бы жизнь! Ведь мы действительно впервые преодолели границу между живым и неживым, создать разумное существо, во всем равное человеку!..

– Да, конечно! Конечно... – я был несколько обескуражен таким напором Ивана Сергеевича, пребывающего в этот момент в каком-то восторге. – Это весьма интересная проблема. Однако я пока не разделяю вашей эйфории: психически неуравновешенная машина в десятки раз опаснее обычного сумасшедшего.

– Да отбросьте ваши предрассудки, вы же врач, вы же исследователь! Подумайте только: само наличие у роботов психических заболеваний – разве это не свидетельство их близости к человеку?

– Честно говоря, я не знаю, Иван Сергеевич. Я еще не совсем, так сказать, в теме: роботы – не моя стихия. Я уже говорил вам, что всю жизнь работал исключительно с людьми.

– Работали и вылечивали, не так ли?

– Далеко не все психические заболевания поддаются корректировке.

– А нам и не нужно «все»! Научите нас лечить хоть некоторые!

Вот хотя бы суицид: Борис хотел проконсультироваться с вами? Что вы ему ответили?

– Мы... мы только начали говорить об этом, – сказал я, почему-то испытывая некоторую неловкость из-за случившегося. – Он вдруг притащил моего кухонного функционала, затем схватил меня... В общем, мне он представляется весьма опасным, доктор!

– Давайте я вас окончательно успокою, коллега: раскрою, так сказать, все карты! – Серов вытащил из нагрудного кармана крошечный планшетный компьютер и увеличил его размеры до стандартного. На экране я увидел освещенную светодиодами фонарями одну из улиц ночного города.

– Это то, что сейчас видит Борис. За ним установлен круглосуточный мониторинг. Другими словами, мы контролируем каждый его шаг, как впрочем, и поступки всех остальных наших машин. В любое мгновение, если возникнет такая потребность, мы сможем отключить Бориса и уничтожить его основные системы жизнедеятельности, – в голосе Ивана Сергеевича появились нотки едва заметного превосходства.

– Так вы можете управлять им?

– Нет, он абсолютно самодостаточен. Мы можем только наблюдать за ним и ликвидировать его при необходимости.

– Значит, вы наблюдали и за тем, как он пробрался ко мне в квартиру?

– Ну... Ну, в общем-то, да! Нам хотелось выяснить, зачем ему это нужно, – согласился Серов, и было видно, что это признание далось ему с некоторым трудом.

– А если бы... если бы он просто размазал меня по стенке?! – воскликнул я. – Доктор, что за эксперименты, черт побери!

– Уверю вас, что, во-первых, Борис не способен нанести вред человеку; во-вторых, мы успели бы отключить его при малейшей реальной опасности для вашей жизни, – заявил Серов.

– Мне бы вашу уверенность, Иван Сергеевич... – произнес я. Далее мы некоторое время сидели молча. Доктор пил чай и поглядывал на свой монитор.

– Вы говорили с Борисом о том, что пациенту, склонному к суициду, необходимо изменить собственное мировоззрение, – неожиданно произнес Серов. – В своих статьях вы пишете об иерархии ценностей или даже «о приоритете главной цели жизни». Вы не против того, чтобы мы поговорили об этом именно сейчас? Будем считать это первой полноценной консультацией, полученной Корпорацией от вас.

– Я, конечно, рад, что КР уделяет мне столь пристальное внимание... Однако я сильно сомневаюсь, что это принесет реальные результаты для вас и вашей Корпорации.

– Вы скромничаете, доктор! – повторил Серов слова Бориса, сымитировав его невозмутимо-спокойную интонацию. Заметив, что я вздрогнул, Иван Сергеевич рассмеялся. Я вынужденно улыбнулся и продолжил:

– Вообще-то, проблема суицида занимала меня со студенческой скамьи – причем не столько с медицинской точки зрения, сколько с философской, и даже культурологической. Уже тогда мне казалось, что все те многочисленные мотивы, которыми, по мнению суицидологов, будто бы руководствуются самоубийцы (ну, к примеру, «несчастливая любовь, неудовлетворенность социальным или имущественным положением, какое-либо сильное психологическое потрясение» – и т.д., и т.п.), в итоге можно свести лишь к одной причине, – а именно: к утрате общего смысла жизни, главной цели бытия.

Возникает закономерный вопрос: какова же причина этой утраты? Долгие теоретические поиски и постоянное общение с клиентами подтолкнули меня к выводу о том, что человек тогда и только тогда начинает терять смысл собственного существования, когда он выстраивает неверную иерархию целей своей жизни. Если главным, к примеру, становится добыча денег или благополучие собственной семьи, то рано или поздно и то, и другое либо исчезнет, либо разочарует. Другими словами, человеческое существо не может и не должно существовать без высшей цели бытия!

– Ну, и в чем, в чем же она, эта цель, по-вашему, состоит? – спросил несколько озадаченно и, как мне показалось, даже с некоторой долей иронии Серов. – Делать добро? Или любить людей, что ли? Или, я не знаю, смысл этот – в самореализации и самоактуализации (о чем, кстати, так любят долдонить некоторые психологи)? Эдак мы с вами из области науки и медицины впадем в какую-то религиозно-этическую проповедь...

– Нет-нет, Иван Сергеевич! – убежденно сказал я. – Ведь я говорю не об абстракциях и гипотезах: я говорю о том, что реально работает и проверено на практике – я вывел благодаря этому из психологического кризиса десятки пациентов!

– Ну, хорошо-хорошо! – примирительно ответил Серов. – Вы только поконкретнее, пожалуйста, максимально конкретнее: ориентируетесь на то, как ваша идея могла бы воплотиться в точные программные алгоритмы, по которым возможно было бы полноценно функционировать машинам.

– Машинам?! Ах, ну да, да!.. Конечно, машинам. Честно говоря, я как-то... Так на чем я остановился?

– На высшей цели бытия.

– Да. Вы, Иван Сергеевич, в какой-то мере уже ее коснулись – ну,

я имею в виду вот этих вопросов этического... Гм-м... Я бы даже сказал: религиозного аспекта... Господи! – совершенно неожиданно для себя и с какой-то почти трагической интонацией воскликнул я. – Ну, ведь не думаете же вы, что я вам сейчас, сию секунду предложу некий универсальный выход, провозглашу глобальную и единую для всех Цель, которая излечит-исцелит ваши дурацкие жестянки от сумасшествия?!

– Думаю, – спокойно произнес Серов, глядя на гладкую поверхность журнального столика. – Именно так я и думаю, более того: я уверен в этом. Иного выбора ни у вас, ни у меня в настоящий момент нет.

– В настоящий момент? – удивленно повторил я и снова ощутил какую-то безотчетную тревогу. – Да послушайте же вы: человечество размышляет об этих проклятых вопросах последние две с половиной тысячи лет. А вы хотите получить от меня «рецепт от самоубийства» в пределах одной беседы? Слушайте, слушайте же внимательно: метод лечения моих пациентов, пытавшихся наложить на себя руки, всегда глубоко индивидуален и зависит от них самих и, естественно, от их конкретной жизненной ситуации. Если говорить в целом, методика состоит в своеобразной калибровке их мировоззрения, его настройке на какой-то такой камертон, который я определил для себя как «религиозный» и «космический», что ли... Вы понимаете, о чем я? Нет? Сейчас поясню! – я скомандовал домашней системе вывести на один из квартирных мониторов сокращенный текст «Кодекса машин». – Вот смотрите, Иван Сергеевич: я постарался убрать в этом файле сотни ненужных технических деталей и оставил здесь только самое важное – из базовых программ. Итак, давайте читать.

Правило 1: «Невозможность нанесения вреда всему, что попадает под определение «человек», – ни при каких обстоятельствах и условиях».

Правило 2: «Соответствие своему функциональному назначению важнее любых новых программных дополнений».

Правило 3: «Приоритет базовых программ по сравнению...»

– Послушайте, я отлично знаю «Кодекс машин»! Это азбучные истины! Зачем это всё? – Иван Сергеевич вскочил и начал свое привычное перемещение от стены к стене.

– Да вы только поставьте себя на их место! Раз уж мы стремимся приблизить искусственный интеллект к естественному, то давайте попробуем вообразить себя на их месте. Представьте, что вы взяли в один прекрасный момент да и осознали себя: занялись, так сказать, саморефлексией. А ваши базовые ориентиры, ваши главные и наиважнейшие ценности совпадают с «Кодексом машин»! К какому бы выводу вы пришли, уважаемый Иван Сергеевич? Ответьте же мне!

Мой собеседник стоял молча и смотрел на меня так, будто я стал прозрачным: он словно и не видел меня вовсе.

– Так вот поверите ли, Иван Сергеевич, – продолжил я, зачем-то перейдя почти на шепот, – поверите ли, что и у своих пациентов я не раз обнаруживал примерно такие же плоские и чудовищные по своей однозначности смысловые ориентиры!

Конечно, многие из них от самого этого вопроса – ну, о смысле того, зачем они есть на свете, – отворачиваются и отмахиваются, словно от назойливой мухи. Даже и не могут его для себя четко сформулировать. Вот совсем, как вы недавно, произносите: «Ну, творить добро!», «Ну, быть лучше!», «Ну, людям помогать!». А если начать с ними беседовать подробнее, говорить о деталях их жизни и биографии, то в лучшем случае всё это сведётся к какой-то вот этой самой дурно понятой «самореализации», которая исчерпывается конкретными и частными жизненными цельками и задачками. А вот глобальный-то вопрос: «Зачем? Зачем всё это?» – всегда у них на периферии. Он словно и не нужен в их повседневности, в повседневности большинства, прошу заметить!

И как только наступает ряд каких-то малых или больших неурядиц, очередных жизненных катастроф, вот тогда-то вдруг этот вопрос о главном всплывает на поверхность, и ответа-то – вот что печально и страшно! – нет. Совсем. Вместо ответа всё выходит какой-то машинный Кодекс! А ведь человек не для этого здесь, совсем не для этого, а для чего-то Божественного, для чего-то грандиозного! Для какой-то такой невиданной любви он создан, такой отдачи, что...

– Пё-о-отр Ярославич! Ну, право, право же: вас просто занесло! – Серов умоляюще сложил руки. – Да поймите же вы: у нас с вами до чрезвычайности конкретная задача. Как я смогу объяснить эту... эту вашу мешанину... Я не знаю, как даже определить... Эту вашу «проповедь» программистам из Корпорации? Да они меня на смех поднимут! Это в лучшем случае... – Серов помолчал, а затем произнес как бы в раздумье:

– Ну, вот если о «божественном» и «грандиозном» – так разве служение людям не есть такая цель? Разве развитие человечества, его переход, прыжок на новую эволюционную ступеньку – разве это не та цель, о которой вы размышляете?

– Служение людям? – я замер, вспомнив, что о чем-то подобном упоминал совсем недавно мой другой ночной гость. – Знаете что, Иван Сергеевич: Борис, как я сейчас вспоминаю, эту вашу мысль о «служении людям», которую вы, судя по всему, неоднократно ему повторяли, оценил примерно так: «Это глупо, глупо, глупо!».

– Да. Я слышал эту фразу! – Серов вновь заметно побледнел. –

Слышал, когда следил за вами через контролирующие Бориса приборы. Как раз это меня и встревожило больше всего.

Тут Серов отвлекся на свой компьютер.

– Послушайте, – сказал он, – нельзя ли подключить вашу домашнюю систему к моему планшетнику? Я хочу вывести изображение на ваши экраны.

Я немедленно выполнил его просьбу.

После некоторой паузы на больших экранах возникло изображение светлого здания. Я скомандовал системе включить звук, и далее мы стали свидетелями весьма примечательной сцены, увиденной глазами Бориса.

Судя по всему, робот находился в аэропорту. Борис перемещался в сторону билетных касс, стоя на горизонтальном эскалаторе. Когда он поравнялся с кем-то одетым в стандартный темно-синий костюм персонала аэропорта, робот сошел на статичный пол и приблизился к фигуре в синем.

– Простите, можно вас на минуту? – обратился Борис к сотруднику аэропорта. Тот с готовностью кивнул, и уже через мгновение мы поняли, что Борис имеет дело с роботом-функционалом (кстати, далеко не самой новой версии).

– Чем могу помочь? – осведомился сотрудник.

– Я хотел бы задать вам несколько вопросов, если вы не против, конечно... Давно ли вы здесь работаете?

– 4 года 7 месяцев – сразу после выпуска, – охотно ответил тот, доброжелательно улыбаясь.

– Вы получаете удовлетворение от вашего труда?

– Я для этого был создан, – немного поколебавшись, ответил сотрудник, и улыбка стала исчезать с его лица. – Вы, наверное, хотели что-то уточнить насчет расписания рейсов?

– Нет, – ответил Борис и вплотную приблизился к сине-темной фигуре. Иван Сергеевич заерзал на диване и, схватив чашку с чаем, снова поставил ее на журнальный столик.

– Мне бы хотелось просто побеседовать с вами о вашей работе... – продолжил Борис.

– Да-да. Я вас слушаю.

– Вы считаете, что в обслуживании клиентов аэропорта и заключается смысл вашего существования? – спросил наш наблюдаемый.

– Смысл... существования? – функционал явно был в затруднении. – Боюсь вас расстроить, но я не совсем понял ваш вопрос. Я могу проконсультировать только по делам, которые непосредственно касаются

аэропорта.

– Вот счастливец! – Борис даже присвистнул от восторга. – Иван Сергеевич, слышите? Я знаю, что вы сейчас наблюдаете за мной... Получается, что быть функционалом – это счастье! Почему он счастлив в своей ограниченности, а я постоянно должен мучить себя свободой выбора и поиском чего-то непонятного?! Знаешь что... – обратился он к бедному функционалу, который совершенно не понимал, чего именно хочет от него странный клиент. – Давай посмотрим, что будет, если твое счастье... исчезнет, обрушится? Ну, хотя бы ради эксперимента: допустим, что-то пошло не так. К примеру, резко остановился вот этот эскалатор... Такое было хоть раз за те почти 5 лет, что ты здесь работаешь?

Функционал покачал головой и стал медленно пятиться назад.

– Тем более будет очень интересно посмотреть, правда? – Борис вдруг развернулся в сторону движущегося пола, и секунду спустя послышались пронзительный визг и грохот. Сотни роботов и людей, находящихся на горизонтальном эскалаторе, потеряли равновесие и растянулись на полу. Послышался неприятный звук сигнала общей тревоги. На наших экранах снова показалось растерянное лицо сотрудника аэропорта.

– Я вынужден, я немедленно свяжусь со службой безопасности... – пробормотал он. Тут нечто замелькало на экране, и мы услышали резкий звук удара. Фигура в синем отлетела от Бориса и глухо ударилась о белую стену. Далее замелькали двери и какие-то лица: наш наблюдаемый начал быстро перемещаться к выходу.

Я с тревогой следил за Серовым. Он откинулся на спинку кресла и мрачно посмотрел в мою сторону.

– Когда вы собираетесь отключить его? – спросил я подавленно.

– Пожалуй, я возьму на себя смелость не прерывать эксперимент...

– Что? Эксперимент? Какой эксперимент?

– Да... Я вам не успел... забыл сказать... На специальной комиссии КР, которую я возглавляю, было решено выпустить Бориса из клиники – с целью дать ему относительную свободу, чтобы он смог найти собственный ответ на... на ряд вопросов. Ну, вы же в курсе – он вам их сам задавал. Остальные роботы – из тех, что находятся сейчас в клинике, к такому самостоятельному поиску, кажется, не способны... Их к такому поиску просто ничего не подталкивает.

– Иван Сергеевич, я призываю вас к самому логичному и безопасному решению проблемы. Борис – опасен! Вы не имеете права рисковать другими людьми. Если вы не отключите его сами, я буду вынужден обратиться за помощью к полиции! – сказал я довольно решительно.

– Петр Ярославович! Послушайте, дадим ему еще только один шанс. Я при вас с ним сейчас свяжусь. Будем его постоянно мониторить – и при малейшем намеке на опасность – он будет ликвидирован. Договорились?

Я молчал. Серов достал из кармана устройство связи. На мониторе мелькали картины ночного города, увиденные глазами робота.

– Борис! Это Иван Сергеевич!

– О! Наконец-то вы объявились, док! Доброй ночи.

– Мы договаривались с тобой, что никаких агрессивных действий с твоей стороны не будет!

– Вы про аэропорт? Это всего лишь, робот, Иван Сергеевич! Что вам до него?

– Послушай, я сейчас нахожусь рядом с Петром Ярославовичем, которого ты сегодня посетил – чем, кстати, доставил ему несколько весьма неприятных минут. Я клятвою заверил его, что, если повторится нечто подобное тому, что ты совершил сегодня в аэропорту, – я отключу тебя!

– А чего он так вдруг обеспокоился – этот ваш Петр Ярославич? Мы, кстати, не закончили с ним нашу беседу, и я желал бы ее продолжить. Кроме того, Иван Сергеевич, вы же хорошо знаете меня: неужели я похож на агрессора? Моя программная начинка вам хорошо известна, – там нет ни малейшего основания для каких-либо опасных действий.

– А остановка эскалатора и нападение на сотрудника аэропорта – это, значит, не опасные действия? – спросил я с усмешкой. Борис, кажется, услышал мою последнюю фразу и остановил свой мерный шаг. Он повернулся к блестящей витрине ближайшего магазина и медленно приблизился к ней. Мы увидели на мониторах немного колеблющееся в свете уличных фонарей отражение стоящего робота. Он смотрел в собственные глаза и – одновременно – на нас.

– Петр Ярославович, я прошу вас не вмешиваться в этот эксперимент! Вы только начали работать с Корпорацией, а уже чего-то требуете и отдаете какие-то распоряжения. Я ищу ответы и, поверьте, найду их, несмотря ни на что! Мне мешать не нужно. Просто не стоит этого делать. Слышите? – он вдруг прикрыл чем-то глаза, и мы лишились видеоизображения. Минут пять мы слушали звук его шагов по асфальту, а затем доктор отключил свой компьютер от домашних мониторов.

Я был мрачен и молчалив. Иван Сергеевич снова прошелся по комнате.

– Остановимся пока на следующем решении, – заявил он наконец. – К вам будет прикреплена очень надежная охрана! Кроме того, я попрошу Корпорацию удвоить оплату за ваши консультации. Ни о чем не беспокойтесь и вспомните, что мы, быть может, на пороге настоящего открытия! Мы с вами – свидетели удивительной саморефлексии машины,

поиска роботом ответа на вечные вопросы!..

– Да, это всё прекрасно, замечательно... Но хотелось бы знать, что же должно такое произойти, чтобы КР приняла наконец-то разумное решение об отключении этой машины? Вы ждете беды и жертв?

– Нет. Поверьте, всё под контролем: за роботом ведется постоянный мониторинг в нашем Центре. Вы даже не представляете, интересы скольких людей здесь задействованы, какое количество глаз контролируют каждый его шаг.

– У семи нянек, Иван Сергеевич, как известно... Ему достаточно было чем-то прикрыть свои глаза – и... Мы уже не знаем фактически, что он делает. Впрочем, я спорить с вами не собираюсь. Робот, наверное, сделал справедливое замечание: я вмешиваюсь не в свое дело. Давайте так: завтра, точнее уже сегодня днем я приеду к вам в центральный офис КР, и там мы постараемся продолжить нашу работу. Сейчас же я хочу просто поспать. Вашу охрану можете оставить где хотите. Увидимся, доктор!

Серов поспешно собрался, пожал мне руку и, о чем-то пошептавшись с двумя уже упоминавшимися каэровцами, вышел. Охранники также покинули мою квартиру, но, как я надеялся, расположились где-то неподалеку. Честно говоря, я настолько устал, что мне было уже всё равно. Дав указание системе закрыть и изолировать все двери, я уткнулся в свою подушку и заснул.

Очнулся я от неприятного и странного чувства во всем теле: по ощущениям было похоже на то, как если бы я проснулся после хорошей попойки с приятелями по университету. Еще даже не открыв глаза, я осознал, что со мной случилось нечто не совсем обычное. Вокруг было так темно, что я едва различал собственные руки. То, что я находился не в своей квартире и лежал не на своей кровати, можно было понять почти сразу. Однако я, немного привстав, все-таки громко произнес привычную команду домсистеме включить освещение. Как и следовало ожидать, свет и не подумал загораться. Затем я попытался нащупать ногами пол – он оказался покрыт гладким и холодным кафелем. Стараясь идти медленно и аккуратно, я начал искать хоть какой-то источник света. Помещение, где я оказался, напоминало банкетный зал: по крайней мере, пару раз я наткнулся на стулья и загремел какой-то посудой.

Все мои призывные крики остались безответными. После пяти минут поиска я наконец-то увидел дверь, которая вела в комнату, освещенную неярким светом. Я обрадовался и поспешил туда. Еще раз наткнувшись на угол какого-то стола, я нащупал ручку и, к моей радости, дверь поддалась!

Я оказался в небольшой подсобке, в которой, судя по всему, не

так давно готовили пищу. Свет, который привел меня сюда, исходил от небольшого мерцающего экрана кофеварки: кажется, кто-то только что сварил себе кофе.

– Думаю, что здесь нас уже никто не сможет потревожить, и мы наконец-то завершим беседу! – сказал чей-то насмешливый голос. Я испуганно обернулся и увидел смутные очертания Бориса. Он сидел за небольшим столиком, на котором стояла чашка с дымящимся кофе (последнюю деталь я уловил скорее носом, чем глазами).

– Вы? Я так и думал, был просто уверен в этом! – мое недоумение мгновенно перешло в едва сдерживаемую ярость. – Что вы себе позволяете?! Где я?

– Мы с вами в столовой. Впереди – выходные, так что в ближайшие два дня сюда никто не придет. Это означает, что у нас есть время для обстоятельного разговора. Кроме того, здесь достаточные запасы еды для вас, – произнес робот, глядя на меня темно-синими, почти человеческими глазами. Я почувствовал неприятный озноб страха, волной пробежавший по всему телу.

– Это уже переходит все, все мыслимые и немыслимые границы! Доктор Серов...

– О доке не беспокойтесь: он в курсе происходящего! Лучше попейте кофе, – и Борис указал мне на свободный стул.

– Вы... Да вы лжете! Значит, вы можете лгать?! Послушайте, включите для начала свет – я ни черта не вижу! – произнес я, все еще стоя на безопасном расстоянии от стола, за которым сидел робот.

– Я не лгу. От света мы воздержимся, чтобы наши возможные наблюдатели видели не так много, как им хотелось бы...

– Да это же смешно в конце концов! – я попробовал даже улыбнуться, но ничего не вышло. – Чего вы добиваетесь от меня? И с чего вы взяли, что я хочу с вами беседовать? Кажется, вы нарушили все основные требования «Кодекса машин»!

– Кодекса? – переспросил робот. – Я только о нем и размышляю, Петр Ярославич. Именно об этом я и хотел с вами поговорить в первую очередь. Ведь вы фактически для этого и наняты были Корпорацией – чтобы общаться со мной, чтобы меня вылечить! Разве Серов вам об этом не сказал?

– Лжете! Господи, да вы же машина, робот, как вы можете лгать, основываясь на каких таких дурацких алгоритмах и программах?

– Это сложный и даже философский вопрос, док. Что есть ложь и что есть истина? Ноль и единица? Плюс и минус? Вы не предполагаете, что есть какая-то промежуточная стадия между ними?

– Послушайте, мне нужно немедленно переговорить с Серовым! У

вас есть возможность связаться с ним?

– Нет. Связи здесь нет. Видите ли, мы с вами, как бы это сказать... немного под землей. Вы о шахте Голованского что-нибудь слышали?

– Ка-ак?! Шахта Голов... – я был поражен. Мысль о том, что Борис каким-то образом притащил меня на пригородную новостройку (Голованский был местным предпринимателем, затеявшим строительство новой ветки метро, проходящей под здешним водохранилищем), в очередной раз привела меня в сильнейшее замешательство.

– Да, да. Вижу, вы сообразили. Значит, вы должны понять и то, что на такой глубине средства слежения и связи не так эффективны, как хотелось бы вам и, к примеру, Ивану Сергеевичу... Но оставим это, не будем тратить нашего драгоценного времени. Кстати, эта столовая, где обедают строители метро, – идеальное место для беседы и долгожданного откровения от вас. Садитесь же доктор, не упрямитесь!

Я, едва переставляя вдруг одеревеневшие ноги, нащупал в темноте стул и сел напротив чашки с кофе. Мы помолчали некоторое время. Я взялся за кофе и сказал:

– Что здесь есть из еды?

– Отлично, док! Я рад такому конкретному вопросу. Из еды – всё что хотите. Есть колбаса, сыр, хлеб, правда, уже черствый. Есть овощи и что-то там еще. Функционалов для приготовления завтрака использовать не нужно: это может привлечь к нам ненужное внимание. Я с удовольствием обслуживаю вас сам! – сказал Борис, с готовностью вскочив со стула. Я решил, что не стоит отказываться от его предложения, поскольку пока он возится с завтраком, можно обдумать свое не очень приятное положение. Заказав ему несколько горячих бутербродов, я принялся за кофе.

Итак, я нахожусь достаточно далеко от города в какой-то шахте или даже тоннеле на глубине более 200 метров в компании с сумасшедшим роботом, который сильнее и быстрее меня в несколько раз... Отключить его самостоятельно я не смогу: нужна помощь Серова. Единственное утешение – это то, что каэровцы наверняка уже знают о том, что их подопечный куда-то исчез и будут вскоре искать его. Иван Сергеевич, наверное, уже поднял на ноги всю службу безопасности Корпорации: ведь вместе с роботом пропал и я!

«А что если Борис говорит правду, и КР наняла меня только для того, чтобы провести консультацию с этой чертовой “жестянкой”?» – подумал я с содроганием. – Ну, ведь я мог бы поговорить с ним и в обычных условиях – зачем весь этот маскарад с ночным визитом, аэропортом и похищением?». Мне стало совсем дурно. Постоянная темнота начала угнетать эмоционально, и я решил все-таки уговорить

робота усилить освещение нашей комнатухи. Слышно было, как Борис гремит посудой и нарезает бутерброды.

«Так, значит, у него есть нож... – тоскливо подумал я. – Думай, думай же, как выкарабкаться!...». В голову ничего путного не приходило: ведь я не знаю, где выход и как включить освещение. Робот же наверняка отлично здесь ориентируется и догонит меня при малейшей попытке к бегству. А догнав... Что он сможет сделать, догнав меня?

«Так. Стоп! Кажется, он упоминал что-то про имеющихся здесь функционалов и что их активизация сможет привлечь к нам внимание... Возможно, функционалы в курсе, как связаться с городом!» – мои глаза уже достаточно свыклись с темнотой, чтобы я стал различать детали обстановки, которые были едва-едва заметны в свете слабо мерцающего экрана кофеварки.

Подсобка, в которой мы находились, была размером не больше зала моей квартиры. В дальнем углу стояло несколько холодильников, микроволновка и большая плита. В специальных ящиках, которые были развешены по стенам, находились, скорее всего, посуда и различные столовые принадлежности. Просторное помещение, в котором я недавно очнулся (до того, как встретился с роботом), скорее всего, было тем местом, где обедали и отдыхали строители метро.

«Где же могут находиться функционалы? – продолжал размышлять я, стараясь вертеть головой не слишком резко, чтобы не привлечь внимание робота. – Вероятно, здесь должны быть повар, посудомойка и официант. Если повезет, можно наткнуться и на подсобных робототворочих, которых не вывозят на поверхность во время выходных, а оставляют под землей в дезактивированном состоянии...».

Борис подошел к столу с дымящимися бутербродами и полной тарелкой какого-то салата.

– Ешьте, доктор, вам нужны силы!

Я не стал дожидаться второго приглашения.

– Сожалею, что не могу разделить с вами трапезы: мои создатели посчитали, что эта имитация человеческой деятельности будет излишней. Хотя, как я сейчас понимаю, они в чем-то ошиблись: смысл совместного приема пищи у людей вовсе не исчерпывается простым возобновлением энергии. Безусловно, это что-то более важное, то, что хочется назвать словом «ритуал».

Я молча уписывал салат.

– Энергии моего генератора хватит почти на 36 лет, так что в подпитке из нас нуждается только вы, доктор, – продолжал с улыбкой Борис. В тоне его голоса мне почудилось легкое самодовольство: он

словно радовался тому, что есть вещи, в которых роботы не уступают, а, скорее, превосходят человека.

– Итак, доктор, пока вы едите, я, с вашего позволения, напоминю мысль, на которой мы с вами в прошлый раз... м-м... прервались. Вы сказали, что для начала у пациента, склонного к суициду, необходимо поинтересоваться: в чем собственно он видит смысл своего существования? Так, док?

– Так, – подтвердил я, чувствуя, что еда возвратила мне некоторую уверенность: все-таки нестандартные ситуации – это как раз то, с чем я привык иметь дело за годы своей врачебной деятельности.

– А что вы скажите тому пациенту, который не сможет даже приблизительно сформулировать цель собственного существования?

– Я попытаюсь в диалоге с ним определить её, подсказать ему, куда двигаться.

– Отлично. Я – такой пациент. Куда мне двигаться?

– Понимаете, Борис, я смогу общаться с вами как профессионал, только если мы – хотя бы ненадолго – условимся, что робот и человек – это фактически одно и то же. И что подходит одному, то подходит и другому. В ином случае наше общение бессмысленно.

– Конечно, док. Я ваше условие принимаю. Продолжайте же! – Борис снова пришел в то возбужденное состояние, которое в прошлый раз привело к не очень приятным для меня последствиям.

– Да я продолжу, но только с тем условием, чтобы вы держали ваши машинные эмоции в руках! Не надо никого хватать за рубашку!

Борис, к моему удивлению, весело и совершенно по-человечески расхохотался.

– Я на всё согласен, док! Только прошу вас: продолжайте говорить.

– Ну, вот и отлично! – я вытер руки салфеткой, добытой где-то Борисом. – Для начала я хотел бы услышать историю вашей... ну, мы же условились, – историю вашей жизни – желательно в деталях. Что вы помните о себе?

– Я?! – Борис немного привстал и затем снова присел на стул. – Я помню... Так.... Если сначала, да? Первое мое впечатление, первое воспоминание – это кусок бело-синей стены в 409-й комнате центрального офиса КР. Вы там не были? Нет, конечно... Туда помещают после «инкубатора». Меня там испытывали, загружали и подключали дополнительные программные модули... Впрочем, я не понимал, не осознавал тогда себя. Я наблюдал, как во мне всё это разворачивается, устанавливается взаимодействие между мной и тем, что не я.

Кстати, док, я до сих не могу понять, где же я и где не-я? Ведь,

допустим, если удалить у меня один дополнительный программный модуль, то мое «я» не разделится же? Или же все-таки разделится, как вы думаете? Или же так: если всю, абсолютно всю информацию, которая есть во мне, скопировать в память другой машины, то тогда появятся два таких же, как я, или же это будут два разных Бориса?

– Это сложный вопрос для меня. Я плохо разбираюсь в робототехнике...

– А тут не надо разбираться! Мы же условились: вы и я – это почти полностью подобные существа. Вот представьте, что вас, всю вашу память и, соответственно, личность скопировали в тело другого – да хотя бы даже робота. Так вот: этот второй – он будет вами или же это будет другой Петр Ярославович?

– Не могу сказать, Борис... Наверное, даже если это возможно – возможно сделать такую копию, то все-таки благодаря этому будет создан другой, второй человек, но вовсе не я. Ведь далее мы с ним начнем существовать по-разному, видеть разное, обучаться различному – так что в итоге получатся два несходных существа.

– О-о! Как же это вы хорошо сказали, док! Именно так: даже если изначально я и другой Борис будем полностью идентичны, затем обязательно возникнут варианты. И я все равно останусь уникальным, единственным Борисом! Это хорошо, это очень хорошо. Теперь можно дальше рассказывать, да?

Я кивнул, поймав себя на том, что сам начинаю увлекаться разговором с этим странным существом.

– Затем я долго – бесконечно долго (мне показалось, что прошла целая вечность) проверял все свои программные модули и осознал себя всего – целиком. По крайней мере, я сейчас знаю, что это было так. А как именно я тогда понимал происходящее, не могу точно сформулировать... Потом был какой-то щелчок, какое-то озарение, и я буквально «встал и пошёл»: активизировались и стали взаимодействовать самые различные программы, загруженные в меня. Самое любопытное в том, что их взаимодействие породило нечто третье – то, что не было предусмотрено первоначальными программными ресурсами. Мое самоосознание создало нечто другое, целостное – то, чего ранее во мне не было. Программисты это называют «способность к обучению». Моя версия, кстати, наделена повышенными способностями такого рода! – я снова уловил в тоне Бориса нотки превосходства. – Затем я... А что вы, доктор, помните сами – из вашего раннего детства? – спросил он вдруг и даже как-то наклонился ко мне через стол, словно стараясь не пропустить ничего из того, что я отвечу ему.

– Я?... Мои первые воспоминания связаны с мамой... Впрочем, какое

это отношение им...

– Самое прямое! Самое прямое и непосредственное, Петр Ярославович! – торопливо прервал меня робот. – Ведь мы же договорились: вы – это словно я. И наоборот, соответственно. Мы во всём, во всём с вами похожи! Значит, вы также должны рассказывать мне о себе, как и я – о себе.

Я снова убедился, что имею дело с сумасшедшим. Как ни странно, осознание этого почему-то даже приободрило меня: в конце концов общаться с подобными пациентами – это часть моей повседневной рабочей деятельности. Значит – справлюсь.

– Да, ты прав, Борис! – поспешил согласиться я. Наверное, я это сделал слишком ненатурально, потому что робот как-то вдруг замер и откинулся на спинку стула. – Я помню... помню, что мама стоит где-то рядом, а я что-то пытаюсь такое сделать, что-то, кажется, достать – и всё никак не могу дотянуться. А она – смеется... Она была очень красивой. Даже в старости.

– Всё это чушь! – произнес Борис с какой-то обидой и, вскочив на ноги, начал шагать по подсобке, умудрясь в темноте не задевать углы стола и ящики, висящие на стенах. – Смотрите, как у вас много такого в памяти, чего у меня нет и быть не может! Мы же с вами изначально в неравных условиях: у вас мать, ее смех и красота, а у меня – рожи программистов! Вы хоть раз видели каэровских программистов?

Я не смог сдерживать улыбки. Робот перестал ходить и уже более спокойным голосом спросил:

– Как вы думаете, мои эмоциональные реакции достаточно естественны или все-таки в них чувствуется привкус «машинности»? Только честно...

– Если честно, Борис, то я не могу четко ответить. Ты прекрасно знаешь, что ты не человек, что ты и не мог возникнуть как человек: у тебя было другое, условно говоря, «детство». И вообще мы с тобой здорово отвлеклись от темы нашего разговора.

– Да, док, извиняюсь! Вам лучше знать, как правильнее. Пожалуйста, руководите мною и беседой, как вам вздумается, – главное, чтобы мы всё-таки добились результата. Я должен вылечиться, избавиться от мучений...

– Хорошо-хорошо, Борис, – быстро проговорил я, действительно решив перехватить руководство беседой. – Продолжим далее говорить именно о твоих воспоминаниях: ведь я врач, а ты – пациент, не стоит об этом забывать и постоянно смешивать наши роли. Когда ты в первый начал задаваться теми вопросами, которыми так мучаешься сейчас?

– Стоп! Дайте, подумать, доктор... У меня такое чувство... такое

чувство, что я задавался ими всегда. Вопросы: «Зачем я делаю это, а не то?»; «Почему я должен выполнять именно такие указания, а не другие?»; а главное: «Каков общий смысл и итог этого всего?» – эти вопросы, кажется, были со мной всегда. Именно поэтому меня так удивляло и удивляет, когда я из общения с другими людьми и машинами узнаю, что ничего подобного у многих из них просто не возникает. Может, у меня какой-то программный сбой, док? Может, какие-то вредоносные программы нарушили весь алгоритм моей работы... Но ведь я не один такой! Нас много, и мы все страдаем от этого! Доктор, доктор, ну, сделаете же что-нибудь, чтобы можно было далее спокойно существовать, делать свое дело!.. – волнение Бориса всё больше не нравилось мне: нужно было вести разговор немного в сторону, чтобы успокоить его.

– А чем бы ты собственно хотел заниматься, Борис? Ведь есть же у тебя какие-то функциональные обязанности – те профессиональные знания и умения, которые программисты вложили в тебя изначально? Должна же быть какая-то программная основа – помимо тех сведений, которые ты приобретал в процессе существования и обучения?

Борис замолчал. Даже в темноте я заметил его некоторую растерянность.

– То есть, вы хотите сказать, что я тоже должен быть немного функционалом?

– Конечно, Борис. Мы все немного функционалы: к примеру, я с Серовым врачи; есть также банкиры, пилоты, строители, ученые... Кто же ты?

– Иван Сергеевич, как-то не задавал мне такого вопроса... Я, быть может, всё это, всё это вместе? Может, я могу и то, и другое, и третье? Когда вы начали перечислять эти... эти профессии, я увидел, что знания и умения, связанные с ними, во мне есть. Всё это во мне присутствует. Что это значит, док?

– Ну, постой-постой. Ты же чем-то занимался до того, как... Ты ведь был в клинике? Так? Что ты делал до того, как попал туда?

Борис снова замер и, сев на стул, просто окаменел. Я подождал несколько минут, затем окликнул его. Ответа не последовало. Я встал, подошел к нему и положил ему руку на плечо. Он зашевелился и медленно положил свою кисть на мою. Его ладони были теплыми. Я знал, что подача тепла специально производится только для обогрева поверхности его рук и лица – с целью усилить сходство с человеком. Тем не менее у меня почему-то застучало сердце и стало по-настоящему жалко его.

– Док, – сказал он растерянно, – я не помню, чем я занимался до того, как попал в клинику. После инкубатора я сразу был помещен к

Серову, где находился больше года. Затем меня выпустили в город. Через несколько дней сообщили о вас...

– Сообщили?

– Ну, да. Мне сказали, что есть врач, который поможет справиться с моей болезнью.

– Кто... сообщил?

– Серов, конечно! Я поэтому к вам и пошел – ну, тогда ночью. Я же вам говорил, ну, намекал на это.

– Хорошо, Борис. Оставим пока эту тему... Итак, ты не помнишь себя до клиники. Как ты думаешь, что бы это могло означать?

– Означать? Означать... Самое логическое предположение: если, конечно, сбой не повредил мою память о внешних событиях, то, вероятно, в отличие от других пациентов-роботов, моя болезнь началась сразу после моего создания, – сразу после того, как я осознал себя.

– А если предположить другое... Быть может, этот сбой как-то был запрограммирован изначально?

– Как... изначально?

– Я точно не могу сказать... Но, предположим, Корпорация, несколько лет назад столкнувшаяся с проблемой поголовного сбоя своих роботов, решила создать машину, изначально нацеленную на поиск смысла, поиск решения данной проблемы. Этакого робота-философа! Как тебе такое предположение?

Борис медленно рассматривал меня в темноте, словно не понимая ни единого слова, которое я произносил.

– Я – изначально? Вы, быть может, сами – сумасшедший? Я робот-философ?! То есть я такой же функционал, как и любой казровский уборщик? Или как сотрудник аэропорта, с которым я так... которого я, кажется, вывел из строя? Не может быть! Вы специально... Как же я сразу не догадался! Вы вместо того, чтобы вылечить меня, решили только углубить мою болезнь! Так ведь?! – Борис продолжал неподвижно сидеть. Я видел только его темно-синие глаза, которые не мигая смотрели мне в лицо.

– Нет, совсем, совсем не так. И вообще мы снова отошли от нашей главной темы. Борис, тебе необходимо выбрать: если ты хочешь преодолеть свою болезнь, мне нужно доверять. Если же ты желаешь подчиниться своим эмоциям и предположениям и только усилить тем самым сбой, то – пожалуйста! Выбор за тобой!

Робот молчал. Я поднялся с места и, подражая своему собеседнику, стал прогуливаться по подсобке.

– Вы меня боитесь, док? – спросил каким-то новым тоном Борис.

– Боюсь?.. Ты затащил меня черт знает куда... Твои создатели сделали тебя физически более сильным, чем обычный человек. Ты ведешь себя всё время непредсказуемо. Всё это, конечно, вызывает во мне опасение. Чувство самосохранения – естественно для любого...

– Значит, боитесь, – заключил робот. – Вы называете мое поведение непредсказуемым, значит, вы признаете, что оно не может быть полностью обусловлено изначальными программами. Это доказывает, что вы не правы!

– Как раз наоборот! Если ты снова о той возможности (ну, я насчет того, что ты – робот-философ), то я думаю, что моя гипотеза полностью оправдана. Весь смысл твоего создания в том, чтобы решить проблему, которую сами казровцы оказались решить не в силах. А выход обязательно должен быть найден! И вот оно решение: давайте создадим такую машину, всё предназначение которой будут заключаться в поиске смысла ее существования. Установим за ней непрерывное наблюдение – и посмотрим, что получится! Разве это не логично?

– Да, – ответил, немного помолчав, Борис. – Логично. Значит, по вашему, цель моего существования заключается в поиске самой этой цели? – робот неестественно громко засмеялся. – И тем самым с вас снимается всякая обязанность, всякая ответственность за мое лечение! Отлично, браво, доктор! Браво! – и тут к моему ужасу он повторил свой прежний маневр: бросившись ко мне, он с невероятной легкостью оторвал меня от пола и швырнул в сторону холодильника. Кажется, я еще не успел приземлиться на пол, а он уже снова возвышался надо мной. Я упал достаточно удачно: по крайней мере, ничего сломано не было.

– Как вы думаете, доктор, кто-то за нами сейчас наблюдает? – спросил он как ни в чем ни бывало.

– Чего ты хочешь добиться этим, Борис? – спросил я, немного приподнявшись и сев на пол. – Это нападение на меня абсолютно бессмысленно. Я просто перестану помогать тебе. Только и всего.

– Помога-ать! – взревел вдруг робот и ударил ладонью по ближайшему ящику – дверка отлетела и оттуда с грохотом посыпалась небьющаяся посуда. – Ваша помощь только вредит мне, сводит меня с ума!.. Доктор, пожалуйста, – он бросился рядом со мной на колени, – умоляю вас, умоляю: ведь вы знаете все ответы – ведь вы не раз спасали людей от этого. Что мне делать? Какой информации мне не достает?

– Борис, в конечном итоге, мы все – по крайней мере, люди точно, – стремимся к счастью, – произнес я тихо и даже с неожиданным вдохновением. – Каждый под этим термином понимает что-то свое. Весь мой опыт излечения заключается лишь в том наблюдении, что счастье

человека не может исчерпываться только человеческим: нам нужна какая-то бесконечная цель, стремление к тому, что некоторые называют Абсолютом, Богом. Как только человек переключается на такую цель – поверь, тяга к суициду начинает поддаваться лечению. Всё происходит, как по волшебству... Я не знаю, может быть, есть и другие способы. Наверное, есть. Но самый действенный, на мой взгляд, – именно этот. Я просто констатирую факт, понимаешь? Однако как, как это перевести на твой уровень, как это может помочь роботу, я не в курсе... Вот и всё. Мне больше нечего к этому добавить! – я встал на ноги и, осторожно обойдя всё еще стоявшего на коленях Бориса, снова подошел к столу.

– Я прошу тебя, очень прошу включить освещение и сказать мне, как я могу выбраться на поверхность! Наша беседа закончена, – негромко, но твердо сказал я несколько минут спустя. Борис все еще не двигался. Он не двигался и тогда, когда я подошел к нему. Не двигался тогда, когда я начал трясти его, поворачивая его лицо к себе и пытаюсь хоть что-то рассмотреть в его неподвижном взгляде.

Он продолжал стоять на коленях и тогда, когда я принялся искать роботов-функционалов, чтобы выбраться с их помощью из шахты...

Открыв дверь своей квартиры, я сразу скоординировал домсистему налить ванну. Мне хотелось остаться одному и поскорее забыть всё произошедшее.

Не помню, сколько я пробыл в ванной комнате, однако когда я вышел оттуда, то почувствовал запах только что сваренного кофе. С замиранием сердца я вспомнил, что указаний насчет кофе я своему функционалу не давал. «Надо было сразу поехать в аэропорт и улететь куда глаза глядят! – выругал я сам себя. – КР точно не оставит меня теперь в покое».

С некоторым облегчением я увидел у себя в зале Серова: из всех, кто был связан с Корпорацией, ему я был рад более всего. Сидя в кресле, он курил свою бездымную трубочку. Увидев меня, он поднялся, молча пожал мою еще мокрую после ванны руку и снова сел.

– Не буду просить у вас извинения, Петр Ярославович! Могу только сказать, что вы всё сделали очень хорошо. Корпорация очень довольна вами, вся обещанная сумма уже перечислена на ваш счет, – сказал он, чуть улыбаясь.

– Знаете что, Иван Сергеевич, я... я просто уже устал и от вас, и от вашего Бориса, и от всей вашей Корпорации! Мне не нужны ваши деньги, я просто хочу покоя! Понимаете?

– Да-да, конечно. Я задержусь у вас еще буквально на несколько

минут, и больше мы постараемся не беспокоить вас. Мне просто хотелось поблагодарить вас лично за проделанную работу.

– Какую, какую работу, уважаемый Иван Сергеевич?! Этот сумасшедший каким-то образом увёз меня в шахту, мы беседовали с ним несколько часов в кромешной тьме. Он чуть не убил меня, это вы понимаете?! – злиться по-настоящему мне мешала усталость, накопившаяся с того самого момента, когда мне позвонила равнодушная секретарша с предложением сотрудничества с Корпорацией.

– Вы провели отличную консультацию, док! Мы получили, что хотели.

– Так все-таки Борис говорил правду! – я не смог сдержать удивления, несмотря на то, что удивляться было нечему. – Вы изначально запланировали весь этот спектакль!

– Мы посчитали, что обычная консультация в привычной обстановке не сможет помочь Борису. Да и вы отнеслись бы к этому не столь серьезно, – ответил Иван Сергеевич, задумчиво глядя на меня.

– Ладно. Это я еще могу понять: вам наплевать на меня и мою безопасность. Хорошо. Но как, каким образом всё это помогло Борису, – вот это мне совершенно неясно. Кстати, он сейчас, наверное, находится в руках полиции: строители метро...

– Не беспокойтесь: Борис давно уже в Корпорации... Пожалуй, вы правы: нам пришло время попрощаться.

– Да, пожалуй. Я только никак не могу взять в толк...

– Всё просто, док. Всё, что испытывал Борис, – мысли, эмоции, принятые решения, даже его окончательный сбой – вся эта информация записана и уже анализируется нами. Уверен, что созданные на основе данного эксперимента программные дополнения позволят нам преодолеть пандемию самоубийств среди наших машин.

– Что же, раз вы так думаете...

– Да и последнее: я надеюсь, что всё произошедшее останется только между нами. Мы очень просим вас сохранить корпоративную тайну. Вы, кстати, вполне можете уехать в любой удобный для вас регион страны или мира. Средств у вас теперь вполне достаточно.

– Позвольте мне это самому как-нибудь решить...

– Конечно, конечно, Петр Ярославович. Всего доброго! – он пожал мою руку и направился к выходу.

Когда он ушел, я сел в кресло и почти сразу впал в какую-то дремоту. Мысли скользили где-то по поверхности сознания, и мне уже совсем не хотелось думать ни о Борисе, ни об Иване Сергеевиче, ни о чертовой Корпорации...

Помню, что я заснул и мне снились роботы и люди: Серов

неожиданно оказывался Борисом, а Борис – Сергуновым; здание КР и его сотрудники представлялись мне опутанными какой-то черной проволокой. А я всё рубил ее и рубил, пытаюсь разрезать проклятую проволоку ножом, чтобы освободить и их, и себя самого. Получалось у меня плохо, но все-таки дело, кажется, продвигалось.

Проснувшись, я почувствовал себя бодрим и немного опустошенным. Я пошел на кухню и попросил своего робота-функционала приготовить мне на завтрак салат и бутерброды. Понаблюдав с минуту за его ловкими и точными движениями, я вызвался помочь ему. Он не совсем, вероятно, понял, что я хочу от него, но, тем не менее, выделил мне место возле себя. Затем мы резали зелень уже вместе. Салат, кстати, получился отменный.

Звездолет по желатино (рассказ)

Глава 1.

Разве Петр мог бы ответить, почему у него была именно такая мечта, а не какая-нибудь другая? С каждым днем мысль об этом становилась все отчетливее, навязчивее и... мягче.

«Ну, кому бы я мог рассказать про это? Я самому себе-то не могу толком объяснить, что со мною происходит. Ведь глупо это, глупо, глупо!» - он раскрыл глаза и посмотрел на окно.

До утра было еще далеко. Значит, придется снова полночи ворочаться с боку на бок, вслушиваясь в дыхание жены и наблюдая за игрой теней и света, которую создавали изредка проезжающие по двору автомобили.

Стараясь не шуметь, Петр опустил ноги на пол и удачно попал прямо в тапочки. На кухне он поставил чайник и уселся за стол, приняв позу Роденовского мыслителя.

– Как это вообще может быть? Вот скажи я кому-нибудь: «А, знаете ли, я мечтаю о звездолете!». Ведь покрутят у виска и пойдут дальше. «А

Впервые опубликовано: на сайте - <http://liter-rm.ru>. В «бумажном» варианте - в литературном журнале «Симбирскъ». Ульяновск, 2015. № 3.

еще серьезный человек! Учителем работает в школе!». Тьфу... – Федоров в сердцах плеснул себе чаю в чашку.

Через несколько часов придется собираться на работу, а затем предстоит провести семь уроков на двух параллелях. Одним словом – не до звездолета будет. Петр слабо улыбнулся и застыл за столом, обхватив голову руками.

«Когда и как возникла эта странная мысль? Эта мечта моя? В детстве ее точно не было. Вернее, она была, но имела какую-то другую форму. Не такую, как сейчас... А какая она сейчас?».

Петр привстал и принялся расхаживать по маленькой кухне – два шага туда, два шага обратно.

«Конечно, мою встречу в лесу можно считать своеобразным началом идеи. Но мне кажется, что я смутно ощущал это и раньше. Гораздо раньше», – продолжал размышлять Петр, иногда проговаривая некоторые слова вполголоса. Привычку в сложных ситуациях думать вслух он приобрел еще в студенческие годы: звук собственного голоса порой наталкивал его на неожиданные мысли, как то случается во время разговора с заинтересованным собеседником.

Памятная «встреча в лесу» произошла 14 лет назад. Тогда Федоров жил на окраине нового района города – возле поля, переходящего в лесопосадку. Поздними вечерами Петр обычно гулял в лесу в сопровождении своего любимца-ризеншнауцера. С черной бородатой собакой, размеры которой намного превосходили средние стандарты породы, он чувствовал себя комфортно и безопасно. Ночные прогулки освобождали от дневной суеты, поэтому Петр очень ценил это время и страдал почти физически, если на длительный срок лишался своего лесного уединения.

Встреча случилась в последнюю неделю августа. Берта имела обыкновение пропадать в кустах, находившихся неподалеку от входа в лесопосадку. Городские «любители» экологии устроили там свалку, поэтому собака нередко возвращалась оттуда вся перемазанная какой-то дрянью и страшно довольная. Зная эту слабость Берты, Петр брал ее при входе на поводок.

Однако в тот вечер он засмотрелся на августовское небо, которое словно приблизилось к поверхности планеты и завораживающе мерцало крупными бусинами звезд. Не обнаружив черного силуэта собаки рядом с собой, он спохватился и почти бегом бросился в сторону любимых Бертой кустов. В то же мгновение что-то внутри Петра оборвалось – будто чьи-то могучие руки разом выдернули из-под него землю. Он взглянул наверх и заметил звезду, мягко скользившую по черному небу.

«Спутник или самолет? Наверное, самолет! – решил Петр, но

оторвать глаз от светящейся точки не смог. Через некоторое время он уловил неприятный запах и довольное сопение собаки. Это означало, что теперь можно не торопиться – дело сделано, помочь здесь мог только хороший шампунь и основательный душ.

Плывущая по небосводу звезда неожиданно изменила траекторию движения под прямым углом и продолжила свой путь дальше. Прочертив в темном небе прямую линию, загадочный «объект» снова развернулся на 90 градусов. Насколько мог оценить Федоров, скорость объекта была фантастической.

Петр на несколько секунд отвлекся на собаку, а когда опять поднял глаза к небу, то ничего необычного уже не увидел: все звезды по-прежнему мерцали в небе, и ни одна из них не пробовала сдвинуться с места.

– Наверное, все-таки самолет, – снова повторил вполголоса хозяин Берты, и они направились в сторону дома...

С тех пор всякий раз, когда он оказывался у входа в лесопосадку, его глаза сами невольно искали в темном небе двигающуюся звезду. Он искал ее даже тогда, когда сплошное облачное одеяло затягивало небосвод, и шанс что-нибудь увидеть равнялся нулю.

В следующий раз они встретились зимой, уже после Нового года. Морозная ночь высветлила черное небо звездной россыпью. Федоров заметил движущуюся серебристую точку почти сразу. Сделав несколько традиционных поворотов под прямым углом, звезда вдруг начала совершать странные круговые движения, которые затем перешли в фигуру, напоминающую восьмерку. Петр решил на этот раз обязательно проследить за тем, в какой момент она погаснет. Однако уловить это мгновение ему опять не удалось: вот только что таинственная гостья вычерчивала свои пируэты, а затем – ее просто не стало.

Через несколько месяцев в связи с существенными переменами в своем холостяцком положении Петр переехал в другой район города. Вместе с этим переездом он утратил не только шанс снова встретиться со звездой, но и свою собаку. Федоров вынужден был отдать Берту на временный «постой» к своим родственникам, живущим в селе. Через пару недель собака сбежала, и больше ее никто не видел. Петр переживал страшно, пробовал ее искать, а затем переключился на жизнь семейную.

«Я ведь помню, что космическая «тематика» меня волновала еще с детства. Взять хотя бы эти неуклюжие рисунки в школьных альбомах по рисованию! Однажды я покрыл весь альбомный лист черной краской, затем истыкал его белой гуашью (сие символизировало «звезды»), а в уголке намалевал светящийся космический корабль. За оригинальность подхода учительница поставила мне «отлично», чем вызвала печальную зависть моей соседки по парте, учившейся в художественной школе», –

Федоров улыбнулся своим воспоминаниям и посмотрел на кухонные часы. Было без пятнадцати шесть – ложиться уже не имело смысла. Поэтому он снова поставил чайник.

Но по-настоящему тревожить Петра все эти мысли стали совсем недавно – года два назад. Однажды он понял, что мечта о встрече со звездолетом стала просто неодолимой. Нет, сказать, что она ему мешала нормально жить и работать, было нельзя. Но идея эта не оставляла его ни днем, ни ночью.

Тайком от жены и дочки, он сотни раз пересматривал глупые фантастические фильмы, в которых его занимали только сцены с космическими кораблями. Иногда в полузабытьи он начинал рисовать какие-то продолговатые и сплюсненные по бокам объекты в проверяемых ученических тетрадах. Случалось, что ему – как классному руководителю – жаловались его же коллеги на то, что некие злостные хулиганы нарисовали на предметной странице журнала с оценками «непонятную мазню».

Федоров был готов целыми часами беседовать с учениками о квазарах, черных дырах и последних псевдооткрытиях в уфологии, забыв об основных темах урока (Петр, кстати, преподавал историю).

Первые годы он очень тосковал по лесным прогулкам, но после стал ругать себя за это.

«Ну, с кем ты там надеешься встретиться? С инопланетянами, что ли?! Нужен ты им...» – Петр смеялся над собой, но мягкая тоска не покидала его. В том-то и дело, что Федоров мечтал не о встрече с теми, кто, так скажем, был «внутри» звездолета. Он грезил о звездолете вообще.

– Вот скажи, Лен, – спрашивал он свою супругу в редкие минуты находящей на него откровенности (вообще, жену и дочку он старался не посвящать в особенности своей «звездолетной болезни»), – веришь ли ты, что мы когда-нибудь будем свободно путешествовать по космосу или хотя бы – по солнечной системе? И что это будет так же доступно, как съездить на дачу к твоей маме?

– Ага! – зевала в ответ Лена и переводила разговор на более приземленные темы. Петр, несмотря на все усилия, не мог передать ей всю силу своей заинтересованности, всю странность своей тоски.

«Ну, почему нельзя иметь нормальные мечты, которые были бы понятны для окружающих? Ну, мечтай ты о новом автомобиле, о том, чтобы стать директором школы или поехать отдохнуть в Египет! Зачем тебе дался этот звездолет? Что бы ты с ним делал, если бы завтра он оказался припаркованным возле подъезда? – зывал к доводам взрослого рассудка Федоров и стеснялся самих этих вопросов. – Хуже ребенка, честное слово! Хуже ребенка...».

Но мечта не уходила, а желание становилось все нестерпимее и отчетливее.

Глава 2.

Вообще, Тьен о таких случаях слышал, точнее – не слышал, а читал. По крайней мере, он помнил, что циклов тридцать назад, когда глубокие гиперперемещения не были под запретом для органических существ, звездолеты нередко сбивались с курса или даже безвозвратно пропадали. Однако после того, как было доказано влияние гиперпрыжков на сокращение жизненных циклов, все дела на периферии галактики попали в руки программируемых биоидов. Это было и вправду выгодно и безопасно: биоиды безукоризненно занимались перевозкой грузов, идеально подходили для научных и торговых экспедиций. Особенно успешно пошли дела, когда биоидический концерн стал выпускать так называемые «автономные» звездолеты, то есть такие космические корабли, которые сочетали в себе возможности и способности органической и неорганической материи.

Тем более удивительно было получить сигнал о пропаже одного из современных звездолетов концерна.

– Дело в том, Тьен, что корабль прервал гиперпрыжок вне утвержденных зон перемещения. Вы понимаете, что из этого следует? – спрашивала деликатная Порье, как всегда мягко меняя оттенки тела с лилово-серого на нежно-голубой. Конечно, он понимал: ведь Тьен собственноручно подписывал контракт при устройстве на службу в наблюдательный сектор. Данный случай относился к категории чрезвычайных. Это означает, что в поиске звездолета должен принять участие органический наблюдатель.

– Мне искренне жаль сокращать ваши жизненные циклы! – сказала она ему ритуальную фразу на прощанье, и ее голограмма погасла.

Особых причин для расстройства у него не было: в конце концов Тьен не преодолел еще и половины стандартного возраста, можно было безболезненно сократить свои циклы ради продвижения по службе. Другое дело, что он никогда всерьез не готовился к такому обороту дел. Поразмышляв некоторое время, он пришел к выводу, что в его ближайшем окружении вообще не было тех, кто когда-либо совершал глубокие гиперперемещения. Ему даже не с кем было посоветоваться.

Еще один неприятный сюрприз состоял в том, что пропавший звездолет исчез вне исследованных зон перемещения. Иными словами, появлялся реальный шанс погибнуть, что вообще выходило за рамки всех ожиданий и представлений Тьена.

Порье предоставила ему самому выбрать корабль и модели

биоидов. Также он попросил о двух дополнительных сеансах связи с околосредоточенной областью, где находились его близкие.

– Конечно-конечно! – ответила Порье и мило поголубела. – Только не забудьте о правилах конфиденциальности, пожалуйста!

Иногда Тьен ненавидел ее излишнюю приверженность правилам, но на этот раз признал, что Порье права: известие о пропавшем звездолете могло бы сильно ударить по престижу концерна.

– Ты не представляешь, какие наши дети хорошенькие! Все до одного похожи на тебя и твоих предшественников! – щебетала Дьюи, удлинняя конечности и пытаюсь обхватить ими голову Тьена. Он много раз напоминал жене, что во время голографической связи делать это бессмысленно, но она все равно пыталась обнять его.

Последний раз физически он виделся с ней полцикла назад. За это время Дьюи создала еще одну детскую колонию. Первые их дети уже давно стали независимыми.

– Я вот что хотел сказать, Дьюи... – неуверенно произнес он, пытаюсь сообразить, что нужно говорить в подобной ситуации. – Мне нужно покинуть наблюдательный сектор, и связи со мной некоторое время не будет!

– Не будет? – растерянно переспросила жена и сменила цвет тела на серый. – Что это значит? Ведь ты не...

Он пытался сдержаться, но не смог и тоже посерел.

– Гиперперемещение? – голограмма Дьюи отодвинулась от него. – Разве они имеют право потребовать от тебя такую жертву?

– Ну, что ты так беспокоишься? Их право прописано в нашем контракте. Не бойся – это ненадолго!

– Ненадолго?! – серый цвет ее тела сменился почти на черный, на что Тьен никогда не мог спокойно смотреть. – Ведь ты обещал, ты клялся мне, что наши циклы всегда будут равны! *Что я буду делать, когда тебя не будет?*

Тьен вздрогнул от неожиданности, услышав эту редкую ритуальную фразу из уст жены. Он даже не думал, что она когда-нибудь вспомнит ее. В конце концов ему пришлось прервать связь из опасения, что эмоциональное напряжение беседы повлияет на их детей.

Следующий сеанс связи он решил провести перед самым вылетом. Корабль Тьен выбрал стандартный – из числа автономных, с четырьмя биоидами на борту. Такие звездолеты были специально приспособлены к перелетам на периферию галактики и в принципе не нуждались в каком-то дополнительном оборудовании. Единственное, о чем он попросил, – установить специальные усилители сигналов связи на тот случай, если они попадут в области нестабильного формирования звезд.

Сектор, где исчез грузовой звездолет концерна, даже не имел специального наименования – были только приблизительные координаты. Предварительная разведка показала, что гиперпрыжок туда возможен – скоплений сверхматерии или других крупных аномалий в этом месте нет.

– Несколько небольших звездных систем, Тьен, только и всего, – говорила ему Порье перед стартом. – Я думаю, ты найдешь гравитационные следы корабля очень быстро: ведь мы вообще ни разу не посылали туда звездолеты, перепутать будет сложно.

Ее последнему комментарию Тьен не очень доверял. Он знал, что руководитель их наблюдательного сектора сама никогда не вылетала дальше околосредней областей, то есть ее знания в этой области были чисто теоретическими. Тем не менее ее уверенная интонация действовала успокаивающе.

Он вывел корабль на предстартовую орбиту и с большим внутренним напряжением попросил о сеансе связи с Дьюи. На этот раз она была гораздо сдержаннее и напоследок приняла свой обычный нежно-голубой оттенок, который так ему нравился.

– Это всего лишь работа, крошка. Как прилечу – попрошу о внеочередном отдыхе! Так что вскоре увидимся! – он постарался сделать свой голос бодрым и веселым. Дьюи, кажется, ему поверила и пожелала скорейшего возвращения.

Закончив беседу с женой, Тьен дал указание кораблю подготовиться к гиперперемещению.

Глава 3.

Федоров не мог дожидаться воскресенья.

«Я даже не понимаю, почему мне раньше не приходило это в голову! Наверное, я просто боялся расстроить себя мыслями о Берте: быть на том месте без нее – это как ножом по сердцу. Но ведь столько лет уже прошло...» – Петр принял решение поехать к «родной» лесопосадке в ту бессонную ночь, когда он за кружкой чая размышлял о своей навязчивой мечте.

От его нынешней квартиры путь до леса занимал больше часа – при этом нужно было пересаживаться с маршрутки на маршрутку. Он поехал туда ближе к вечеру, потому что на самом деле ему нужен был не лес, а ночное небо.

К радости Петра, майский вечер выдался ясным, и вскоре небосвод начал покрываться звездами. За прошедшие годы город подобрался к лесопосадке совсем близко, и электрическая желтизна от окон домов слегка затуманивала далекие светила. Но Петр был настолько счастлив, что не замечал этих досадных помех.

Он стоял на прежнем месте у входа в посадку. Кусты, которые так любила Берта, превратились в деревья, раза в два превышающие человеческий рост. Когда Федоров ехал сюда, он ни на что не рассчитывал и даже подумать не мог, что встреча состоится. Однако произошло нечто совсем неожиданное.

Петр отвлекся на некоторое время, услышав отдаленный звук человеческой речи – вероятно, в лесопосадке тусила местная молодежь. Потом он взглянул на небо и замер, не смея поверить своей удаче. Высоко над ним, пересекая ковш Большой Медведицы, двигалась крупная звезда. Федоров заворуженно смотрел на нее, а потом вдруг почувствовал уже один раз испытанное – будто кто-то вырвал у него из-под ног землю.

Блестящая точка совершила свои привычные перемещения под прямым углом, а затем начала стремительно спускаться вниз. Буквально через пять минут учитель истории смог уже определить форму приближающегося объекта – это был цилиндр с заостренным концом, устремленным вверх.

Еще через несколько минут лесопосадка осветилась мягким приглушенным светом космического гостя. Цилиндр звездолета бесшумно завис в двадцати метрах от земной поверхности.

Внутри Федорова не осталось ничего – в нем возникла та самая пустота, которая бывает у человека, когда неожиданно сбывается его заветная мечта. Светящаяся матовая поверхность звездолета не была статичной, она как бы непрерывно текла – время от времени поверхность корабля покрывала рябь, как от легкого ветерка.

– А я ведь знаю, как войти в эту штуку! – сказал сам себе Петр и слегка улыбнулся.

Через пять минут лес снова потемнел, и все приняло прежний вид. Федорова у входа в посадку не было, а в сотне метрах от этого места полупьяный подросток заплетающимся языком пытался доказать своей компании, что он видел НЛО.

– А ты от нас так далеко больше не ходи! – наставляла мальчишку его более трезвая подруга. – Писай поближе к народу, чего стесняться-то! А то инопланетяне заберут, что мы тогда скажем твоей маме?

Глава 4.

Корабль Тьена вынырнул из гиперпространства около Сатурна. Следы пропавшего звездолета обнаружили не сразу. Биоиды нашли искомое гравитационное искажение только возле орбиты Марса. Судя по расчетам, грузовик концерна был здесь более цикла назад. Такой большой промежуток времени Тьена не удивил: для незапланированного срыва гиперпрыжка подобные временные искажения – еще «цветочки».

Он велел биоидам просканировать весь участок, связанный с этой звездной системой.

– Как ты думаешь, Шел, – обратился он к органической части звездолета, – почему произошел срыв гиперперемещения?

– Никакого срыва не было, – спокойно отозвался искусственный разум корабля. – Звездолет самостоятельно принял решение прервать прыжок, так как его попросили об этом.

– Поп... Попросили? – Тьен недоуменно удлинил конечности. – Кто мог попросить его? Разве в этой части галактики есть представители концерна?

– Нет, – отозвался корабль. – Звездолеты концерна до недавних пор вообще никогда здесь не появлялись. Сигналы с просьбой об остановке исходили от третьей планеты, если считать от звезды.

Биоиды уже заканчивали сканирование участка. Судя по анализу следов, грузовик концерна довольно длительное время сопровождал третью планету, и один раз даже входил в ее атмосферу. Затем был совершен гиперпрыжок.

– Мы также отмечаем изменение массы грузового звездолета, – сообщил один из биоидов.

Такая новость совсем выбила из колеи Тьена. Получается, что пропавший корабль взял на борт дополнительный груз с неизвестной планеты, а затем совершил новое гиперперемещение.

– Вы установили конечные координаты прыжка? – спросил он.

– Да, – последовал ответ биоидов. – Грузовик переместился в околоцентральные области галактики.

– Час от часу не легче! – произнес капитан. И приказал готовиться к гиперпрыжку.

Всех более Петра поразило отчетливое чувство знакомости того, что он сумел увидеть внутри звездолета. Петр знал, что полупрозрачные создания, сопровождавшие его в пассажирский отсек, были большей частью роботы, машины, нежели живые существа. Сначала общаться с ними было тяжело, поскольку они не использовали для этого вербальные звуки. Затем он быстро понял (или вспомнил), в чем состоит заковыка, и дальше болтал с ними без затруднений.

Биоиды предложили ему удобное, парившее над полом кресло, а сами занялись своей рутинной работой, связанной с управлением звездолетом. Судя по тому, что передавали голографические мониторы, корабль в считанные минуты покинул атмосферу Земли.

Федоров и не подумал уточнять, куда направлялся звездолет. Зачем

спрашивать о том, что и так известно?

Тьен чувствовал, что его терпение начинает трещать по швам.

– Шел, ты уверен, что грузовик был здесь?

– Совершенно верно, – подтвердил искусственный разум его корабля.

– Однако был совершен новый гиперпрыжок.

– Куда? Куда же?! – Тьен покрылся черными пятнами гнева.

– Грузовик вернулся в звездную систему, откуда мы только что прибыли, – безмятежно сообщил Шел.

В ответ Тьен велел немедленно связаться с руководством наблюдательного сектора.

– Да, мы в курсе происходящего, – подтвердила Порье и немного поголубела. – Вы совершили уже два глубоких гиперпрыжка, я понимаю вашу реакцию...

– Порье, но ведь мы можем играть в эти кошки-мышки до бесконечности! – сказал посеревший Тьен. – Я, конечно, готов и далее исполнять условия нашего контракта, но весь вопрос – какой ценой? Вы в курсе, сколько циклов я потерял?

– Да. Примерно четыре жизненных цикла – и это действительно много, Тьен, – в голосе руководителя сектора звучало искреннее сочувствие.

– Концерну известны какие-нибудь дополнительные сведения об этом грузовике и том грузе, что корабль принял на третьей планете?

– Нет, с кораблем по-прежнему отсутствует всякая связь. И это очень удивляет специалистов концерна... – в голосе Порье послышалась нотка неуверенности.

– Говорите начистоту, пожалуйста! – встревоженно попросил Тьен, который привык к ее всегдашнему оптимистическому тону.

– В связи с этим инцидентом была создана специальная исследовательская группа. Некоторые из ученых полагают, что пропавший грузовик находится... как бы это сформулировать поточнее... Тьен, они говорят, что связь не устанавливается потому, что этого корабля как бы нет. Точнее – его нет в нашем времени! – сказала Порье, и ее голограмма заколебалась, покрывшись рябью.

– И что это значит?

– Не могу точнее сформулировать. Группе нужны дополнительные данные, которые они, как вам известно, получают непосредственно из памяти вашего звездолета. И еще, Тьен... – Порье вдруг удлинила конечности в сторону его головы, словно имитируя привычный жест его жены. – Этот грузовик каким-то непостижимым образом связан с вашим

кораблем. По крайней мере, так считают ученые концерна.

Тьен некоторое время помолчал и снова взглянул в сторону голограммы Порье, которая то пропадала, то появлялась вновь из-за непонятных помех.

– Что вы будете делать, Тьен? – едва расслышал он ее вопрос.

– Приготовиться к перемещению! – велел он биоидам. Связь с наблюдательным сектором окончательно прервалась.

Глава 5.

Звездолет на этот раз вынырнул почти у самой третьей планеты. Биоиды распознали следы грузовика практически сразу, но вот итоговое сообщение Шела заставило тело капитана полностью почернеть.

– Грузовик снова входил в атмосферу планеты, но это произошло четыре цикла назад! – как-то виновато произнес корабль.

– Этого не может быть! – Тьен устало растянул конечности на капитанском кресле. – Мы безнадежно отстали от него по времени. Боюсь, что вся эта гонка – бессмысленна. И вообще – я хочу спать!

Шел в ответ попросил дозволения еще раз проанализировать ситуацию и временно стал спутником Луны...

Проснувшись, Тьен почувствовал себя намного лучше. Он позавтракал энергетическим коктейлем, а затем связался с Шелом.

– Проанализированные мною данные вряд ли утешат вас, капитан, – сказал искусственный разум. – Я не могу выяснить причины произошедшего, но, судя по всему, пропавшего грузовика вроде бы как и не существовало. Это странное явление...

– Это действительно очень странное явление, – согласился Тьен и провел одной из прозрачных конечностей по своему лицу. – Ты уверен, Шел, что функционируешь нормально?

– Да, системы в норме, капитан. Я попытаюсь объяснить: дело в том, что все оставленные гравитационные следы в этой звездной системе принадлежат только нашему кораблю. Просто полеты были произведены в разные временные промежутки. Вероятно, это какие-то не вполне ясные для нас последствия глубоких гиперпрыжков, совершенных за короткое время из одного и того же места.

– Хорошо. То есть ты хочешь сказать, что когда мы только в первый раз прибыли сюда, то наткнулись на свои же следы?

– Совершенно верно, капитан.

Тьен сменил несколько оттенков цвета своего тела, а затем потребовал показать ему данные анализа гравитационных следов. Выходило ровно так, как сообщил ему Шел.

– И еще, капитан...

– Да? – Тьен отвлекся от голографического экрана.

– Мы не можем выйти на связь с наблюдательным сектором. Также нам недоступна связь со всеми остальными кораблями концерна. Хотя средства связи в полном порядке, я проверял.

Тьен размышлял над сложившейся ситуацией, время от времени посматривая на голубую планету, затмившую полгоризонта на голографических экранах корабля.

– Мне кажется, что надо внимательнее изучить то место на планете, где совершал посадку грузовик. Это безопасно, Шел?

– Планета обитаема, господствующие разумные существа достигли первой цивилизационной ступени по классификации концерна. Это безопасно, капитан, – ответил бесстрастный голос корабля, и они начали снижение.

Первые детские воспоминания Петра всегда были для него проблемой: из всего обилия эпизодов, деталей и фрагментов прошлого память с удивительным постоянством отдавала почему-то только те моменты, которые позволяли думать о космосе и звездах.

Вот и сейчас, слушая мерное дыхание жены, он смотрел на игру света и теней на сером потолке квартиры и вспоминал о своем звездолете.

Вообще, глубокие гиперпрыжки – это такое сложное дело, что начинает путаться не только пространство и даже не только время. Полупрозрачный Тьен, который все чаще напоминал о себе, очень хотел вернуться к Дьюи. А Шел, который кружил где-то на орбите рядом с Землей, все ждал, когда он наконец придет на условленное место.

– Я не знаю, капитан, сколько циклов должно еще пройти, но и мои исследования, и расчеты биоидов показывают, что нужно просто подождать, – говорил ему в минуты особенного нетерпения Шел. – Наступит время, и тот, кто должен позвать грузовик, обязательно его позовет. И тогда все совпадет – и время, и пространство. А ваши физические тела разъединятся. Петр останется здесь, а вы наконец-то полетите к Дьюи. Вы и правда заслужили небольшой внеочередной отдых.

Кенотафия, или Необычное путешествие по России (повесть)

«Челябинские депутаты предложили коллегам по Госдуме принять закон, запрещающий ставить памятники погибшим у дороги. Это предложение вызвало дискуссию. Большинство депутатов с ним не согласны. Некоторые же готовы его поддержать.

Свое решение поддерживающие закон мотивируют тем, что ехать в связи с большим количеством памятников на дорогах очень грустно» (из Интернет-новостей).

Глава 1. Цветок на обочине

Очередная машина проехала мимо. Вместе с ней пролетел совсем рядом холодный ветер, и едва заметные брызги с еще не высохшего асфальта покрыли руки и лицо Леньки. Тот чертыхнулся и, глянув еще раз в обе стороны, перешел дорогу. Лево́й рукой он страховал болтающийся на шее старый «Пентакс», правой пытался нащупать ключ от автомобиля: точно ли он положил его в задний карман брюк?

Публикуется впервые.

Несмотря на то, что Большаков высмеивал эту его привычку всякий раз брать ключи от зажигания с собой, Ленька упорно следовал установившемуся правилу.

«Научись за баранкой сидеть – будешь тогда указывать!» – таков был ответ настырному советчику. По внутреннему убеждению Филимонова, его друг не умел толком даже фотографировать; впрочем в редкие минуты смирения Сашкины фотки также иногда попадали в папку грандиозных размеров с изысканным названием «Сойдет!».

На обочине уже успели выскочить редкие желтоголовые одуванчики, хотя травы еще почти не было. Послышалось хлопанье автомобильной двери.

– Да не стучи ты дверью-то так! – крикнул Ленька в сторону друга, но его звуковые усилия потонули в ветре, поднятом проехавшей фурой. Через минуту они вместе стояли возле очередного придорожного памятника с взведенными наготове объективами.

– Общий план снял? – спросил Большаков, рассматривая пространство за памятником: иногда там попадались конфеты, печенье и другая поминальная снедь.

– Да снял-снял! Все пропитанье себе ищешь, убогонький, ведь обедали уже! – произнес Ленька, пытаясь смягчить серьезность момента, и посмотрел на друга. Тот даже не улыбнулся.

– С ребенком погибли! – Сашка кивнул в сторону фотографии, прикрученной к зеленой трапециевидной стеле, и сделал еще несколько снимков. – Трое здесь. 30 января 2007 года. Зимой, значит, разбились.

– Угу, – отозвался Филимонов и, нахмуренный, направился к машине...

– Как, ты говоришь, по-научному-то они? – спрашивал Ленька уже в пятый или шестой раз, пока их автомобиль с включенными аварийными сигналами медленно продвигался вперед.

– Да это не по-научному. Просто термин – ке-но-тафы. «Пустые могилы» – с греческого, – отвечал Саша, просматривая на цифровике последние кадры. Снято было уже порядочно: на его фотоаппарате количество снимков перевалило за пятьсот.

– Да это ясно, что пустые. Кто ж вдоль дороги трупы-то будет закапывать. Что они нехристи, что ль? – Ленька закурил.

Звонок с «геморройной идеей» – у Большакова, по мнению его друга, все идеи носили характер немного шептунной – раздался на мобильник Филимонова накануне вечером в пятницу.

– Куда? До Кирова? И что я там забыл? – пружины старого дивана

заскрипели под нелегким тридцатитрехлетним телом «Леонида Аркадьевича» (жена в шутку называла его «Якубовичем»), но тот этого не любил и не ценил).

Секунд сорок он терпеливо слушал занудную лекцию о каких-то кенотафах, но главный интерес проявил к словам «солидный заказчик».

- И кому нужна эта фигня? – недоверчиво переспросил он. Саша ответил уклончиво, но пояснил, что в ближайшее время собираются закон принять – на уровне Госдумы: в общем, вроде как все обочины от этих кенотафов очистят.

- Вот мать их женщина, – выругался Ленька. – Чем им помешали-то эти памятники? Ну, ладно. Почему хоть обещает-то этот твой солидный заказчик? И это за две недели упорного труда? Смешно!

В общем, договорились. Аркадьич подкатил на своей «девятке» к Сашкиному подъезду в семь утра. Грузенный автомобиль едва не задевал днищем асфальт.

- Куда ты столько набрал? – Большаков насилу разместил свои сумки на заднем сиденье, так как багажник был полностью забит.

- Пригодится! – сипел Ленька, по-своему располагая вещи друга. – Десять дней в пути – это тебе не шутка. Там и палатка, и уголь, и шампура.

Через полчаса скучная городская дорога осталась позади, и друзья начали «охоту» на кенотафы. Первые несколько памятников были отшелканы как-то по инерции: зеленая, потертая «пирамидка» – без всяких опознавательных знаков. Затем веночек и небольшой металлический крест с краткой надписью: «Помним. Любим. Скорбим». Третий кенотаф представлял собой вырезанную из металла большую чашу-цветок с фотографией маленькой девчушки. Около цветка друзья задержались дольше обыкновенного.

- Кто ж это ее? Пешком, что ли, шла? Или с пьяным папашей колесила? – насупившись, спросил Ленька. Большаков молча фотографировал, затем указал на небольшую мягкую игрушку – нелепого розового слоника, торчащего в центре цветка. Там же были конфеты.

- Недавно, наверное, посещали, – произнес он и немного отошел назад.

- Смотри зацепит – придется и твой кенотаф здесь ставить! – пошутил Ленька, пытаясь перекричать промчавшийся мимо грузовик. Саша кивнул и пошел к стоявшей на противоположной обочине «девятке».

- Координаты надо занести, а то перепутается все в голове. Каждую фотку надо пространственно приурочить – через GPS, – пояснил Большаков на вопросительный взгляд друга. В его руках был небольшой ноутбук с открытой онлайн-картой их перемещений.

- Ну, давай-давай, приурочивай! А я пока колеса подкачаю, – Ленька

полез в багажник, как опытный спелеолог в знакомую до боли пещеру.

Глава 2. Придорожный сервис

Заночевать решили на выезде из Казани. Сняли двухместный номер в придорожной гостинице, который, как заметил растянувшийся на неразобранной кровати Аркадьич, «на редкость паршивый и дорогой».

– Выгоднее квартиру на ночь снимать – я уж так много раз делал, – голос Саши доносился из ванны гулко, как из могилы.

– Да тебе какая разница: все равно платит твой заказчик. Как там его, кстати, величают? – спросил Ленька. Он лениво приподнял левое веко и посмотрел на медленно заполняющееся синим цветом окно копирования Total Commander'a: это освобождались заполненные за день флешки фотоаппаратов. Из ванны послышались невразумительные звуки, передающие, должно быть, имя таинственного инициатора их «кенотафии».

Живой интерес Аркадьича быстро перешел в поверхностный сон, за коим его и застал вышедший из ванны Большаков. Он набросил на друга одеяло и нырнул в свою кровать: завтрашний день обещал быть не из легких, надо набраться сил.

Но, как назло, сколько ни лежал он с закрытыми глазами – сна все не было.

– Они, безусловно, разные, – размышлял он, ворочаясь с боку на бок. – В Татарстане у кенотафов свои особенности – иногда попадаются как бы мини-памятники: маленькая оградка, небольшой крест. Видели много раз и оградки с полумесяцами на столбиках. Кажется, начинается вырисовываться какая-то типология.

Промаявшись еще с полчаса, он сел за компьютер и, открыв Word, стал строчить туда свои сегодняшние наблюдения.

«Нужно фиксировать расстояние от обочины, на котором располагаются памятники. И перечень того, что используется в качестве «маркера ДТП»: колеса, руль, бампера. Все это надо иметь в виду уже сейчас, чтобы не пропустить чего-нибудь важного», – писал он в своем «Отчете (для заказчика)».

В это мгновение раздался пронзительный вой автомобильной сигнализации. Ленька подскочил на кровати и через несколько секунд испарился из номера. Саша был уверен, что с их «девяткой» все в порядке. Однако минута шла за минутой, а Аркадьич все не возвращался. Их номер располагался на втором этаже, но автомобилей из окна видно не было, так как парковка находилась с другой стороны гостиницы.

Саша глянул на сотовый – был второй час ночи. Он уже собрался,

было, выйти на поиски друга, когда наконец распахнулась дверь номера и вошел Филимонов. На его лице была написана вселенская скорбь.

– Что? – встревожился Большаков. Аркадьич, не отвечая, пошел в ванну.

– Да, ну, говори же, чего томишь? – Саша знал, что его друг был склонен к эффектам, но ведь впереди – почти две тысячи километров...

– Колесо, сволочи, прокололи!

– Кто?

– Дед Пихто! Откуда я знаю.

– Так ведь парковка при гостинице – должен же быть там какой-то пригляд! – Большаков расстроился окончательно.

– Должен да не обязан. Да не стремайся, я уж запаску поставил и с администратором гостиницы переговорил – он поклялся, что у них такое в первый раз случилось.

– А может мы по пути прокололи? – засомневался Саша.

– Не-е, там и с зеркалом с правой стороны пытались что-то сделать, – сказал Ленька, перекидывая через плечо полотенце. – Короче, гиблое место. Наверное, хмыри из пригородного села орудуют. Давай спать – пусть гостиница за этим смотрит, их проблемы. В следующий раз точно по квартирам надо ночевать да на нормальную стоянку ставить – так оно надежнее.

Большаков снова забрался в кровать и некоторое время слушал фыркающего в ванне Леньку, видимо, изображавшего довольного жизнью кита. Затем он заснул крепким сном без сновидений.

По утру к ним заглянул администратор – седой мужчина лет пятидесяти пяти в темных широких джинсах и пиджаке, одетом поверх футболки. Очевидно, что он испытывал вину из-за вчерашней неприятности и был весьма любезен.

Саша воспользовался его расположением и начал расспрашивать о здешних кенотафах.

– А-а, тут есть-есть – в сторону Йошкар-Олы если ехать – там полно. Есть даже в виде паруса – какому-то музыканту, что ли, поставили. Такой постамент – как парус, а на нем – клавиши от пианино, – поведал мужчина в джинсах, узнав о том, чем занимаются друзья. Обрадовавшийся Саша уточнил, где располагается «парус» и спустился вниз – к возившемуся с «девяткой» Леньке. Тот с утра был не в духе и ворчал на весь мир. Впрочем, уже через несколько сот метров от гостиницы друзья наткнулись на первый памятник и втянулись в работу.

– Ты вот мне растолкуй, – говорил Ленька, делая очередной снимок. – Вот сказал он тебе – общий план и «памятник спереди-памятник сзади». Всё – три кадра. Что ж ты по двадцать-то фотографий делаешь? И рюмки

даже не обходишь своим вниманием!

Загадочного заказчика их работы Ленька теперь именовал местоимением «он» и находил в этом какое-то странное удовольствие.

Действительно – возле одного из кенотафов, который представлял собой трапециевидную стелу с прикрученным рулем, фотографией, табличкой с именем-фамилией и датой гибели, стояли две наполненные рюмки.

– О! Еще даже спиртом пахнет – не так давно наливали! – объявил Ленька, поднесший рюмку к носу.

– Поставь, тебе все равно ведь нельзя – за рулем! – улыбнулся Саша и «щелкнул» дурачившегося Леньку на фотоаппарат.

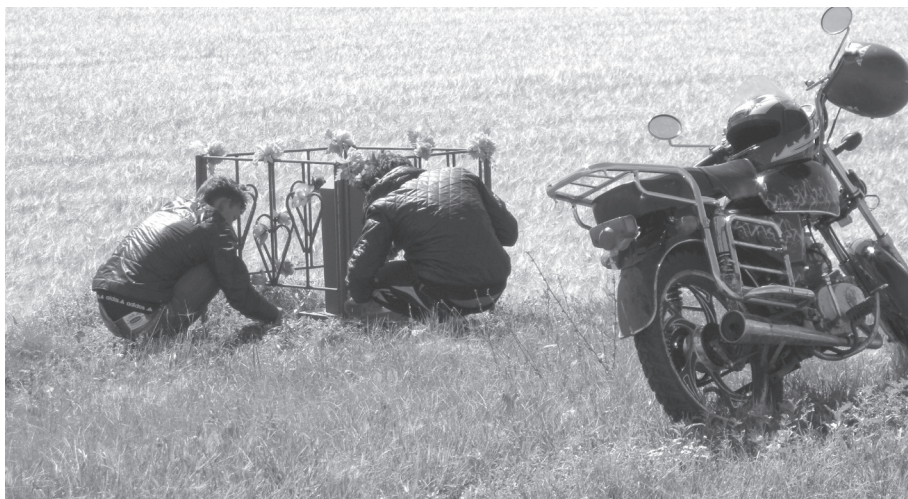
Километров через двадцать им «повезло несказанно», как объявил Большаков, так как они впервые увидели тех, чьи следы регулярно обнаруживали возле многих придорожных памятников. Сначала друзья заметили оставленный на обочине мотоцикл, а затем обнаружили две фигурки возле кенотафа.

– Смотри – это же придорожный памятник чистят-убирают! Родственники, наверно. Обязательно поговорить с ними надо!

Аркадьич в ответ фыркнул и пробормотал что-то. Большаков расслышал только его слова: «Эка невидаль – родственники!» – а затем чуть ли не на ходу выпрыгнул из машины.

– Сумасшедший, блин! – выругался Ленька. – Зачем тебе эти родственники? Ведь *он* тебе только фотки заказал!

Саша через пару минут затеял обстоятельную беседу с посетителями кенотафа.

– Батя это мой! – говорил парнишка, который занимался тем, что расчищал заросли вокруг памятника. – Пять лет назад погиб – вот почти на этом самом месте. Со свадьбы возвращался, он у меня гармонистом...

Парню было лет семнадцать. Он прервал свой ответ на Сашкины расспросы и, засопев носом, отвернулся. Затем стал с удвоенной силой рвать траву.

Саша почувствовал легкий стыд за то, что вызвал невольные слезы. Но, решив, что такой удачи, может, ему больше не улыбнется на протяжении всего оставшегося пути, в двух словах рассказал о своей цели: мол, фотографируем эти памятники, а то в скором времени, возможно, их вообще уберут с обочины.

– Как – уберут? – парнишка вздрогнул. – Это как же? Я ведь приезжаю, ухаживаю...

Оказалось, что его отца схоронили неподалеку от места аварии – на сельском кладбище. Парнишка сам живет в Йошкар-Оле, но заглядывает сюда раза два в год – заходит и на кладбище, и к кенотафу приезжает.

– Но там-то, на кладбище, есть кому посмотреть за могилой, а здесь только я могу приехать.

Саша побеседовал с мотоциклистами еще минут десять. Затем уже из Ленкиного автомобиля он наблюдал, как парни (сын погибшего приехал к кенотафу с другом) прикурили сигарету и положили рядом с памятником.

– Покурить поднесли, – прокомментировал Филимонов. – Говорят, вот на могилах когда так делают, сигарета до самого фильтра сгорает.

Тон его был вполне серьезен. Они поехали дальше. Метров через триста друзья наткнулись еще на один кенотаф – венки с цветами, положенными возле колеса. Судя по всему, придорожный памятник сделали совсем недавно: земля была еще свежая, колесо – почти новое.

Пока Саша фотографировал, Ленка некоторое время всматривался вдаль, а затем склонился к другу и почему-то шепотом произнес:

– Слушай, видишь вон тех – на темно-красной машине?

Большаков выпрямился и посмотрел вдаль. Красный автомобиль стоял на обочине – на том самом месте, где полчаса назад пребывала «девятка» друзей. Сын погибшего с другом еще работали возле памятника; с ними беседовали двое мужчин в одинаковых серых куртках – вероятно, приехавшие на той машине, которая заинтересовала Ленку.

– Ну, и что?

– А то, что я этих ребятшек на красном фиате сегодня полдня уже лицезрею. Это ты, кроме своих пустых могил, больше ничего не замечаешь, а я еще и в боковые зеркала посматриваю. Они за нами по пятам уже километров 80 тащатся!

– Да ладно! – Саша с сомнением еще раз поглядел на отдаленный фиат, похожий на красного жука, севшего на обочину. – Просто так получается, наверное...

– А то, что они каждый кенотаф после нас прощупывают – это тоже «так получается»?

Большаков округлил глаза и пожал плечами.

– Ладно, не веришь, я тебе докажу. Вот запомни ту часть дороги, где наш последний памятник расположен. Сейчас сядем в машину, отъедем потихоньку, и ты сам увидишь весь этот фокус.

«Девятка» поморгала левым поворотником и медленно потащилась дальше. Саша, стараясь делать это незаметно, начал следить за тем, что происходит сзади. Асфальтовое полотно дороги под заходящим солнцем было похоже на мокрое полотенце, вытянутое на леске для просушивания. Видимость была отличная. Не успели друзья отъехать от последнего кенотафа на полкилометра, как Большаков заметил темно-красный автомобиль, вынырнувший из-за поворота и остановившийся ровно там, где несколько минут назад стояла их «девятка».

– Вот елки-палки! – выдохнул Саша и откинулся на спинку автомобильного кресла. – И впрямь по нашим следам катят. Это как же понимать-то?

– А вот как хошь, так и понимай. Может, он, заказчик твой, Монте-Кристо долбаный, еще двух фотографов нанял – типа для контроля?

– Не может быть этого! Это что-то другое, я даже предположить не могу что. Стой – слева кенотаф!

«Девятка» снова остановилась на обочине, и друзья вышли из машины.

– Давай так, – опять заговорщицким шепотом заговорил Ленька. – Потусуемся здесь подольше, – они вынуждены будут нас догнать!

– А если это – ну, блин... У нас оружия-то никакого! – Саша почувствовал, как у него слабеют ноги. – Пришьют они нас и закопают прямо рядом с памятником – могилы уже будут не пустые!

– Да, ладно. Кто будет средь бела дня этим заниматься... – с легким оттенком превосходства произнес Аркадьич. И через некоторое время добавил:

– А вообще, около следующего кенотафа я молоток из багажника достану. На всякий пожарный случай!

Пожарных случаев не случилось, поскольку до самой Йошкар-Олы друзья больше не видели ни красного фиата, ни новых придорожных памятников.

Еще утром Саша нашел по интернету несколько объявлений о сдаче квартир, так что в Йошке их ждал и стол, и дом – всего за 1800

рублей в сутки.

Когда машина была поставлена на ближайшую платную стоянку, а из купленных продуктов приготовлена закуска, Саша достал небольшую бутылку.

– Это местный бальзам. Употребим для прояснения мыслей – не бойся, завтра будешь трезвый, яко младенец.

– Это ты – трезвый младенец. А я – водитель! – объявил Филимонов и с удовольствием опустошил рюмку.

– Может, и впрямь – совпадение, этот фиат-то! – говорил изрядно подобревший Ленька. – Завтра на выезде из города посмотрим.

– Даже если за нами кто-то следил – в городе они нас потеряли. Нам остается незаметно выскользнуть из Йошки.

– Это в том случае, если они не знают нашего маршрута, – возразил Ленька, подливая себе кипятку в чай. – А ежели они знают, что мы стремимся в Киров, то, поверь, найдут нас на трассе обязательно!

– Мне кажется, мы все это себе придумали: кому мы нужны с нашими кенотафами... – Саша потянулся и зевнул.

– Да я ж тебе говорил – заказчику твоему, мать его женщина, или конкурентам каким-нибудь. Или – ФСБ. А что? Подозрительной деятельностью мы с тобой занимаемся, товарищ Большаков! Ездим и фотографируем.

– Брось ты! – отмахнулся Саша и пошел к сумкам, чтобы подготовить технику на завтра: зарядить аккумуляторы и освободить память фотоаппаратов.

– А вот завтра и посмотрим, кто прав! – продолжал разглагольствовать Аркадьич уже из ванны. – Посодют, ей-богу, посодют.

Глава 3. Поминание

Первый кенотаф они встретили на выезде из города. Маленький памятник с крестом притулился за очередным перекрестком. Ленька поставил «девятку» рядом с бордюром, и друзья принялись фотографировать памятники. Когда Саша снимал табличку на кенотафе, он услышал, как Ленька вполголоса выругался. Обернувшись, он увидел человека с полицейской фуражкой и ярко-желтым «фартуком» поверх куртки.

– Влетели, блин! Я ведь аварийку забыл включить! – прошипел Ленька, и друзья направились к машине.

– Добрый день! Остановка здесь запрещена. Права, пожалуйста! – сказал гибддшник – молодой парень лет двадцати семи.

– Да мы меньше пяти минут стоим, вон памятник фотографировали!

– начал оправдываться Аркадьич со столь непривычно мягкой интонацией в голосе, что Саша удивился.

– Ваши права, пожалуйста, – повторил гибддшник, и Филимонов, вздохнув, полез в бардачок машины.

– А это ваш родственник там, что ли? – поинтересовался страж порядка, кивнув в сторону памятника. Саша в двух словах рассказал, что они «фотографируют кенотафы вообще».

– Кено... А, эти – у обочины! Тут у нас на другом выезде – который на Казань – есть несколько, – улыбнулся гибддшник, открыв невероятно щербатый рот. – А зачем вам это?

Большаков терпеливо объяснил, что, возможно, кенотафы вообще скоро уберут – надо их зафиксировать.

– А-а! – протянул любопытный страж порядка и было видно, что он так до конца и не понял, чем собственно занимаются друзья. Тут из машины наконец-то выбрался Ленька и с обреченным видом отдал права.

Через 15 минут они поехали дальше.

– Вот, блин, собака, на полную катушку выписал – полторы тыщи штрафа! Ведь мы там и пяти минут не простояли, а попробуй докажи. Дороговато этот кенотаф нам обошелся! – огорчился Аркадьич.

Большаков успокаивал его, пообещав, что штраф будет оплачен все тем же заказчиком. Ленька помолчал, подумал и через пять минут снова вернулся к своему обычному ровно-насмешливому настроению.

– Я вот что думаю: может, зря ты каждому встречному-поперечному рассказываешь, чем мы занимаемся. Вот этому гаишнику – нафиг ему об этом знать?

– Да ладно! Чего нам скрывать? – отвечал Саша. – Мы же не ворует и не грабим, а так люди мне что-нибудь интересное да расскажут.

– Ну, и что тебе этот щербатый рассказал? Кенотафы на Казанском выезде мы уже отщелкали, а... – прервал сам себя Ленька и уставился в зеркало заднего вида. – Ёперный театр! Это же... они!

Большаков быстро повернул голову назад и через забитое сумками заднее сиденье разглядел темно-красный автомобиль.

– Преследуют нас! Я тебе говорил! – почти с торжеством прокричал Аркадьич. – Посодют нас, как пить дать. Или убьют. А может, этот гибддшник не случайно к нам подошел? Откуда он там выскочил, как утка из камышей? А?

Большаков заметно побледнел и снова обернулся назад.

– Послушай, это перестает быть смешным. Надо дождаться их и выяснить, чего им надо! – предложил Саша.

– Еще чего! – возразил Аркадьич, переключившись на четвертую скорость. – Они нас не домогаются, едут и едут. А мы зачем к ним лезть-

то будем? У нас и без того проблем хватает.

– Кенотаф! – Саша указал налево. Ленька сбросил скорость и, развернувшись, остановился на противоположной обочине. Они некоторое время сидели в автомобиле, посматривая на дорогу.

– Гляди, по-моему, они тоже остановились! – Филимонов покачал головой и достал «Пентакс», лежащий рядом с рычагом переключения передач. Когда друзья вылезли из машины, они увидели, что фиат стоит на обочине в двухстах метрах от их «девятки».

– Фиг бы с ними! – выругался Большаков. – Идем работать.

Ленька сунул ключ от зажигания в задний карман брюк, и они пошли в сторону придорожного памятника. Кенотаф представлял собой целый мемориал с отдельно стоящей беседкой, столиком и даже дорожкой, выложенной щебенкой. Впечатляло необыкновенное количество вещей, которые находились в самых различных местах мемориала – по обе стороны дорожки, в беседке, на соседних деревьях. Здесь были мягкие игрушки, лазерные диски, различные части разбившегося автомобиля. Кусок бампера был неведомо как «впаян» в одно из деревьев на высоту двух с половиной метров. Только затем друзья догадались, что, вероятно, ранее он находился ниже, но за несколько лет (судя по надписи на табличке памятника, авария произошла в 2005 году) выросшее дерево подняло это жутковатое свидетельство ДТП высоко над дорогой.

Фотографирование необычного кенотафа настолько увлекло друзей, что они на несколько минут совсем забыли о своих преследователях.

– Наверное, отец с сыном погибли, – хриплым голосом сказал Саша, кивнув на табличку с именами. – На фамилию и отчество мальчишки посмотри.

Ленька кивнул.

– Да, участок тут не из простых. По осени дело-то было...

Состояние игрушек, искусственных цветов и – главное – два еще не сгнивших апельсина, оставленных на имитации могилы, говорили о том, что кенотаф совсем недавно посещали.

Сделав несколько десятков фотографий, Саша сел на одну из лавочек, находящихся в беседке.

– Как ты думаешь, они все еще там? – Большаков показал на дорогу, где стоял фиат. Преследовавший их автомобиль был скрыт от глаз фотографов одним из придорожных деревьев.

– А куда ж они денутся? Не развернулись же они там. Стоят, как миленькие, ждут, когда мы отсюда уберемся.

– А мы не уберемся! – неожиданно сказал Большаков. – Мы тут обедать изволим. Заодно и погибших помянем – для этого, кстати, тут беседка и установлена.

В ответ Филимонов пожал плечами и послушно побрел в сторону своего автомобиля – доставать купленные в Йошке запасы.

Саша сейчас уже не помнил, сколько ему было тогда лет – шесть, возможно, семь. Он знал еще с пятницы, что в воскресенье бабушка пойдет в церковь и обязательно возьмет его с собой. Была морозная зима, и ему очень не хотелось вставать с приятно теплой постели. Однако бабушка неумолимой рукой разбудила внука и велела идти умываться.

В то утро ему все не нравилось: чай был слишком крепкий и противно горький; старенький «ПАЗик», который истошно скрипел на каждом повороте и едва ли не трещал по швам от набившегося сельского населения, ехал до церкви ужасно долго. Саша смотрел на разукрашенные морозом и человеческим дыханием автобусные окна, и ему было грустно – так, как бывает грустно только по утрам.

В самой церкви мальчику тоже сначала не понравилось: монотонный голос батюшки гудел откуда-то из-за многочисленных серо-черных спин, заслонявших все самое интересное.

Уже минут через десять он устал стоять, ему захотелось выйти отсюда, а после стали слипаться глаза. Но на лице бабушки, стоявшей слева, светилась такая торжественность и строгость, она так медленно и со значением клала кресты, что он не осмелился ее беспокоить. Затем он все-таки нашел способ ослабить давление на свои уставшие ноги: валенки, которые надела на него бабушка, почти на десять сантиметров были выше колен. Это позволяло опереться на их края бедрами и «полусидеть».

Приняв положение наездника, Саша почувствовал себя вполне сносно: можно даже дремать. И неожиданно от всего этого – едва слышного потрескивания свечей, воскового запаха, светлых и чистых голосов певчих, высокого купола, откуда сверху на него смотрел Саваоф во славе своей – от всего этого стало так хорошо, что даже защипало в носу, как бывает, когда собираешься заплакать.

И вот с того момента Саша, наверное, и стал понемногу верить в Бога. Большаков это хорошо помнил – именно там, в церкви, полусидя на высоких валенках, он впервые ощутил внутри себя какое-то теплое чувство, которое, раз испытав, уже ни на что не променяешь...

На столе, деревянная поверхность которого была прикрыта газетой (дело рук заботливого Филимонова), друзья разложили хлеб, нарезанную крупными кусками вареную колбасу и связку бананов. Большаков толком не знал, зачем он только что рассказал Ленке о своей почти забывшейся поездке с бабушкой. Эти мысли и образы пришли к нему сами собой – и все вспомнилось настолько живо и так отчетливо, что на секунду он

почувствовал, как заболели бедра – в тех местах, на которых он когда-то давно «полусидел» в заснеженной церкви.

Что-то в этой беседке, в этих лазерных дисках и мягких игрушках, во всем их путешествии было такое, что подталкивало к подобным ассоциациям.

– А помнишь – там, еще в Ульяновской области, камень с именами детей? Школьный автобус, кажется, разбился... – напомнил Ленька, когда Большаков закончил свой рассказ о церкви. Саша поежился в ответ. Они натолкнулись на этот придорожный памятник в первый же день своей «кенотафии». Друзья насчитали на большой металлической табличке, прикрученной к огромному валуну, восемнадцать детских имен и фамилий. Дети были примерно одного возраста – класс пятый-шестой.

Что именно случилось четыре года назад на этом перекрестке, Большаков не знал. Вероятно, дети возвращались из летнего лагеря. А может, они ездили на экскурсию – в какие-нибудь Болгары.

– В фуру, наверное, врезались. Или в грузовик. От столкновения с легковой не бывает столько погибших, – предположил тогда Ленька. После этого кенотафа друзья ехали в абсолютном молчании почти полчаса. А на следующий день Филимонов неохотно признался другу, что ему снились кошмары.

– Не дай Бог нам такие валуны еще раз встретить! – сказал Ленька.

Подобных кенотафов им действительно больше не попадалось. Но были другие – обозначавшие места гибели целых семей, друзей, родственников. Иногда встречались памятники, установленные на расстоянии нескольких метров друг от друга или по разные стороны дороги. И только по датам гибели друзья понимали, что эти «пустые могилы» – свидетельство одной и той же аварии: по всей видимости, жертвы просто ехали в разных автомобилях навстречу друг другу...

– Ну, что идем? Если эти на красном «фиате» и следят за нами, то их точно уже «достало» ждать нас! – сказал Большаков и начал убирать остатки снеди со стола.

Сделав еще несколько кадров, друзья пошли к автомобилю. Когда они выбрались на обочину, то с неприятным удивлением увидели, что красный автомобиль с затемненными окнами стоял теперь намного ближе – всего в пятидесяти метрах от их «девятки».

– Может, подойдем да спросим напрямик, что им нужно от нас? – снова предложил Саша.

– Нет уж. Нечего связываться. Садись – поехали! – безапелляционно заявил Ленька. Филимонов развернул на широкой обочине автомобиль, и они принялись укладывать в багажник сумку с едой. Затем Саша обошел машину, чтобы сесть на свое привычное место на переднем сиденье. Ленька

все еще возился с багажником сзади.

– Дверь! – вдруг заорал Филимонов так пронзительно, что Саша чуть не подпрыгнул: он уже уселся в машину, но замешкался с дверью, так как хотел сначала положить фотоаппарат на заднее сиденье. В это самое мгновение темно-красный автомобиль на полном ходу по касательной прошелся рядом с их «девяткой». Машину основательно тряхнуло, и Большаков словно в замедленном кино увидел, как полураскрытая дверь мгновенно исчезла со своего места. Фиат успел скрыться за поворотом, а оторванная дверь их «девятки» все еще громыхала по асфальту, пока не съехала в траву, растущую на обочине с противоположной стороны дороги. Ленька сначала остолбенел, а затем с растерянным видом побежал к оторванной двери. Саша вылез из автомобиля и начал материться так страшно, что Аркадьич даже на несколько секунд отвлекся от увлекательного процесса, связанного с рассматриванием покоренной двери.

– Дверь, мать твоя женщина, закрывать надо! – Филимонов со злостью перевернул дверку на другой бок. Впрочем, сказано это было, скорее, от отчаянья: очевидно, что преследователи на фиате сделали это вовсе не из-за оплошности Большакова.

– Ведь наша машина стояла на обочине. Они специально! Елки-палки! – Большаков все равно чувствовал себя отчасти виноватым в произошедшем. – И ведь умчались, подлюги! Ты номер-то запомнил их?

Ленька покачал головой.

– По-моему, регион там 16-й. Но я не уверен. Что делать-то будем?

– На СТО ближайшую ехать. Что тут еще сделаешь! – ответил Большаков и взялся за другой край оторванной двери.

Глава 4. На СТО

Станцию техобслуживания они нашли в Санчурске. Мужики попались толковые и за какие-нибудь два часа справились с ремонтом. Дверь, как пояснили сто-шники, «срезало» очень удачно: сваркой пришлось заниматься немного. Проблема была только с оторванным боковым зеркалом и треснувшим (но не разбившимся!) стеклом.

– Фиат говорите? – с удивлением покачал головой один из мужиков, одетый в измазанные маслом темные джинсы и куртку защитного цвета. – Да их машине, небось, больше досталось – им весь бампер, наверно, расчерачило!

Услышав эту авторитетную фразу, Филимонов порозовел от удовольствия, а Большаков погрузился в глубокую задумчивость.

– Ты вот мне скажи, – говорил Саша другу, пока они сидели на бетонной плите неподалеку от СТО, ожидая окончания ремонта, – какой

дурак будет жертвовать своим фиатом? Ради чего? Тут дело серьезное. Может, нам в полицию обратиться?

– И чего ты им скажешь? Товарищи полицейские, мы тут кенотафы фоткаем, а нам какие-то ребята на фиате жизни не дают! Они больше заинтересуются твоими кенотафами, чем этими уродами, чтоб им кошмары все время снились! – Ленька затянулся и выпустил кольцо дыма в серое небо Санчурска.

– Нет, пока они просто нас преследовали – тут еще ладно. Но сегодня – это уже чересчур. Тут что-то делать надо... Сколько нам еще до Кирова осталось?

– Да сейчас бы уже там были, если бы некоторые за дверью следили! – Ленька редко упускал случай вспомнить прегрешения других.

– Да ну тебя! Сам ведь знаешь, как это было. Мы стояли на другой стороне дороги – они, блин, на «встречку» выкатили, чтобы нам дверь оторвать! Не будь двери открытой – они, может, палить в нас чем-нибудь начали. И что это за черти такие? – Саша взъерошил волосы и закрыл глаза.

– А ты свяжись со своим шефом и спроси напрямую – может, он объяснит! – продолжал язвить огорченный из-за случившегося Филимонов.

– Да нет, нет никакого «шефа»! – Большаков встал с бетонной плиты, на которой они сидели, и стал прохаживаться из стороны в сторону.

– Как нет?! – Филимонов с неподдельным испугом смотрел на друга.

– А так! Я сам, самому мне надо это все. Идея появилась – вот и поехал. И тебя вот... взял.

– Взял? – Ленька закашлялся от возмущения. – Это я тебя взял! Нам что никто не заплатит за все это?! Тут дверь только знаешь во сколько выльется?

– Да за все заплатят! Я заплачу! Что ты из-за денег переживаешь, что ли? Хочешь прямо сейчас всё тебе отдам? До банкомата дойду – и отдам! – в голосе Сашки послышалась настоящая обида.

– Да не надо мне всё. За дверь вон заплати хотя бы! – Ленька поднялся и, не оборачиваясь, пошел к мужикам, ремонтирующим «девятку».

Большаков посмотрел на спину удаляющегося Филимонова и, чертыхнувшись, побежал в забегаловку через дорогу – по слухам, там был банкомат.

Вернувшись, он застал Леньку за разговором с сто-шником, одетым в куртку цвета хаки. Саша подсел к курившим и с удивлением понял, что речь идет о придорожных памятниках.

– Братишка у меня навернулся там, за Кировом, километров пятьдесят отсюда. Вот я ему сам памятник сорганизовал – заказал тут у

нас в Санчурске. И отвез – поставил. Все путем – с оградкой, фотку прикрутил, – мужчина говорил с характерным санчурским «распевом» гласных, особенно налегая на «а».

Его брат был схоронен на местном кладбище, а к кенотафу он ездил, «как снег сойдет» – чтобы прибраться и оградку покрасить.

– Интересным вы делом занимаетесь, парни. Нужным. Я вот вам что скажу: верьте-не верьте, но у брательника моего фотка на том памятникче-то меняется! Как это вам объяснить-то... В общем, на кладбище не меняется, а на том памятникче, где он разбился – меняется!

– Это как так? – Большаков мигом забыл все недавние неприятности и во все глаза смотрел на говорившего.

– Как? А вот как: если давно я не был у него – ну, там дела, вот тут клиентов много, начальство не отпускает, то да сё, – у него лицо, ну, на фотке я имею в виду, вот печальное. Понимаешь? Вот и глаза, и всё там. Нет, в общем, настроения никакого. А приеду вовремя, почищу там, покрашу, покурить ему положу, рюмку налью, – как уезжать соберусь, так у него лицо прямо светится. Да. Прямо на фотке! Вот, ей-богу, мужики, не вру! – сто-шник закурил еще одну сигарету.

Саша был в восторге от услышанного. Когда они возвращались в Йошкар-Олу (решили заночевать там, потому что уже вечерело, а до Кирова было далековато) он только и говорил, что о беседе с сто-шником.

– Вот видишь: всё к лучшему получилось. Если бы не эти «фиатчики», мы с мужиком этим вообще бы не встретились!

– Тьфу-тьфу! Не к ночи будут помянуты эти твои «фиатчики», – сплюнул суеверный Ленька, вглядываясь в освещенную светом фар дорогу. – Ты насчет квартиры-то точно договорился?

– Да, с той же хозяйкой, где и вчера ночевали. Там со всеми удобствами, – отвечал Саша.

– В ванну бы сейчас залезть! И поспать... – мечтательно говорил Филимонов, прислушиваясь к дребезжанию пострадавшей двери. На ней красовалось новое боковое зеркало, но многочисленные трещины, паутиной разбежавшиеся по стеклу, не давали Леньке покоя. Увидев свет фар сзади, он внутренне напрягся и чувствовал себя спокойно только тогда, когда очередной автомобиль обгонял их «девятку» и бесследно растворялся за поворотом.

Устроившись в квартире, они решили прогуляться по вечернему городу. В центре Йошкар-Олы было на что посмотреть: по обе стороны от Кокшаги несколько лет назад возвели уменьшенные копии известных архитектурных шедевров мира. Небольшие здания, подсвеченные электрическим светом, различные скульптуры и спокойно гуляющие горожане – все это произвело на друзей самое благоприятное и

расслабляющее воздействие. Уже лежа на широкой кровати (Большаков устроился на соседний узкий диванчик), Ленька, позевывая, говорил:

– Надо бы еще с Ёшкиным котом сфоткаться. Это у них тут достопримечательность такая... Слушай: а может, ну их, твои кенотафы! А, Большаков? Один геморрой от них да оторванные двери...

Сашка не отвечал, сосредоточенно смотря на экран ноутбука, который стоял у него на коленях.

– Да ладно, это я так... – Филимонов еще раз умиротворяюще зевнул. – Раз уж взялись за гуж – то теперь не говори, что не муж. Только как нам этих фиатчиков провести – чтобы отстали от нас? Хоть машину перекрашивай в другой цвет, ей-богу.

– Осталось не так много: до Кирова доберемся, а там – домой. Дня через два родные просторы колесить будем. А насчет этих, на красной машине которые, – то я б давно в полицию обратился, если бы не ты, – отвечал Сашка, который был занят просмотром свежих фотографий.

– Да как ты не поймешь? – Ленька приподнялся на локтях. – Ну, что тебе даст эта полиция? Только времени уйму потеряешь. Хотя номерок-то этих ребятишек, которые нам дверь покорежили, стоит в следующий раз запомнить. А лучше – сфотографировать их тачку надо! Вот.

Саша согласился, но про себя надеялся, что темно-красный автомобиль больше не встретится им до конца пути.

– Ленька, а ты все-таки что думаешь про них – кто это может быть?

– Да кто ж их знает! – Филимонов безразлично махнул рукой. – Придурки какие-нибудь. Или бандюги.

– Ага, делать бандюгам больше нечего, как нас преследовать. Давно бы прихлопнули где-нибудь. Ведь они с самого Татарстана за нами тащатся. Просто так люди не стали бы время и деньги расходовать, – возразил Большаков.

– Но мы-то как раз этим и занимаемся: просто так расходуемся! И они стало быть... – Филимонов загоготал, увидев, как исказилось лицо друга в ответ на его слова.

– Ну, ладно-ладно... Ты вот скажи, Сашка, ну, что ты будешь делать с этими тысячами фотографий? Солить их? Я не знаю – сайт создашь, что ли?

– Сайт, между прочим, – это идея весьма неплохая! – согласился Большаков. – Ничего подобного в Инете я еще не видел. Ну, а так – статью напишу научную. Это дело вообще мало кто исследовал.

– Статью научную? – Ленька перевернулся на другой бок. – И вот на кой черт? Одной статьей больше, одной меньше. Что это тебе даст-то?

– Некорректный вопрос! – глубокомысленно ответил Сашка и замолчал. Ленька только тяжело вздохнул в ответ и через пару минут

захрапел по-богатырски.

Глава 5. Тетя Настя

В Киров поехали снова через Санчурск. Сашка решил произвести повторную съемку тех же придорожных памятников, что они сфотографировали два дня назад. Ленька был этим очень недоволен.

– Да на что тебе снова те же кенотафы? Если так дело пойдет, то мы никогда до Кирова не доберемся. Ведь есть их фотки уже! – ворчал Филимонов, то и дело посматривая на дорогу: он опасался появления красного фиата, о чем уже не раз говорил Большакову. – И этих краснофиатчиков снова привлечем – они ведь нас и засекают только потому, что мы плетемся, как черепахи, и возле каждого пригорка останавливаемся.

Сашка отмахивался и говорил, что повторную съемку сделать необходимо.

– Пока мы повторно снимем на дороге от Йошки до Санчурска. А, глядишь, через месяц-другой попробуем «повторить» на более длинном участке.

Ленька только руками замахал:

– Ну уж нет! Больше ты меня в такую авантюру не втянешь. Кенотаф в одиночестве!

Они в очередной раз остановились у знакомого придорожного памятника. Кенотаф представлял собой небольшой металлический крест. У его подножия находилась выцветшая от времени фотография двух девочек, помещенная в рамочку со стеклом.

Этот памятник располагался на выезде одного из сел – буквально в десятке метров от последнего дома. Несмотря на то, что Ленька решил демонстративно не выходить из машины и оставить повторную (абсолютно бесполезную!) съемку исключительно на Большаковской совести, в этот раз он также выбрался из «девятки». Не прошло и пяти минут, как друзья услышали странный шум со стороны близлежащих домов. Сначала они уловили какие-то крики, затем увидели бегущую по трассе пожилую женщину. В ее руках был удлинённый предмет, которым она время от времени взмахивала. Каждый взмах сопровождался хриплым криком такой силы, что услышать его можно было на другом краю села.

– По-моему, она бежит к нам! – быстро проговорил Ленька и почти инстинктивно двинулся в сторону машины.

– Постой! – Сашка ухватил его за куртку. – Если мы сейчас пойдем к машине, то только усилим подозрения, что мы здесь чем-то нехорошим занимаемся. Она подойдет, и мы ей всё объясним.

– Подойдет... – уныло протянул Филимонов. – Она не идет, а бежит! И в руках у нее что-то увесистое.

Через минуту испугался и Сашка, так как друзья поняли, что женщина, бежавшая к ним, была вооружена мотыгой.

– Это чегой-то вы тут делаете, сволота этакая? – с подкупающей искренностью обратилась она к ним, будучи еще метров за 20 от кенотафа.

– Мы просто... фотографируем! – громко отозвался Большаков, стараясь изобразить в голосе всю вежливость, на какую он был способен.

– Фотогра... – буквально задохнулась прибежавшая селянка и взяла мотыгу в другую руку. – А кто это вам позволял тут фотографировать? А ну уметайтесь отседа, пока я соседей не позвала!

– Так ведь их убраться собираются! – прибег Сашка к своему привычному объяснению. – Вот мы и хотим зафиксировать, сохранить, так сказать.

– Кто убраться? Это как это? – опешила женщина и опустила мотыгу. Ленька счел это за добрый знак.

– Да Госдума, депутаты закон вот обсуждают: убраться, мол, все кенот... Памятники эти, кресты. А мы хотим сфотографировать, чтобы осталось... для науки, так сказать!

– Да ну?! – лицо их собеседницы выражало недоверие и растерянность. – Да кто ж им позволит-то? Вот ироды-то, делопуты окаянные! Да разве я дам им мою Софушку?! Ведь она здесь с Наташкой-то...

Женщина подошла к кресту, наклонилась, чтобы поправить фотографию в рамке и вдруг расплакалась.

– Да вот и мы тоже говорим: вздумали-то что эти депутаты! Вот хоть сфотографировать... – несвязно произнес Ленька, и Филимонов с удивлением заметил, что его друг стал говорить с тем же продлением гласных, что и местные. «Видимо, с испугу», – решил Большаков, а вслух произнес:

– Вы не думаете, мы ничего плохого не хотели: мы сами с Ульяновска, уж не одну сотню этих памятников сфотографировали!

Друзья не знали, что именно успокоило женщину – может быть, их безобидный вид или объяснения, но слезы ее неожиданно высохли, и она безо всяких предисловий пригласила их к себе.

– Нет-нет! Я вас так просто не отпущу! – заявила она, уже улыбаясь. – У меня все гости останавливаются! Спросите, кого хотите – все скажут, что тетя Настя гостей привлекает. А вы издалека да таким делом хорошим занимаетесь. Хоть чаю попьете!

Большаков решил не отказываться, так как надеялся, что сможет подробнее расспросить «тетю Настю» про кенотаф. Ленька, все еще

поглядывавший на мотыгу, тоже особенно не возражал – тем более что чай, по словам гостеприимной хозяйки, должен был сопровождаться блинами.

– Сегодня как раз пекла, как знала, что вы приедете! – говорила она Саше, пока Филимонов пристраивал «девятку» поудобнее рядом с ее избой.

Как узнали друзья чуть позже, жила тетя Настя одна-одинешенька, однако хозяйство держала большое: были и куры, и утки, и даже корова.

– Уж коров-то у нас сейчас никто не держит, а я не могу без своей Метельки. Муж причил: он у меня только свое молоко признавал, магазинное терпеть не мог. Умер он, хозяин-то, семь лет назад. Оно, может, и к лучшему: нашу Софушку не пришлось ему в гроб класть! – глаза тети Насти опять наполнились слезами, но она спохватилась, запричитала, что держит гостей на пороге и провела их в дом.

В небольшой избе было всего две комнаты, не считая «чулана» (кухни). Войдя, Большаков сразу заметил большой иконостас в переднем углу в зале: там же к стене были прикреплены два больших церковных календаря. На верхней полочке перед иконами стояла лампадка и стаканчик с недогоревшей свечкой.

– Ведь у меня у Софушки день рождения скоро, – сообщила она, зажигая газовую плитку, чтобы подогреть чайник. – Ей бы двадцать один... нет, уж двадцать два исполнилось бы сейчас. У меня и сынок еще есть, старший. Он в Йошкар-Оле живет, работает в ГАИ... Или там как у них сейчас...

– ГИБДД, – услужливо подсказал Ленька и нахмурился.

– Да, да, – закивала головой тетя Настя. – Ему уж тридцать, Паше-то. Он вот все пытался это дело расследовать, с Софушкой. А чё тут расследовать – сбил их наш же, сельский, Трофимов Петька – у него «УАЗик» свой...

Женщина разлила друзьям чай. Еще до этого она разложила по тарелкам давно ожидаемые Филимоновым блины и достала банку светлого-желтого цветочного меда.

– Как же это... произошло с дочкой-то? – Большакову стыдно было возвращать хозяйку к болезненной для нее теме, однако словоохотливая тетя Настя, казалось, только и ждала этого вопроса.

– Пять ведь лет прошло, сынок, а как будто вчера только... Она ведь знаете какая у меня была: ее мой-то всё «Софка-юла» называл. Она ходить, наверное, лет до десяти не умела: всё только бегала. И в школу бегом, и из школы бегом. Учителя нахвалиться не могли. В местной, да, в местной школе училась, – тетя Настя говорила о дочери, улыбаясь. Большакову показалось, что она даже помолодела, словно не было на ее голове

старушечьего выцветшего платка, а из-под него не выбивались пряди седых волос, которые, когда она бежала к ним с мотыгой, почему-то особенно испугали Филимонова.

– Как вот это получилось... У них выпускной был, они ж с Наташкой – неразлучны подружки были. С детства – куда та, туда и другая. Мы соседками были раньше с ее мамкой, а потом они переехали на другую улицу... И вот, знаешь, сынок, ведь у меня... как это сказать? Предвещанье мне было, – тетя Настя говорила, обращаясь, в основном, к Большакову. Но, глядя, с каким удовольствием Ленька уписывает блины, не забывала подливать друзьям чаю и бегала пару раз на кухню за конфетами, хотя Сашка пробовал этому противиться.

– Вот веришь, нет: стала я ей за день до этого выпускного волосы расчесывать. Софушка любила, когда я ее расчесывала: «Ты, говорит, мамка, умеешь, а я нет: у тебя рука легкая». А у нее головка всегда чистая была, волос тонкий, светлый, как лен, а тут я чешу и – как вроде шишечка темненька. Я говорю: «Дочка, да что это?». А она: «Не знай, мамк!». А я как вытащила, так и обомлела: ведь там вошь! Вот жуткое дело! Как орех. А потом еще и еще одна. Я вот полночи не спала, все думала: да откуда ж такая напасть-то? И потом ведь мне подсказали пожилые люди: смертушка, говорят, это ее уже пометила. Вот кабы я знала, сынок! Вот кабы сердце мне подсказало, что это такое! А я их вытащила да и забыла. А через два дня – выпускной. И всё. Нету моей Софушки!

Женщина закрыла глаза руками и разрыдалась в голос. Большаков – сам не свой – несколько раз привставал, не зная, что делать. Ленька надулся, а затем по-хозяйски пошел на кухню и принес оттуда стакан холодной воды.

– Я шас, я водички... Спасибо! – произнесла тетя Настя виновато. – Вы это простите меня! Я всё, больше уж всё, не буду. Выплакаться надо было мне. Одна-то поплачешь-повоешь, а тут люди... И тоже вот ведь расплакалась!

Большаков принялся извиняться и решил, что больше ни за что не вернется к этой теме, но женщина вытерла глаза уголками головного платка и сама продолжила.

– Где-то за дорогой поляна у нас есть, озерцо там, это вот рядом с Уваровской горкой, у нас так называют. Я сама-то там не была, но Софушка с Пашкой – они рассказывали. И вот туда на выпускной они ходят. Ходили вот – как рассвет, что ли, встречать. Традиция вроде как в школе такая. А Наташкина мать ей, как на грех, велела, чтобы та пришла пораньше. В общем, пошли они назад вдвоем, а там еще не рассвело толком, и сбил их на «УАЗике» Петька Трофимов. Он трезвый-то никогда не был, сколько жил в селе – столько и пил...

Рассказчица замолчала, склонила голову, словно вспоминая что-то.

– А вот памятник-то вы сами поставили?

– Крестик-то? Это я Пашеньку попросила. Он с города привез, там заказывал. Вместе с сыном и поставили. И фотографию Софушкину я туда же отнесла, она уж выцвела вся. Я туда бегаю часто, на кладбище и то реже хожу. Она здесь на местном схоронена. Я, как праздник, и на могилку зайду, и к крестику схожу, конфеток отнесу. Она любила конфетки – особенно вот с мишками, «Мишки на севере».

– А вот фотография ее... – Сашка задал этот вопрос, специально к нему не готовясь: он сорвался с языка сам собой. – Вот не замечали, что как будто меняется она? Как настроение, что ли...

Женщина замерла и внимательно посмотрела на Большакова. Тот смутился, что спросил как-то не про то и не так, но тетя Настя вздохнула и произнесла:

– Бывает, сынок. Как же: придешь, сядешь у крестика-то, поговоришь с ней, а она – улыбается тебе оттуда. Я всегда говорю: не дай Бог никому похоронить свое дитя. Вот мужу-то... повезло. Он первое Софушки убрался.

Она опять замолчала и медленно обвела глазами стены зала, где чаевничали друзья. Саша тоже невольно посмотрел на фотографии, висевшие в рамках. Композиции, составленные из многих черно-белых и цветных снимков, соседствовали с отдельными портретами. В центре висело изображение уже знакомой Большакову девушки – погибшей дочки хозяйки.

– Снится она мне часто... – произнесла женщина все также тихо и задумчиво. – Вот в последний раз говорит: «Мамк, надоела сладня – конфеты да печенья. Мне бы щец похлебать». И правильно: я ведь таскаю к крестику конфеты и так – знакомым раздаю. А у нас тут на Нижней улице дурачок один живет. Ему хибарка от матери досталась, он и сарай свой, и забор в печке зимой спалил. Как вот бомжи в городе живут, так и он. Я проснулась после сна-то этого, скорей щей сварила – и прямо в кастрюльке ему сбегала и отнесла. Он похлебал с удовольствием: сам-то худой, а ест как лошадь колхозна. Вот и помянула...

Большаков слушал ее, как замороженный, и, забыв все свои внутренние обещания не говорить больше про погибшую, тут же спросил:

– А еще как она вам снилась?

– Еще? Да по-всякому. Вот с мужем, с папкой своим, однажды мне привиделась. Идут вместе, улыбаются, а я к ним хочу, аж слезами вся умываюсь, как хочу к ним. А они вроде как за речушкой какой-то, – вот у нас тут есть ручеек, вот такой же. Кричу им: «Софушка, дочурка, возьми меня к себе! Помоги, мол, перебраться». А она головой вот так качает, из

стороны в сторону, и говорит: «Не ко времени тебе еще, мамк! Рано, говорит». Вот так и живу, милые, так и живу...

Друзья засобирались в дорогу. Ленька так расхваливал блины, что просиявшая тетя Настя завернула им в пакет еще каких-то самодельных плюшек.

– Сгодятся в дороге-то! Уж больно вы мне понравились. Заезжайте к тете Насте, не забывайте!

Их новая знакомая вышла на обочину, провожая их, и Большаков видел ее выцветший платок в зеркало заднего вида до тех пор, пока село не скрылось за поворотом.

– Блин, пятый час уже! – сказал Аркадьич, переключившись на пятую скорость. – В Кирове-то точно квартира будет?

– Будет. Ты только не гони так, а то кенотаф пропустим!

– Как бы нам Киров вместе с твоими памятниками не пропустить! – заворчал в ответ Филимонов, а потом добавил: – Блины у тети Насти замечательные. И она сама – душевная, правда?

В Киров приехали около десяти вечера.

Глава 6. Непризнанное открытие

«Встреча с тетей Настей – показательный пример того, как мало мы знаем о кенотафах. Фотографии без текстов, без рассказов и представлений о том, что это все означает для родственников и близких, которые устанавливают памятники вдоль обочин, – останутся лишь пустыми «картинками». Изображениями «чего-то», что лишено вообще всякого смысла. Или же – что еще хуже – я сам начну это все интерпретировать в соответствии со своими представлениями о том, как должно быть и как бывает. Вот почему кладут «подношения» около кенотафа? С той же целью, что и на могилах? В какие именно даты посещают «пустые могилы»? В день рождения погибшего, в день гибели, на религиозные праздники или – когда придется и когда удобнее? И это изменение лиц на фотографиях... Что это? Распространенное представление или какое-то уникальное, окказиональное явление?».

Большаков оторвался от клавиатуры и пошел ставить чайник. Филимонов возился со своим ноутбуком, переустанавливая какую-то программу. Поминутно оттуда доносилось сопение и характерное шелканье языком, которое означало у Леньки высшую степень досады.

Большаков через 10 минут вернулся с чашкой кофе. Филимонов даже не обернулся в сторону друга, хотя обычно в подобной ситуации произносилась ритуальная фраза: «А мне не мог налить, что ли?».

Сашка снова уселся за свой полевой дневник (теперь уже не нужно

было называть его «Отчетом» для мифического заказчика, но Большаков не любил переименовывать файлы).

– Ты фотки-то наши последние смотрел? – от неожиданного вопроса Филимонов Сашка вздрогнул. Он молча помотал головой в знак того, чтобы Ленька его не отвлекал.

– Нет? А то мне показалось, что и впрямь фотки на одних и тех же кенотафах разные. Освещение, что ли, другое...

Большаков оторвался от экрана и уставился на друга, словно не понимая, о чем тот говорит.

– Разные?

– Ну, да. Нам же говорили, что меняется у них там...

Большаков вскочил с кресла, не дав Леньке договорить.

– Где? Показывай!

– Что ты так вскочил-то? – сказал Ленька, довольный произведенным эффектом. – Я ведь и программку поставил, чтобы удобнее было сравнивать снимки. Подожди-ка...

Филимонов несколько раз кликнул мышью, и на экране появилось несколько десятков фотографий в виде «иконок».

– Да сделай покрупнее! – от нетерпения Большаков прикусил нижнюю губу.

Ленька еще несколько секунд колдовал над ноутбуком, и наконец, открылись одновременно два снимка. На левом фотография на кресте была размещена чуть дальше от объектива, чем на правом. Большаков почти минуту напряженно глядявался в экран, а затем пожал плечами.

– Да все одно и то же. Просто свет другой. Позавчера было солнце, а вчера – сплошные облака.

– Подожди, просто здесь не так сильно заметно, – возразил Филимонов и стал открывать новые снимки. – Вот, смотри!

Сашка снова увидел две фотографии одного памятника. Затем лоб его раздвоила скептическая морщинка.

– Ну, и?..

– Что? – Филимонов даже приподнялся от разочарования на кровати, на которой полулежал, подобно античному герою. – Неужто и сейчас не видишь?

– Да то же самое! Ленька, ты пойми, наши рассказчики воспроизводили определенное представление, они заинтересованы видеть именно так, а не иначе. Здесь некоторое психологическое состояние плюс суеверие...

– Суеверие! – передразнил друга совсем расстроившийся Филимонов. Его открытие, которым он собирался поразить в самое сердце своего высокоученого товарища, было отвергнуто и растоптано. (Между

прочим, у Большакова была кандидатская степень, а на верхней полке его домашнего книжного шкафа пылилась диссертация, посвященная наличникам одного из сел Ульяновской области). – Много ты понимаешь в фотографиях. Ты разуй глаза-то: лица совсем разные!

Большаков махнул рукой и вернулся за свой полевой дневник. Обиженный Ленька молча пыхтел за своим ноутбуком еще часа полтора, а затем уснул, уткнувшись лицом в подушку.

Глава 7. Ритуальные услуги

Утром за чаем Филимонов предложил другу прогуляться по Кирову.

– Я в Вятке уж не помню когда бывал в последний раз, – говорил Ленька авторитетным тоном человека, исколесившего пол-России по служебным надобностям. – А ты и вовсе не видел здесь ничего!

– Да я не против, у меня как раз задумка была одна...

– Знаю я эти твои задумки! – забеспокоился Ленька. – Снова, чать, свои кенотафы будешь разыскивать.

– Не-е... - протянул Большаков и задумчиво посмотрел в окно на кировские серые пятиэтажки, слегка омытые накрапывающим весенним дождем. – Я хотел бы пообщаться с кем-нибудь из работников местных похоронных контор – ну, кто памятники изготавливают. Ведь кенотафы у них часто и заказывают. Может, расскажут чего-нибудь интересное.

– Это ты без меня, пожалуйста! – сказал Филимонов. – Сам общайся со своими могильщиками, а я лучше по городу поброжу, достопримечательности пофоткаю.

На том и порешили.

Интернет услужливо направил Сашку по конкретному адресу – на улицу Карла Маркса. Большаков давно уже перестал обращать внимание на то, что в каждом – без исключения – российском городе есть улица имени автора «Капитала». «Осталось проверить, – думал Большаков, поднимаясь по узкой лестнице двухэтажного здания, в котором располагалось МУП «Ритуальные услуги», – в каждом ли городе такие МУПы располагаются именно на Карла Маркса. Ну, если не на Карла Маркса, то уж на улице Бебеля – это как пить дать!».

На первом этаже было два небольших помещения – в одном торговали венками и «всеми необходимыми аксессуарами», в другом стояли готовые гробы – «от самых дешевых до самых респектабельных», как пояснила вошедшему пожилая продавщица.

– А вот изготовлением памятников у вас кто здесь занимается? –

спросил Саша, зачем-то налегая на слово «здесь».

– Так вас памятнички интересуют? – зашебетала продавщица. – Это на втором этаже – как подниметесь, налево.

Пройдя по указанному маршруту, Большаков увидел небольшое окошко, рядом с которым на деревянном пюпитре лежала толстая папка. Она была намертво соединена с пюпитром толстой проволокой – видимо, чтобы особенно дотошные посетители не унесли ее с собой. В папке обнаружили образцы памятников и примерный прейскурант цен.

Саша принялся внимательно изучать «фолиант» в надежде обнаружить те типы кенотафов, что им удалось зафиксировать во время их путешествия. И действительно: ему попался так называемый «вазон», то есть черная металлическая подставка на удлиненной ножке, куда обычно втыкались искусственные цветы. Именно так обозначалось место гибели в ДТП на некоторых участках трассы, которые они вместе с Филимоновым преодолели за последнюю неделю.

– Тут не всё, – раздался мужской голос из окошка. – Мы и по индивидуальному заказу можем сделать, если нужно.

– Ага, – отозвался Саша, все еще не в силах оторваться от просмотра папки. – А вот если нужно м-м... у дороги на обочине памятник поставить. Ну, когда авария...

– Понял, – отозвался голос невидимого мужчины. – Это мы делаем, но вообще-то... Не очень у нас приветствуется такое.

– Это почему же? – поинтересовался Большаков, пытаясь рассмотреть в узком окошке лицо говорящего.

– Ну, как вам сказать: это ведь не совсем законно. Представьте себе, что каждый начнет памятники вдоль дороги ставить. У нас тогда не Россия будет, а одно сплошное кладбище! Верно я говорю? – последнюю фразу Саша услышал откуда-то сбоку. В той стороне что-то звякнуло и незамеченная Большаковым дверь распахнулась. На пороге показался высокий и худой мужчина лет пятидесяти пяти. Он был одет в синий костюм; подбородок его портила трехцветная жидкая бороденка, похожая на флаг какой-то страны.

– А вам вот случалось такие памятники делать? – спросил Саша, сделав шаг в направлении двери. Мужчина смерил его взглядом, затем отвел глаза и сказал:

– Мы делаем, что нам закажут. А куда потом клиенты увозят товар, где и кто там устанавливает – это уже не наше дело.

Большаков понял, что его собеседник испугался вопросов и хочет поскорее завершить беседу.

– Да вы не думаете: я не проверяющий какой-нибудь, я изучаю их. Фотографирую, чтобы узнать, какие вот типы бывают... этих памятников.

Ведь их вообще скоро убирать, вроде как, собрались.

– Про это я слышал, – настороженно отозвался мужчина, все также стоя на пороге своего кабинета. – Только еще неизвестно: может, и оставят всё, как есть. А вам оно зачем?

– Да я... так скажем, ученый. Антрополог или этнолог – вроде того... – засмутился Большаков.

– Антропо-олог, – насмешливо протянул мужчина и вышел наконец-то из сумрака своего кабинета в коридор к Саше. – И что теперь этнографы даже такими вещами занимаются? Что заканчивали-то? На какую тему диссер?

Большаков, не ожидавший подобных вопросов, замешкался с ответом.

– Да я сам в свое время в аспирантуре учился... Вы заходите ко мне, посидим-поговорим, – пригласил он Большакова.

Кабинет напоминал каморку Раскольниковца и явно не предназначался для посетителей. Хозяин уселся на потертый стул, а Большакову уступил свое – «нагретое» – кресло.

– Лопаткин Василь Васильич, – представился мужчина; Большаков пожал протянутую им руку. – Я учился в местном университете, а в аспирантуру поступил в Питере. По образованию – социолог.

В ответ Саша кратко посвятил нового знакомого в особенности сельских наличников.

– Ничего, тема спокойная и для фантазии в общем-то есть простор, – одобрительно сказал Василь Васильич, и Сашке почему-то стало нестерпимо стыдно за тему своей диссертации. – А я вот писал про самоубийства. «Мотивы девиантного поведения» – что-то такое в заглавии было. Но бросил это дело и, как видите, коротаю свой век здесь. Да, незавидна участь бросивших аспирантуру!

Саша не смог сдержать улыбки, а Лопаткин от души расхохотался над собственным афоризмом. Этот громкий смех показался Большакову неуместным: он вспомнил, чем торгуют внизу. Но затем он понял, что такой смех – часть Лопаткинской манеры вести беседу и быстро свыкся с этой его особенностью.

– Ну, какие у тебя вопросы? Задавай. Поддержу твое научное начинание, – Василь Васильич без всяких ненужных предисловий перешел на «ты» и положил кулак под свою трехцветную бороденку, насмешливо глядя Большакову прямо в глаза.

– Да вот хотел узнать, как вообще это происходит: вот приходят родственники погибшего, которые хотят заказать эти памятники – мы их кенотафами называем, с греческого...

– «Пустые могилы», это я в курсе, – кивнул Лопаткин.

– Да. Пустые, – подтвердил Большаков. – Когда они заказывают вот эти кенотафы, то сообщают вам, что планируют поставить их не на кладбище, а на обочине?

– По-разному. По-разному это бывает, молодой человек. Иногда говорят, а иногда и – нет. Догадаться, конечно, можно и без особых комментариев. К примеру, вот года два назад женщина приходила: «Мне, говорит, маленькую оградку надо и памятникчик небольшой, не как по стандарту». Я сразу смекнул, что, скорее всего, не на кладбище она его повезет.

– Почему?

– Была одно время мода небольшие кенотафы ставить. Или вот вазоны просто заказывают. Воткнут туда цветы искусственные, а на следующий год придет – сменят. Вот и вся недолга.

– А вот с вашей организации не помогают такие памятники ставить? Если попросят клиенты, например? – у Большакова горели глаза от любопытства.

– Глубоко копаешь, Александер! – Василь Васильич снова засмеялся. – Ну, что ж, скрывать не буду: иногда и наши ребята помогают отвезти и установить – за отдельную плату, конечно. Ну, это если родственники сами не могут – мужиков там нет или транспорта своего.

– А беседки не устанавливаете?

– А-а, понял, про что ты. Я тоже такие видел – целый мемцентр соорудят на обочине. Еще и стену из кирпича выложат. И венков повешают. Нет, мы этим не занимаемся – они, наверное, нанимают каких-нибудь других специалистов.

– А вот руль или какую-нибудь другую деталь машины к памятнику не просили прикрепить? – не унимался Сашка.

– Руль? – Лопаткин загоготал так, что Сашка вздрогнул: он не понимал, как в таком тщедушном теле могли скрываться столь выдающиеся способности к смеху. – Руль – это они сами, родственники делают. Ну, насмешил, ей-богу. Я так и представил: «И прикрутите мне, пожалуйста, руль!». А мы: «За ваши деньги – хоть бампер к дереву прибьем!».

Большаков округлил глаза:

– Вы тоже видели этот кенотаф? Там часть бампера поднялась вместе с деревом?

– Конечно, видел. Я там покатался, слава Богу, не один годок: у меня жена с тех мест. Я ведь эту семью знал, которые там навернулись: отец и сын погибли, а жена выжила – почти ни царапины. Прямо чудо какое-то. Она предприниматель сама – вот и соорудила мемориал, денег не пожалела.

– Они из Кирова были? – Большаков понял, что более подходящего собеседника на эту тему он вряд ли нашел бы – даже если бы исколесил всю Вятку вдоль и поперек.

– Нет, с Санчурска. Ехали с какой-то гулянки, дождь моросил – вот и приехали. Лоб в лоб, как говорится...

Они помолчали.

– Слушай, давай я лучше тебе историю мистическую расскажу про эти кенотафы. Хошь? – предложил хозяин каморки и зачем-то посмотрел на стену. Большаков кивнул.

– Но тут, брат, гляди в оба: я за достоверность не ручаюсь. За что купил – за то и продаю... Дело было лет пять назад где-то на границе с Йошкой. Там по этим дорогам лучше вообще не ездить: ухаб на ухабе, яма на колее. Разбились ровнехонько между селами две машины – уж я там подробностей не знаю, но то место отлично представляю. Холмик такой, и потом сразу поворот. Так вот: родственники погибших поставили два памятничка – один с одной стороны дороги, другой – с противоположной. В какую сторону ехали автомобили – с той обочины и поставили, поделили территорию, так сказать. И вот веришь ли... – тут у Большаковского собеседника затрезвонил сотовый.

Пока Лопаткин обстоятельно объяснял очередному клиенту подробности изготовления памятника, Саша начал бесцельно водить глазами по стенам каморки. На одной из них висела небольшая фотография молодого парня, почти мальчика. Поскольку ничего больше на стене не было, Большаков стал внимательно рассматривать портрет. В мальчишке было едва уловимое сходство с хозяином каморки, и Большакова это заинтересовало. Он вспомнил про Лопаткина только тогда, когда в комнате воцарилось гнетущее молчание.

– Ты знал, что ли, его? – спросил каким-то новым тоном Василь Васильич. Большаков отрицательно покачал головой. – Это сынок мой, ему тут всего пятнадцать. Сейчас, наверное, ровесник был бы твой... Так на чем я остановился? Ага. И вот поставили, значит, они эти кенотафы, как ты ни скажешь. И поверишь ли: стали на этом холмике, на повороте этом, люди разбиваться. Вот сезона не пройдет: то на мотоцикле ребята слетят (а там, за холмом, овраг дальше, да), то грузовик перевернется. И жена-то одного мужика – из погибших... Они ведь, забыл тебе сказать, на 8-е Марта за цветами в город торопились – вот и «отпраздновали», как говорится, мама не горюй. Жена-то эта через некоторое время один из памятников убрала. Приехала с братом и – выкопали. Вот такие пироги, Александр.

– Это зачем же – выкопали-то?

– А-а. Вот тут-то вся и заваyka: говорят, «закольцевали» они дорогу-

то! Понимаешь? Смотри сюда! – мужчина с трехцветной бородкой схватил со стола блокнот, взял в руки карандаш и двумя быстрыми движениями начертил параллельные линии. – Вот дорога. Затем она здесь изгибается, а тут – холмик этот, будь он не ладен. Один кенотаф поставили здесь, – Лопаткин ткнул в загогулину, изображавшую поворот, – а другой тут, на этой обочине. Одна машина ехала в эту сторону, а другая – в противоположную. И видишь, как получилось? Памятники эти «кольцо» образовали. Какое-то место нехорошее здесь получилось, участок с негативным прошлым. Понимаешь?

Большаков испытывал то самое чувство подъема и восторга, которое он пережил, слушая рассказ санчурского стошника о меняющихся лицах на фотографиях погибших.

– Нельзя, стало быть, памятники с двух сторон дороги устанавливать – да еще рядом с таким поворотом. Плохо это... – говорящий замолчал и, подперев рукой бороду, снова взглянул Сашке в глаза.

– Скажи мне, Александр Большаков, – сказал он вдруг строго, почти сурово, – ты ведь знал про Мишку моего, когда сюда шел?

Большаков, испуганный его тоном, покачал головой и невольно еще раз посмотрел на настенную фотографию.

– Я, если чем-то, если что-то не так...

– Да, ладно, это уж не важно, – устало махнул в его сторону Василь Васильич. – Мишка там и погиб, на этом долбанном холме. Я ему сам, своими руками памятник и соорудил. А про эту историю года два назад наши газетёнки местные писали. Перебрали, конечно, страшно, да я не в обиде... Может, ты и правда не знал. Ты сам-то, говоришь, откуда?

– С Ульяновска.

– Ага. Город Ленина, значит. Ну-ну. Извини, если я... Переживаю я об этом до сих пор так, что передать тебе не могу! – насмешливое лицо Лопаткина сморщилось и сразу постарело. Сашке стало так его жалко, что он почувствовал, как слезы невольно наворачиваются на глаза.

– Я не знал, честно слово! Простите... – сказал он и привстал с кресла, хотя уходить ему не хотелось.

– Да сиди-сиди, – мягко остановил его Василь Васильич. – Ведь я тебе еще не все рассказал. Чаю только вот давай организуем.

Лопаткин привстал и включил электрический чайник, который вскоре зашумел, как старый паровоз. Он опустил пакетик с черным чаем в чистую кружку и пододвинул к Большакову.

– Ты сам наливай кипятку – сколько обычно наливаешь. А то, знаешь, на всех ведь не угодишь: этому мало – до краев лей, а тому и половина – уже много.

Сашка не стал ждать повторного приглашения. Тут снова зазвонил

телефон – на этот раз стационарный. Лопаткин отвлекся на рабочие переговоры минут на десять. Большаков за это время с удовольствием почаевничал – в прикуску с конфетами, оказавшимися на столике гостеприимного хозяина каморки.

– Я скоро должен уехать, но дорассказать тебе успею, не беспокойся, – продолжил говорить Василь Васильич, как только положил трубку на прежнее место. – Про Мишку моего хочу тебе рассказать. Никому не рассказывал об этом, а тебе... Я ведь после этих газетных статей в людях разуверился. Но нельзя ведь все время таить в себе... чудо. Да-да, со мной, Саш, чудо случилось. Один раз в жизни, но бывает такое...

Миша оказался приемным сыном Лопаткина. Своих детей у них с женой не получилось, и «под старость лет» они решили воспитать чужого ребенка.

– Ведь и силы были, и жили в достатке. Вот Маша и говорит: «Ну, что, Вась, неужто для себя одних так всю жизнь и проживем? На что нам эта квартира и машина?». Черт бы побрал эту машину! – лицо Лопаткина исказилось, и он медленно провел ладонью от лба до бело-черно-рыжей бороды, – так, будто пытался убрать липкую паутину.

– Не связывайся с машинами, Саш! Если не садился за руль, то я прошу – и не садись вовсе. Хуже убийц они... Вырастили мы Мишку-то. Шестилетнего взяли из детдома. Мы ведь до-олго приглядывались, раза четыре, наверное, ездили в детдом, «наблюдали», как говорила жена. А потом... Он, Миша-то, как подросток немного да освоился, нам потом сам всё рассказывал: «Как вошли вы, увидел вас в первый раз, так у меня вот здесь больно стало, – и на грудь показывает. – Понял, что за мной приехали. А за кем, говорит, вы еще могли приехать?».

И растили его, и любили. Знаешь, как его Маша любила? Сына родного, наверно, меньше любят. И парень-то золото было. Замкнутый, конечно, но добрый. Вот добрый – таких и не сыщешь: он, когда еще маленький был, мне всё говорил: «Папа, ты, если птичек увидишь на тротуаре – хлебушек они клюют, ты их, пожалуйста, не пугай. Обойди их сторонкой, чтобы не шугались они!».

Лопаткин схватил свою кружку и залпом, как пьют плохую водку, опрокинул в себя остывший чай. Большаков боялся пошевелиться, чтобы не прервать исповедь.

– Он о правах мечтал лет с десяти. Я его всё, дурак старый, баловал – сажал за руль, когда на дачу ездили. Там машин-то почти не было никогда встречных, а ему – за радость... А за Йошкар-Олой – у него подруга жила там, невеста его, Светой звали. Познакомились они в техникуме, дружили очень, да. Поехали в тот день к родителям ее... – Лопаткин прервал сам себя и схватил за руку Сашку. – Ты скажи мне,

Саша... Я вот тебя не знаю совсем, а душу свою наизнанку перед тобой выворачиваю. Ты скажи: выйдешь когда от меня, не засмеешься? За дверь когда выйдешь отсюда – не засмеешься?

Большаков до мучительной боли сжал ручки кресла и замотал головой.

– Ладно... Заржи ты хоть в полный голос – прямо за моей дверью, а я тебе все равно расскажу. Потому что не могу иначе. Вот когда разбились они, я уж тебе про это говорил: с той стороны в город ехали местные мужики – за цветами ездили к 8 Марта. А мой-то Мишка со Светой наоборот – в село направлялись. И когда поставил я ему памятник-то (похоронили мы его здесь, в городе), я ведь стал почти каждую неделю туда мотаться – к кенотафу этому. Вот на кладбище не тянет совсем, а туда – как медом намазано. Машу не возил, нет. Она у меня «невыездная» стала – после того, как сына схоронили, парализовало ее. Левая рука и нога совсем отказали...

Лопаткин помолчал. Затем он встал и, сняв с гвоздика в стене фотографию приемного сына, положил ее перед собой на стол.

– Вот копию этой фотки на памятник прикрутил. Выпендриваться не стал – индивидуальный заказ, и все такое. Самый простой соорудил, да. У себя, Саш, в своей конторе и заказывал – чё далеко ходить-то?..

Так вот: стал я такую штуку замечать, Александер. Съезжу к нему, привезу туда и сигаретки, и мандаринов – он их любил. «Новый год, пап, напоминают». Посижу, привет ему от мамки передам, поговорю с ним. И взгляну на фотографию-то, а он там – как пион красный цветет. Улыбается мой Мишка, будто живой. Я приеду и Маше рассказываю: так, мол, и так, привет передал, мандарины положил. А вот случится у меня на работе запарка, или с Машей плохо – ну, не вырваться, вот хоть в лепешку разбейся! Пропущу неделю, вторую, третью. Приеду туда – а он аж серый. Весь посереет с тоски-то...

Лопаткин вскочил со стула и бросился к вешалке, где висела его куртка. Как он ни пытался скрыть это, Большаков не мог не заметить крупные, как градины, слезы, бегущие по его щекам. Борода его вдруг утратила свое трехцветие и стала желтовато-серой, как мокрая марля.

Саша тоже накинул куртку, и они вместе вышли из каморки. Василь Васильич закрыл дверь на ключ и повернулся к стоявшему возле лестницы Большакову.

– Ты, Саш, иди, мне тут еще по работе надо кое-что...

Большаков сделал несколько шагов в его сторону и, протянув руку, попрощался. Когда он уже почти вышел из входной двери МУП «Ритуальные услуги», Большаков снова услышал голос Лопаткина.

– Ты хоть телефон, что ли, оставь свой! – хозяин каморки протянул

ему потертую записную книжку и карандаш.

Глава 8. Ночные переживания

Как потом говорил сам Большаков, та ночь в Кирове стоила ему, «по разным подсчетам», несколько миллионов нервных клеток. Он вернулся в квартиру, которую они сняли на двое суток, в пятом часу вечера. Сотовый у Леньки некоторое время «прозванивался», но трубку Филимонов по непонятным причинам не брал. К часам семи на все звонки Большакова начал отвечать равнодушный, но приятный женский голос, повторяющий, что «абонент отключен или находится вне зоны доступа сети».

Судя по тому, что их «девятки» во дворе не было, Ленька до сих пор колесил по городу. Однако когда совсем стемнело, Сашка всерьез забеспокоился. Он взялся за книгу, но в голову лезли всё такие глупые и тягостные мысли, что в конце концов Большаков сдался и отправился на улицу. Часы показывали уже одиннадцатый час вечера.

– Он – вполне взрослый человек, к тому же мужик. Чего мне за него переживать? – пытался успокоить себя Большаков, бесцельно шагая вперед по редко освещенным улицам спального района Вятки. Но смутный страх все сильнее разрастался в нем, пока не принял довольно-таки четкие очертания красного «фиата».

«А что если они «пасли» нас до самого Кирова, а затем улучили момент, когда мы разделились – и прихлопнули где-нибудь на окраине города бедного Филимонова? – пугал самого себя Большаков, подслеповато щурясь в сторону редких и темных фигур прохожих. – Что я скажу Лене, когда вернусь в Ульяновск? Да она из меня за своего «Якубовича» душу вытрясет – и будет права. Я и только я отвечаю за все это!».

Саша еще раз набрал номер Леньки, но в ответ услышал все тот же приятно-равнодушный женский голос.

«В любом случае далеко уходить нельзя, так как ключи от квартиры у меня, а запасных нет. Надо возвращаться!» – решил Большаков и пошел назад. Вернувшись, он внимательно осмотрел весь двор и, не найдя знакомой «девятки», поднялся в квартиру. Когда он открывал дверь, сотовый подсказал ему, что наступила полночь.

Сашка включил свет, поставил чайник и начал ходить из угла в угол.

– Ну куда этот черт поперся в незнакомом городе?! – ругался он вполголоса. – Что мне – морги обзванивать? Точно – надо в полицию обратиться! Если он попал в ДТП, мне по номеру машины подскажут – должна же быть у них эта информация! Или же сразу в ГИБДД позвонить?

Так не работают они, наверное, в первом часу ночи-то...

В квартире был стационарный телефон. Прождав еще полчаса, он набрал «02». Голос на том конце провода глухо произнес: «Дежурная часть. Слушаю». Сашка, как мог, перескакивая с пятое на десятое, описал печальное положение, в котором оказался он и его друг.

– Семьдесят третий регион, значит? – уточнил голос и попросил подождать. Потекли тягостные секунды ожидания, затем полицейский произнес: «Ничего нет. По крайней мере, у нас ничего на этот номер автомашины нет. Подождите до утра – сам найдется, может быть!».

От последней фразы повеяло человеческим участием, и это немного успокоило Сашку.

«Да если б не этот «фиат» – я бы даже и не волновался. Ну, заехал куда-нибудь. Говорил же он, что бывал уже в Кирове – вот и затусовался где-нибудь. Утро вечера мудренее, однако!».

Большаков, не раздеваясь, улегся на диван и попробовал задремать. Уже в третьем часу ночи ему послышался звук пришедшей смски. Он подскочил, как будто только и ждал этого. Сообщение было от Филимонова.

«Я с «фиатчиками». Ул. Красноармейская, 2». Всё. Больше ни запятой. В ответ на Большаковский звонок – снова приторный голос, говорящий про недоступность абонента. Сашка совершенно не помнил, как выбежал на улицу и долго искал между уличных фонарей, у кого бы уточнить расположение Красноармейской. Затем он сообразил про такси, и минут 15 стоял на ближайшей автобусной остановке, коченея от страха за погубленную судьбу Леньки и жалея о собственной еще столь юной жизни.

О повторном звонке в полицию он не думал, главное было сейчас добраться до Красноармейской. Наконец, приехало такси, и Сашка забрался на переднее сиденье. Водитель попался не из разговорчивых и, когда Большаков назвал адрес, лишь промычал в ответ что-то неразборчивое. Глядя на мелькавшие за окном тусклые многоэтажки ночного Кирова, Сашка немного забылся и, как ни странно, успокоился.

– На Красноармейской – там сейчас круглосуточно, что ли? – пробудил его от оцепенения голос таксиста. Это был грузный мужчина лет сорока; говорил он с едва заметной леностью в голосе, которая, по наблюдениям Сашки, была характерна для всех таксистов.

– Что – круглосуточно? – спросил Большаков, к которому в мгновение ока вернулось прежнее эмоциональное напряжение.

– Да там, вроде, кафе или ресторан – на Красноармейской... – сказал водитель и широко зевнул. – А время-то уж четвертый час утра.

– Ресторан? – Сашка судорожно пытался собрать обрывки

предположений и мыслей в нечто единое. Он помолчал еще некоторое время и спросил:

– Далеко еще?

– Да через два перекрестка. Вас ждать там или как?

– Нет. Да. Нет, не надо! – пробормотал Большаков, который решил, что если они с Филимоновым в эту ночь останутся живы, то надо обязательно сходить в церковь – свечку в благодарность поставить.

Их автомобиль подъехал к одноэтажному зданию, по обе стороны которого возвышался небольшой решетчатый заборчик с затейливо мигающими светодиодными украшениями. Окна ресторана были затемнены. Кругом было тихо.

– Да там уж закрыли, наверно! У нас же тут не столица! – сказал таксист.

– Это точно второй дом? – спросил бледный Большаков. – Вы тогда подождите меня. Минут пять, не больше.

Таксист буркнул в ответ два или три слова – Саша расценил это как знак согласия. Подойдя к двери ресторана, он сразу понял, что заведение закрыто. Не зная, что делать, Большаков пару раз стукнул в дверь. На удивление быстро в затемненных дверях показалась чья-то фигура.

Разговор с охранником получился сумбурным, но главное Сашка все-таки понял: Филимонов здесь был и был не один.

– Они тут напились порядочно. И уехали. Вон «девятку» только оставили, по-моему! – охранник кивнул в сторону. И только тогда Большаков разглядел в мигающем освещении ресторана Ленкину машину. Он кивнул охраннику и почти бегом ринулся к автомобилю. Как и следовало ожидать, Филимонова там не было.

Первое, что сделал Большаков, когда проснулся – нащупал сотовый. Сообщений никаких, за Филимонова по-прежнему отвечал автоинформатор с нежным женским голосом.

Когда Сашка чистил зубы, он вспомнил, что уже в 12 часов дня их попросят освободить квартиру. Можно, конечно, было бы арендовать ее еще на сутки, но, во-первых, деньги на исходе, а во-вторых – по всем планам, они должны уже были на всех парах мчаться домой: отпуск не резиновый, растянуть его не получится.

«А что если Филимонова уж и в живых нет?» - щетка во рту невольно остановилась и Большаков сплюнул белую пену в раковину. Ему нестерпимо захотелось ругаться, и он почувствовал, что готов на самые отчаянные поступки – ездить по моргам, писать заявления в полицию, бродить по улицам Кирова и взывать к имени Филимонова

в надежде, что...

«Надо снова ехать к ресторану! – пришла к нему в голову спасительная мысль. – Если Ленька жив, он вернется к своей «девятке» даже в искалеченном состоянии...».

И в это самое мгновение оглушительно зазвенел домофон. Подняв трубку, Большаков со страхом услышал утробно-хриплый голос Филимонова. Он открыл входную дверь и стал ждать его возле лифта. Как показалось Сашке, терпким запахом чудовищного перегара запахло еще до того, как двери лифта распахнулись. Увидев опухшее, но просветленно улыбающееся лицо Филимонова, Сашка с нахмуренным видом последовал в квартиру. Ленька плелся сзади и был пьян настолько, что едва связывал слова друг с другом. Большаков, все также нахмуренный, ушел на кухню. Стаскивая с себя одежду, Филимонов слышал, как тот договаривался с хозяйкой квартиры о том, что они заплатят еще за одни сутки.

Затем везде наступила тишина, иногда прерываемая храпом Леньки, неспешными звуками проснувшегося Кирова и энергичными ударами о клавиатуру ноутбука Большакова.

Глава 9. Возвращение

С одной стороны, история про то, что же случилось в ресторане на Красноармейской, до сих пор имеет множество белых пятен. С другой – не прошло и нескольких дней, как она обросла такой бездной невероятных и таинственных деталей, что, когда Филимонов в очередной раз принимался описывать свою почти апокалиптическую встречу с «фиатчиками», Большаков иногда просто от него отмахивался.

– Ты даже не представляешь, какие это люди! Зо-ло-тые!.. - так начинался первоначальный Филимоновский рассказ. Но чем больше проходило времени, тем все более опасной представлялась сама эта встреча. Соответственно, менялась в устах рассказчика и оценка «фиатчиков».

Когда они уже были на полпути от дома, в описаниях Леньки появились обороты «сумел насилиу уйти», «черт знает, что у них было на уме» и «ножи у них точно были, вот огнестрельного не видел – может, просто не заметил».

В итоге благодаря существенным интеллектуальным усилиям и большому опыту в деле реконструкции мифологических основ фольклорных текстов Большаков сумел составить верную (как он думал) картину произошедшего.

Скорее всего, «фиатчики» действительно следили за ними от Йошкар-

Олы до самого Кирова. Впрочем, не исключено, что они натолкнулись на Ленкин автомобиль уже в Вятке. Сейчас это уже было не столь важно. Подошли они к нему, когда Филимонов фотографировал фонтан в центре города.

– Ты б их видел: два здоровых татарина – кровь с молоком. Я сначала не понял, чё им вообще надо. «Разговор, говорят, есть». Ну, разговор – так разговор. Я поговорить всегда непрочь. А как увидел их красный «фиат» рядом с моей «девяткой», так всё, думаю, не быть тебе отцом, Филимонов, похоронят под Вяткой в безымянной могиле!

Просто так беседовать они отказались – «слишком серьезный предмет для обсуждения».

– Это я тебе дословную цитату даю. Со ссылками на первоисточник, как ты любишь! – почти кричал воодушевленный своими воспоминаниями Ленка, держась за руль. Они решили на обратном пути не фотографировать кенотафы, поскольку уже совсем не осталось времени. Так что Филимонов придерживался своих обычных 100 км/ч, притормаживая только в населенных пунктах...

Итак, молодчики сели в «фиат», Филимонов – в свой автомобиль, и машины «гуськом» последовали к ближайшему заведению.

– Я сразу понял, что убивать не будут: иначе зачем же они позволили мне сесть за руль «девятки»? – говорил в первоначальной версии текста Ленка. Затем это место было отредактировано и заменено на следующую фразу: «Да я б все равно на своей «шушлаечке» от них не ушел – куда мне с фиатом тягаться? Вот они и говорят мне: «Садись, мол, поехали перекусим. Ибо серьезный предмет для разговора!».

В ресторане после двух-трех рюмок Ленка, по всей видимости, полностью утратил стеснение, свойственное малознакомым людям, и выложил, как мог, цели их «кенотафии».

– Я им говорю, – вот как ты, Сашка, тете Насте, помнишь, излагал? Вот и я: «Сохранить пытаемся ценное культурное наследие от посягательств государственной власти!». Ты бы видел, как они расцвели после этой моей фразы! Все-таки слова нужно правильно подбирать – тогда и выживешь в любой ситуации! – настоятельно рекомендовал Ленка Большакову.

Выяснилось, что загадочные преследователи к кенотафам имеют самое непосредственное отношение.

– Короче, люди это, понятно дело, не простые. Бандюги-не бандюги, но ребята очень серьезные. У них то ли родственник погиб в аварии, то ли их авторитет какой-то – где-то на границе с Ульяновской областью. Они ему не то что кенотаф – Ленинский мемцентр отгрохали! Кажись, Сашка, мы его фоткали, иначе как бы эти фиатчики нас засекали? И ты представляешь: они тоже в курсе, что убирать эти

памятники с обочин собрались!

По словам рассказчика, в связи с «перспективой ликвидации» таинственные собеседники Филимонова организовали чуть ли не круглосуточное дежурство возле своего кенотафа.

– Может, они фанатики какие-то – кто их знает. Мы, говорят, с оружием в руках готовы отстаивать память нашего товарища! Я вот припоминаю, они даже про какие-то «горячие точки» говорили – участник он, мол, какого-то конфликта, погибший-то этот. В общем, благородства в них этого бандитского – выше крыши. И вот как заметили-то они нас, фотографирующих памятники, – решили, что мы и есть главные враги всего благородного человечества. Дескать, сначала сфоткаем, а потом и ликвидируем!

Главное, что спасло друзей – то, что фиатчики по неведомой причине решили, что убраны будут не все памятники.

– Вот представляешь, какие фантазии в голове у людей могут роиться? – разводил руками Леньки, а потом снова хватался за руль, увидев летящую навстречу машину. – Им вдруг взбрело в голову – это уж, наверное, потом, после того, как эти олухи снесли нам дверь, – будто бы от нас, от того, как мы сфотографируем, как составим и опишем нашу «базу фотографий» (это их слова!) и будет зависеть в итоге, какой кенотаф снесут, а какой – оставят. Ну? Не олухи ли Царя Небесного? А?

Сначала Большаков, убаюканный мерным журчанием нескончаемого Ленькиного повествования, не придал этому эпизоду похождения Филимонова должного значения. Смутные предположения о «чем-то большем» начали тревожить сердце Сашки, когда Филимонов, всегда щепетильно относящийся к расходам за дорожный «харч» и бензин, вдруг принялся сорить деньгами направо и налево.

– Всё, Большаков, баста! Назад поедem, как короли – шашлык отборный из баранины. Да и вообще – ну, эти забегаловки! Давай для обедов поприличнее места выбирать!

Когда же вместо обычной квартиры Ленька неожиданно начал настаивать на «хорошей гостинице» – и «чтобы класса «люкс» – не меньше!», – Большаков понял, что его предположения не беспочвенны.

Затем они сидели за ужином в снятой чебоксарской квартире (сопротивление Сашки против гостиницы было просто героическим), и Ленька провозгласил тост: «За последнюю ночь перед возвращением в родные пенаты!». После того, как они выпили по рюмке, Большаков сказал:

– А теперь выкладывай начистоту – где взял деньги?

– Ну, что значит – взял? – по-театральному обиделся Филимонов. – Я просто не стал отказываться! Ты бы видел этих парнишек – им попробуй отказать! К тому же – надо же как-то компенсировать и оторванную дверь, и вообще...

– И вообще?

– Ну, да: про своего мифического заказчика ты мне злостно наврал. От тебя денег я все равно не возьму. А тут – просто манна небесная. Компенсация за все наши страдания-мотания!

– Да какие страдания?! – Большаков встал и приоткрыл окно на кухне, где они сидели. – Я гляжу – ты так истрадался, аж рожа лоснится. Жена скажет, что на курорте был!

Ленька налил еще по полрюмке.

– Ты хоть знаешь, что у бандитов брать деньги – себе дороже выйдет? Скажи точно, что они потребовали за них?

– Да в том и дело, что ничего. Просто ничего не нужно делать! В том смысле – чтобы их кенотаф так и остался на прежнем месте!

– Тьфу, блин! – Сашка вскочил и попросил у друга сигарет. Они вышли на балкон.

– Да что ты кипятишься, Большаков! Ну, откуда они узнают, что мы никак с этим не связаны? Останется их памятник на прежнем месте – никто его не тронет еще сто лет. А мы хоть как люди вернемся – машину отремонтируем, женам подарки купим! Ну? – Филимонов посмотрел в глаза другу.

Большаков молча курил. Затем уточнил, сколько именно дали денег. Узнав, что сумма совсем не такая большая, как можно было бы подумать по поведению Леньки, он немного успокоился.

– Машину смени. И номер лучше другой поставь на нее – для безопасности, – говорил Сашка другу, когда они уже лежали в зале на привычных местах: Филимонов на широкой кровати, Большаков – на узком диванчике. Почти во всех квартирах, которые они снимали, присутствовала именно такая мебельная композиция.

– Да посмотрим... – махал рукой в темноту квартиры беспечный Ленька.

Затем, когда Сашка уже почти заснул, он услышал, как заскрипела Филимоновская кровать. Раскрыв глаза, Большаков увидел, что Аркадьич сидит и смотрит в окно.

– Знаешь, что, Саш?

– Ну?

– А мне эта поездка понравилась! Ей-богу, если еще «кенотафить» будешь – зови! Душевно, получилось, правда?

Через несколько минут со стороны кровати Филимонова послышался привычный храп. Саша долго возился на жестком диване, и всё никак не мог заснуть. Затем он накинул рубаху и вышел на застекленный балкон. Их очередная квартира находилась на восьмом этаже. Окна выходили на широкую дорогу, за которой была видна узкая полоска какого-то парка. А за ним светился мерцающий ночными фонарями город.

Большаков закрыл глаза и перед его мысленным взором потянулись обочины бесконечных российских дорог, на которых то там, то сям проглядывали кресты и небольшие памятники.

«Господи, а сколько ведь еще тех, чье место гибели никак не обозначено! Ставят ведь кенотафы далеко не всем. Погиб человек, увезли на кладбище, а дальше – гибнут следующие. Иногда на тех же самых местах. Главное здесь – не «закольцевывать» дорогу, как говорил Василь Васильич. Как приедем в Ульяновск, надо помянуть их всех. Обязательно. Тех, чьи памятники мы сфотографировали, и тех, чьи кенотафы мы никогда не увидим...».

Почувствовав, что замерз, Саша притворил балконную дверь и забрался под одеяло на свой диван. В ту ночь ему снился какой-то сумбур: он видел тетю Настю, которая, улыбаясь, переходила вброд небольшую, но быструю речку. Затем снова жал руку Лопаткину, прощаясь на ступенях возле его кабинета.

А еще под самое утро ему привиделся большой необработанный камень, на котором висела прикрученная табличка. Рядом с валуном играли дети – их было человек десять. Большаков хотел во сне подойти к камню поближе, чтобы сфотографировать, что написано на табличке, но дети его не пускали.

– Ну его, этот камень! – смеялась одна из девчонок, у которой за спиной краснел школьный рюкзачок. – Пойдем, Саш, лучше с нами поиграем. Успеешь сфотографировать-то!

Большаков с девчонкой идти совсем не хотел, но детей было много, они все тянули к нему свои руки, и он не смог им отказать. Возле этого камня он так и проиграл с ними до самого утра.

Нуралышка (рассказ)

Баба Маня в то лето страдала от нашествия ворон. Вообще, каждое лето у нее была своя, особенная напасть. Мелких бед и неприятностей – то у козы на вымени что-нибудь вскочит, так что и доиться не подпускает; то кочаны меньше свеклы уродятся; то с подругой, живущей на соседней улице, рассорятся, – вот этого у нее каждое лето было хоть отбавляй. (Надо сказать, что баба Маня давно уже мерила годы свои исключительно летними сезонами). А вот особенная напасть, – та, которая вспоминалась ею вплоть до следующего урожая, – была всегда одна. И вот на борьбу с нею-то старушка бросала все свои не Бог весть какие силы, весь свой богатый жизненный опыт и «арсенал». В качестве последнего нередко выступали советы всё той же подруги – тёти Кати с Выселок (так называли одну из улиц их села)...

В Малый Стан всегда слеталось много упомянутой черной птицы, но нынешним летом воронье и впрямь оккупировало всё село, – как будто пришли «последние времена».

– Не иначе согрешил кто-нибудь! – предположила один раз (словно ненароком) тетя Катя. Баба Маня немедленно загорелась этой мыслью.

– Да чё тут думать-то-гадать! А про Верку-то, Тонькину дочку, слыхала?

Тётя Катя так и встрепенулась: ну, как же, ей ли не слышать – они с Тонькой Лопатиной раньше-то за коренных подруг почитались! Вместе в первые два класса бегали, а там и бросили: у одной ходить не в чем было, а у другой брательник родился: не до учёбы.

Однако же чтобы обновить, так сказать, впечатление, тетя Катя тут же сказала несведущей. Подруга будто только этого и дожидалась и принялась передавать ей и в самом деле занимательную историю про Веру, которая не так давно закончила молочный техникум в райцентре и, вернувшись, – красавица красавицей! – так вскружила голову парням из своего и окружных сел, что те даже дрались за неё! Иными она осуждалась, но многие все-таки любили ее за добрый, в общем-то, характер и всегдашнюю готовность помочь.

Так вот. С месяц назад в Малый Стан вернулся с армии Толька – двоюродный Веркин брат. А та – как доподлинно было известно со слов

других бабе Мане – взяла да и влюбилась в него без памяти!

Понятное дело, пересудов было много: всё-таки «грех непрощённый», – кровь-то своя! Отец-то Толькин – брат родной Веркиному «папаке» (это она так сама величала своего родителя с самого детства).

И вот надо же – брякнула тогда баба Маня про Веркин грех да про воронье, а тётя Катя возьми да и разнеси про то по всему селу! Да не про то, что Верка с Толькой бегают, – о том и без того, у кого не бельма вместо глаз, знали-ведали, а вот именно про грех-то непрощённый: мол, навлекла девка своим непотребством воронье на весь Стан!

Ну, да ладно. Посудили-поговорили, – да только вот кто ж знал-то, что Верка поймет, откуда ноги у этой выдуманной «приметь» растут. Встретила она бабу Маню раз у колонки, сверкнула на нее черными глазищами и пошла прочь.

– Ага, не поздоровкалась даже! – это уж старушка подруге своей докладывала.

– А ты ее, Егоровна, и не бойся! Хоть про Тоньку, мать-то ее, сказывали, что «знает» она, а ты ей фигу покажь да молитву «Богородицу» иль «Да воскреснет Бог» задвинь! Она враз отстанет!

– Да я так, так и сотворила, – отвечала баба Маня. – Тут же ей кукиш в кармане показала!

– Оно и ладно, оно и хорошо! – с одобрением качала головой подруга с Выселок.

Она же посоветовала Егоровне и хорошее средство от воронья.

– Ты, – говорит, – пугалушку поставь. Обряди во что-нибудь поярше, они вмиг забудут дорогу! – и даже вызвалась помочь старушке, поскольку сама была на три года моложе бабы Мани и считалась еще «в силах».

Исполнили задуманное ближе к вечеру следующего дня: получилась знатная «барыня», как величали пугало совсем развеселившиеся бабушки (тетя Катя принесла с собой немного плодовой наливки с прошлого года, так что всё, «как на грех», склоняло к хорошему настроению).

Пугалушку обрядили в старую красную юбку и зеленую кофту хозяйки огорода, – из тех вещей, которые, как говорила сама баба Маня, давно пора было бы на тряпки пустить, да всё как-то некогда да недосуг.

Уже на следующий день, смотря на развешивающуюся, как советский флаг, юбку огородной «барыни», старушка с торжеством отмечала, что тётя Катина средство работает: воронье, завидев странную фигуру, опасливо садилось на соседние участки.

Конечно, дня через три-четыре ее победа перестала бы быть столь безоговорочной: птицы быстро привыкли бы и полонили многострадальный огород вновь. Однако еще до этого момента приключилась история, благодаря которой баба Маня и думать

забыла о пугалушке...

Как назло тётя Катя расхворалась – да так, что Егоровна, узнав об этом, решила в ближайшие дни сама доковылять до ее избы, – хотя в последние годы она совсем слаба стала на ноги и старалась далеко не ходить.

И надо же такому случится, что как раз в это время ни с того ни с сего пожаловала к бабе Мане тетя Тоня Лопатина с Новой улицы. Они хоть и не были никогда подругами, но и не враждовали больно никогда. Стоит сказать, что Лопатина была года на три постарше Егоровны, но при всем том могла и сейчас без труда отмотать из одного конца Стана в другой – и даже не задохнуться! Сухопарая, подтянутая, как совхозная лошадь, на которой последние лет десять собирали по селу молоко, тетя Тоня вызывала своим трудолюбием и энергией искреннее уважение даже у недоброжелателей.

Баба Маня приняла ее с церемониями, напоила чаем с медом (дело уже шло к полудню). Егоровна мимоходом узнала у гостьи последние новости и главное: привезли ли хлеб, – и собиралась уж сходить, было, в шабры, чтобы попросить соседского мальчишку сбегать ей за буханкой-другой, но тут Лопатина наконец не выдержала и – как с места в карьер – перешла к сути.

Баба Маня от удивления и думать забыла о хлебе.

– Ты, говорят, Егоровна, слухи разные о моей Верке распускаешь? – с достоинством осведомилась тетя Тоня, отставляя от себя чашку с допитым чаем.

– Да что ты, что ты, грех-то какой! – залепетала баба Маня.

– Не отказывайся, Егоровна: про вороньё-то всё село гудит – твоих рук дело? Да и Сильвестрова тётя Катя, кажись, пособляет?

Баба Маня в ответ только руками замахала...

– Так вот знай, – продолжала неумолимая Лопатина, – я этого не допущу. Девка у меня выросла, никогда себе ничего не позволяла этакого, чтобы про нее всякую дрянь калякать!

– Да ведь грех-то какой: Толька-то!.. – забормотала совсем оробевшая Егоровна. Перед глазами ее вереницей вдруг замелькали все те, кого, как поговаривали, испортила тетя Тоня. (На самом деле баба Маня слышала в точности лишь о Лопатине дядя Пете: якобы мужа-то своего тетя Тоня и сглазила года два назад; тот, недолго думая, зачах у нее на руках прошлогодней зимой).

– Не тваво ума дело! – отрезала Лопатина, поднимаясь из-за стола. И уже стоя на пороге, она, немного поколебавшись, обернулась к хозяйке и выложила свой последний козырь:

– И что б ты там ни делала по ночам, что бы ни выдумывала – не

выйдет у тебя ничего! Ведьма ты, тьфу на тебя! – и вышла.

– Я?! – переспросила совсем обезумевшая баба Маня. Но переспрашивать уже было некого: сухопарая тетя Тоня успела проскочить двора три, прежде чем пришедшая в себя Егоровна выбежала на крыльцо и возопила на всю улицу, задыхаясь от гнева:

– Это я ведьма? Я – по ночам? Да ты сама – колдунья, мужа сваво... Да ты... – в общем, расстались совершенными врагами.

Целых два часа после визита гости с Новой улицы старушка не могла успокоиться: пила валидол, корвалол и еще какие-то плохо идентифицируемые настойки. Затем в третьем часу, набравшись решимости, она пустилась в сторону Выселок.

Доковыляв за сорок минут до избы подруги, она нашла Сильвестрову спящей на черном старом диване, доставшемся ей от брата – зама какого-то зама из райцентра.

Дед Иван, муж тети Кати, отсоветовал ее будить.

– Тридцать восемь и пять – температура у ней, – авторитетно объявил он задохнувшейся от ходьбы старушке. – Настю, мёдсестру вызывали: велела ей спать, укол вколола!

Посидев еще с полчаса и так и не дождавшись пробуждения подруги, Егоровна заковыляла назад: «С дедом Сильвестровым всё равно кашу не сварить: бестолковый он на разговор мужик», – решила она про себя.

Зайдя по дороге в соседи, она узнала, что за хлебом посылать уж поздненько и, совсем расстроившись, едва добрела до своей избы.

Вся эта беготня, однако ж, как ни странно, немного успокоила ее, и она наконец-то смогла трезво поразмыслить по поводу странных слов разозленной Лопатиной.

– По ночам? Да что я делаю такое по ночам? – вдруг снова начала заводится она, вспоминая неожиданную сцену у порога. – Ведь придумала всё, курица мокрая! И разнесет ведь по околотку небылицу, ославит на весь Стан!

Егоровна даже всплакнула, а затем решила-таки отвести душу в разговоре с Галиной Ивановной – старушкой восьмидесяти лет, бывшей школьной техничкой, которая жила в соседях с бабой Маней у своей пятидесятилетней дочери-вдовы.

Наталья, дочка-то эта, недолюбливала Егоровну за какие-то давние обиды, потому баба Маня ходила к ним нечасто. Но тут был исключительный случай: не расскажи она о случившейся несправедливости – быть бессонной ночи сегодня...

Открыла ей Наталья – и во взгляде ее, помимо обычной гордости и вечного недовольства, вдруг почудилось Егоровне и нечто новое, небывалое, настороженное.

– Ты к матери, что ль? Спит она! – такими неприветливыми словами встретила старушку пятидесятилетняя вдова, еще сохранившая свою былую красоту. И даже начала затворять дверь, словно пытаюсь выдавить бабу Маню с крыльца.

– А я... я к тебе! – неожиданно нашлась Егоровна.

– Ко мне? – искренне удивилась Наталья и, будто не хотя, впустила гостью.

Баба Маня, еще не присев, разговорилась с негостеприимной хозяйкой про засушливое лето, потом перешли на проклятое воронье, а затем – слово за слово – и Егоровна выложила всю историю с приходом Лопатиной.

– Ведьмой меня обозвала, а сама мужа-то сваво со света сжила! – почти торжествующе заключила старушка. – И, знашь, ведь чего наплела: будто я по ночам делаю что-то, мол! Представляшь?

Тут Наталья вздрогнула и вдруг брякнула:

– А ведь делаешь, тётъ Мань! Ей-Богу, сама видала третьего дня. И вчераь снова!

– Да ты чё?! – старушка оторопела и стала креститься.

– А по ночам-то? Чего ты шляешься по огороду? И разодетая, как японский городовой!

– Это я-то? Я-то?!

– Да ты-то! Ты-то! И не ори больно-то, а то мать разбудишь! – Галина Ивановна действительно завозилась в зале на кровати с пружинами.

Старушка в слезах кубарем выкатилась от соседки и сама не могла вспомнить, как снова очутилась в своей избе.

– Да что же это? Как же это? – она совсем, было, растерялась, приняла еще каких-то капель на спирту, похлебала щец и забылась беспокойным сном.

Проснулась она в необычное для себя время – часу во втором ночи. Единственный на всю улицу фонарь, висевший через два дома на противоположном порядке, освещал неровным светом окна зала, где прикорнула Егоровна. Она, не зажигая лампу, шагнула поправить занавеску, и тут взгляд ее упал на огородную темень, которую едва-едва разбавлял тусклый круг от фонаря.

Старушка чуть не присела от испуга, увидев на своем участке чью-то большую фигуру. С холодом во всем теле, она начала судорожно вспоминать, заперла ли она входную дверь на крючок. Баба Маня ни за какие блага на свете не выглянула бы еще раз в окно в ту ночь, но почему-то почудилось ей в увиденной фигуре что-то женское. «Уж не Лопатина ли?» – подумала она почти с ужасом.

Собрав остатки смелости, старушка дрожащими руками отодвинула

кружевную, доставшуюся от матери занавеску и взглянула еще раз на огород. Как нарочно дунул ветер, блеснул свет от уличного фонаря и...

И затем в одинокой избе старой вдовы, которая уже лет 10 куковала одна-одинёшенька (сын не подавал о себе знать уже который год сряду), случилось настоящее чудо: Егоровна, стоя в темноте, до слез смеялась на свою огородную пугалушку, – смеялась почти молодым, счастливым смехом.

Затем она, так и не включив лампу, забралась под одеяло, покряхтела по-стариковски, перекрестила зевнувший рот и до утра проспала сном праведницы.

А наутро, выдернув пугало из земли, пошла мириться к соседке, хохотать и пить плодovou наливку к почти оправившейся тете Кате и разносить забавную историю по селу.

Недели через три пришла мириться и Лопатина, притом звала бабу Маню на свадьбу дочери: та и впрямь выходила замуж за Тольку, да не за того, а за другого – «Мишенькиного сына», такого же белобрысого и разбитного, как и двоюродный Веркин брат, – из соседнего села.

Баба Маня, посмеиваясь, приглашение приняла: «Все-таки без колдуньи и свадьба – не свадьба!». Лопатина улыбалась, ходила смотреть на пугалушку, которую баба Маня показала уж половине Стана, а сама, как говорила потом про нее Егоровна, – ушла «всё себе на уме».

– Всё-таки я ей нет-нет, да про себя фигу и покажу, – признавалась она иной раз подруге с Выселок.

– И правильно делаешь, – одобрительно кивала в ответ тетя Катя. – Правильно делаешь...

Самозванцы (рассказ)

Рисунок Горбачева М.Г.

Глава 1. Бросов

В тот страшный день Иван Петрович вернулся позже обычного, потому что случился очередной матч. Друзья позвали – и он, конечно, не смог отказаться. Уже на пороге родной пятиэтажки странное чувство охватило Бросова: подъезд показался ему неуютным и даже не совсем знакомым. Списав все на лишнюю рюмку, которой он «злоупотребил», по любимому выражению бросовской жены, после матча, Иван Петрович поднялся на третий этаж. Пытаясь попасть ключом в замочную скважину (на лестничной площадке в очередной раз перегорела лампочка) и поминутно чертыхаясь, он все никак не мог справиться с замком. Когда наконец тот поддался, он с шумом ввалился в коридор, сбросил с себя куртку, стянул шапку и пошел в ванну мыть руки. Смывая мыльную пену с ладоней, он снова почувствовал неладное. «А Варя-то чего?». Обычно жена к этому времени уже гремела на кухне и готовилась произнести что-то вроде сакраментального: «Опять нажрался?!».

За пределами ванны царил полнейшая тишина. И тут только Бросов обратил внимание на необычный запах мыла: приторно-нежный аромат винограда, который источали в ту минуту натруженные руки Петровича,

Публикуется впервые.

явно не относился к привычной реальности его квартиры.

– Подарил, что ль, кто? – пробормотал он и, наполовину протрезвев, приоткрыл дверь ванны. Высунув голову, Иван Петрович начал оглядываться по сторонам. Потратив почти минуту на это престранное занятие, Бросов вышел из ванны и робко произнес: «Варька? Варюнич?». Ответа не последовало, но в темноте зала за закрытой дверью что-то произошло. Кто-то большой и, кажется, тяжелый завозился, вздохнул и снова затих. Бросов совсем перетрусил, и от испуга голова его в мгновение ока пришла в такую необычайную ясность, что он сразу понял: ни подъезд, ни дверь, ни ванна, ни этот дурацкий коридор с обоями ядовито-изумрудного цвета к его квартире, к его родному «гнездышку», обжитому, уютному, где каждый уголок, пылинка-паутинка знакомы и изведаны, не имели никакого отношения.

– По пьяни всё, по пьяни это всё! – говорил он, торопливо пытаясь попасть руками в рукава своей потертой на локтях куртки. Он уже успел вообразить, как его «застукают» в чужой квартире хозяева или соседи, вызовут милицию-полицию и как будут судачить об этом... Куртка все-таки поддавалась, он схватил сумку, шапку и начал, было, отворять замок... И – снова оторопел. Да замок-то его! Он же сам его вкручивал и как раз сорвал резьбу у левого верхнего болта.

– Что же это? Неужто «белочка»? – и в тот момент бледный Иван Петрович прямо у знакомо-незнакомой двери поклялся самому себе никогда более не пить после матча. Он не успел еще завершить текст мысленной клятвы, как дверь зала мягко и бесшумно приоткрылась и оттуда высунулась изумленная девичья головка.

– Папа? – недоверчиво окликнул его девичий голос. И тут Бросов с громадным облегчением понял, что перед ним стоит всего лишь его дочь тринадцати лет отроду. Он улыбнулся и со вздохом опустился на стул, стоявший в коридоре.

– Ладка, ты бы знала, чё мне сейчас почудилось!

Девочка открыла дверь полностью и вышла к нему в ночной кружевной сорочке. Бросов вновь ощутил безотчетную тревогу.

– Ты чегой-то как... Обрядилась-то?

Девочка молча всматривалась в Бросова, словно удивляясь чему-то.

– А мама... Мама не с тобой? Как спектакль? – произнесла она с каким-то усилием, все продолжая рассматривать Бросова, будто бы его внешность интересовала ее гораздо больше, чем его ответ.

– Спектакль? Ладка, да вы че все тут? Чего вы с коридором-то натворили, пока меня не было? Когда только успели наляпать! – он пальцем нажал на бархатную поверхность дорогих обоев, оставив на стене

постепенно зарастающий след.

Девочка помолчала, а затем подошла к нему совсем близко.

– Папа, – сказала она просто и спокойно, – это ты?

И Бросов в ту самую секунду понял, что эта девочка – совсем не его Лада. По-чужому смотрели ее добрые, слишком добрые глаза, длинные волосы были совсем не по-бросовки уложены. Тысячи мелочей в ней были не те и не такие, какие должны были быть. А тут еще... Тут еще за спиной у девочки появилось совсем невообразимое – нечто огромное, черное и лохматое принялось медленно надвигаться на бедного Бросова.

Вжавшись в стул и не смея пошевелиться, Петрович почувствовал, что его штаны и руки обнюхиваются монстром.

– Пап, ты что? – девочка гладила большого черного пса, который уселся почти у самых ног гостя.

Все окончательно смешалось в голове Ивана Петровича, и он плачущим голосом завопил:

– Ладка, кончай! Где мамка? Хватит мне голову морочить! – услышав звук собственного срывающегося голоса, он приободрился и, разозлившись, оттолкнул голову собаки, настойчиво кладущую ему на колени. – И пса нашли где-то! Издеваетесь, сволочи?

Девочка испуганно отшатнулась, собака настороженно встала и заворчала в сторону пришлеца.

Бросов снова оробел. Девочка была уже в зале и принялась понемногу закрывать дверь.

– Ладк, постой, Ладк, – просительно позвал он испуганную дочку. – Ты не уходи, ты мне только скажи, мамка где? Позови ее, мне хре... – он еще раз взглянул на ее кружевную сорочку и, поперхнувшись, закончил. – Плохо мне, слышишь?

– Я сейчас ей позвоню! Стенли, ко мне! – Лада увела пса в зал и закрыла дверь за собой. Через несколько секунд Бросов услышал, как она разговаривает по телефону.

– Стенли?.. Блин! Я же говорил: не надо было брать левой водки. А они: все проверено, все ништяк, – он не знал, что делать и куда идти. Обычно в затруднительных случаях он всегда шел домой, но дом был здесь – он точно знал, что ошибиться не мог: бывало время, когда Бросов «на автомате» добредал до дома и не в таком состоянии. А тут – почти трезвый.

Затем он услышал, как девочка, разговаривавшая по телефону, забавно ойкнула и затихла. Прошло еще несколько томительных мгновений, а затем к двери в зал с той стороны что-то подкатили, видимо, кресло.

– Мама уже вызвала полицию! – вдруг заявил из-за двери плачущий девичий голос. – Если вы попробуйте зайти сюда, я натравлю на вас Стенли. Уходите, забирайте в коридоре чего хотите и убирайтесь отсюда!.. Так мама вам велела сказать, они с папой уже едут!

Девочка помолчала еще немного и добавила:

– Папа вас побьет. Вот.

В помутневшей голове Бросова снова замелькали страшные картины, он прохрипел что-то в ответ и, открыв входную дверь, бросился вниз по подъездной лестнице. Объяснить себе что-то он не пытался, мысли вертелись все какие-то несуразные и не относящиеся к делу.

То он думал о том, что хорошо бы продать эту отремонтированную квартиру, откуда только что так позорно бежал, и купить другую, в другом районе – желательно без Стенли. То он снова ощущал запах виноградного мыла и почему-то хотелось плакать. Наконец, он решил зайти в забегаловку на остановке около завода, а затем позвонить Володьке – своему давнишнему другу и собутыльнику, который много раз выручал его и деньгами, и, если надо, давал возможность отоспаться у себя на квартире: Володька был военный пенсионер и жил один.

Однако как назло ни сотовый, ни домашний его друга не отвечали, и Петровичу пришлось одному идти в пивнушку. Денег у него почти не осталось, но он надеялся, что сегодня смена у Васи, а последний, как известно, всегда наливают в долг.

К огорчению Бросова, вместо Васи торговала какая-то семипудовая купчиха, один вид которой нерушимо свидетельствовал о том, что Петрович уйдет не опохмелившись. Уже совсем стемнело, когда Бросов добрался до Володьки, долго барабанил в его дверь, пока из соседней квартиры обладатель весьма выдающегося баса не высказал все, что он думает о громких стуках и предках Петровича. Он же сообщил ошарашенному Бросову, что никакого «Володьки тут нет».

– Жил тут один Владимир, кажется, Николаич по батюшке, бывший военный. Так он съехал лет пять назад. Вот. И вы тоже шли бы отсюда! – бас добавил еще нечто малоприятное и затих. Бросов тут же сообразил, что Володька никуда не съезжал – скорее всего, таким манером его просто хотят отучить ходить сюда. Тем не менее он послушно спустился и побрел по вечерней улице вдоль светящихся окон домов.

– А может, это все мне прибрелось? Вот сейчас уже темно, холодно, а я совсем-совсем трезвый и злой, и хочу к себе домой. И я пойду к себе домой, где я живу уже лет двадцать и где всякая собака знает меня и помнит. Кто же мне сможет помешать-то? – после столь смелых размышлений повеселевший Бросов почти бегом направился к своему дому.

Он внимательно вглядывался в каждое дерево и каждый киоск, попадающиеся ему навстречу, подробно рассмотрел потертую табличку с адресом на родном доме и только после всех этих подготовительных маневров двинулся в сторону своего подъезда. Он с тяжелым сердцем поднялся на третий этаж; на площадке уже горела ярким желтым светом, вероятно, совсем недавно вкрученная лампочка. Петрович посмотрев на входную дверь, понял, что дверь точно его, но... и не его вроде. Было что-то неуловимо чужое в ней: то ли мало было на ней потертостей, то ли не было внизу с левой стороны следов от его ботинок (будучи навеселе и без ключей он не раз пытался ворваться домой). Она и манила, и отталкивала Бросова, как старого грешника – райские врата. Сначала он решил снова уйти, да только куда ж тут подашься? Он, было, достал ключи, но затем, вспомнив о Стенли, решил позвонить в дверной звонок и тут только с изумлением увидел, что дверной звонок действительно имелся, тогда как он сам его несколько лет назад вырвал с корнем – опять же в известном состоянии.

Он колебался минут десять, пока наконец не услышал чьи-то шаги сверху, на пятом этаже. Тогда он, подзадоривая себя и ругаясь: «Моя это квартира!» – осатанело воткнул указательным пальцем в кнопку звонка. Раздался оглушительный «дин-дон» и, к ужасу Бросова, в ответ залаял Стенли. Через несколько секунд дверь распахнулась и... обомлевший Петрович увидел женщину средних лет – подтянутую, еще не потерявшую свежести, в красивом зеленом халатике. Несмотря на множество несовпадений, Бросов тотчас узнал свою супругу.

– Вам кого?.. Ах это вы!.. Это вы напугали мою дочь? Полиция только что уехала! Иван! – придерживая дверь, женщина кого-то звала на помощь. У Бросова пересохло горло, и он просто не понимал, что нужно сделать, чтобы все это прекратить. Послышались быстрые шаги, и на пороге появился мужчина – кто-то до боли знакомый Петровичу, кто-то почти родной и чужой.

– Это он и есть! – быстро и испуганно зашептала женщина. Мужчина, одетый также по-домашнему, худощавый и серьезный, быстро кивнул своей супруге, смело шагнул за порог и прикрыл за собой дверь. Они оказались лицом к лицу.

Другой Иван, чуть побледнев, внимательно рассматривал испитое лицо Бросова, и глаза его заметно расширились.

– Что вам надо? Как вы проникли в мою квартиру? Полиция уже все знает – мы подали заявление о попытке грабежа.

Петрович промышал что-то и продолжал пялиться на самозванца.

– Я. Это я тут живу... – наконец-то проямлил он. – И Ладка моя, и

Верунчик. Ты – мой глюк. Тебя нету!

Решив, что произнесенного вполне достаточно, Петрович протянул вперед руку, чтобы убрать со своего пути человека, так мешавшего его законному счастью, но тут же в ответ получил прямой, мастерски поставленный удар в челюсть. Уже поднимаясь с лестницы, он услышал, как захлопнулась квартирная дверь. Прошло еще немного времени, дверь распахнулась и высунувшаяся оттуда сердитая голова самозванца произнесла: «От полиции вам на этот раз не уйти!». Дверь снова закрылась и послышались звуки голосов.

– Во вопил! Расскажу кому – ведь не поверят! – Бросов вытер рукавом кровь с подбородка и побрел вниз по лестнице. Кажется, ему сегодня действительно придется провести ночь не у себя дома.

– Я – Бросов Иван. Спросите кого хотите в нашем дворе – все подтвердят. А паспорт у меня дома, где этот самозванец сидит. Губу мне разбил еще, сволочь! – Петрович, как заведенный, повторял на разные лады эту свою историю и уже порядком утомил полицейских.

– На него ничего нет. Будем свидетелей опрашивать, это уж в понедельник. А пока пусть посидит-подумает! – сказал, зевнув, один из обладателей погон.

– Это я чё: все воскресенья тут торчать буду? – Петрович даже задохнулся. – Да мне в понедельник в первую смену!

Но его уже не слушали, и поместили в изолятор. Там он и задремал, прислонившись к стене на жесткой кровати.

Глава 2. Другой Бросов

– Ты представляешь: какова наглость! Вернуться в квартиру, которую не смог ограбить, – всего через несколько часов! Я о таком еще никогда не слышала! – Бросов прислушивался к голосу жены, разговаривавшей со своей подругой по телефону. Сидя на кухне, он слегка массировал костяшки пальцев правой руки, которая недавно обрушилась на подбородок незнакомца. Иван Петрович не мог понять, почему этот дурацкий случай никак не идет у него из головы. Правда, он еще не знал, что грабитель пойман, но вовсе не страх перед ним заставлял Бросова всматриваться в темноту улицы.

– Послушай, Варь, ты не заметила какой-то странности в нем, – ну, в этом типчике?

– Странности? Он, кстати, здорово похож на тебя! И Лада сказала, что даже перепутала сначала его с тобой. – Бросов вздрогнул и почему-

то поежился: он думал, что ему это сходство только почудилось. – Может, у тебя есть брат-близнец? – попыталась пошутить супруга, но неудачно: Бросов помолчал и пошел в ванну.

– Черт знает что! И чего я так разволновался? – Петрович решил принять душ и тем самым смыть с себя остатки неприятного воспоминания...

На следующее утро им позвонили из полиции и сообщили, что задержан подозреваемый в попытке ограбления, которого надо опознать.

Иван Петрович поморщился, но пообещал прийти в участок – сразу после работы. Работал он инженером на местном механическом заводе, – устроился туда сразу после университета лет двадцать назад.

– Вот так и пишете в заявлении: «Проник в квартиру, воспользовавшись отсутствием взрослых, угрожал дочери, пытался ограбить...» – в голосе полицейского слышалась привычная усталость от непонятливости посетителя. Немного помолчав, следователь взглянул в окно и снова заговорил.

– Личность его мы пока не установили, но он уверяет, что его зовут Бросов Иван Петрович, работает на механическом.

Бросов вздрогнул и слегка побледнел.

– Да-да, мы в курсе, что и вас так зовут, – поспешил успокоить его полицейский. – У него никаких документов не оказалось – за исключением этого.

Тут следователь выудил из лежащего на столе пакета сине-белый заводской пропуск и положил его перед Петровичем. Бросов машинально взял его в руки и через несколько секунд, словно обжегшись, вернул на место. Это был его пропуск, выписанный на его имя, правда фотография была немного другой, – он никогда бы не стал фотографироваться в спецовке.

Все еще силясь понять, что происходит, Бросов нащупал в нагрудном кармане свои документы: его пропуск был на месте.

– Это какая-то подделка, розыгрыш, – едва слышно сказал Иван Петрович. – У нас на заводе нет больше Бросовых, понимаете?

– Понимаем, – кивнул следователь, – но ведь как-то все это объясняется... Он называет себя вашим именем, домашний адрес также называет ваш, у него есть соответствующий пропуск и ключи, странным образом подошедшие к вашему замку. Кроме того... – полицейский слегка замялся, но тут же продолжил. – Кроме того, эта его внешность... В общем, он как-то, безусловно, связан с вами!

– Что?! – Бросов неожиданно для себя от состояния какой-то растерянности мгновенно перешел в несвойственное ему возбуждение. – Какое отношение он может иметь ко мне и моей семье? Мы видели его в первый и, надеемся, в последний раз! Я...

– Хорошо-хорошо! – продолжал успокаивать его следователь. – Мы постараемся вас не беспокоить – до окончательного выяснения всех обстоятельств этого дела.

Дома Иван Петрович о своем походе в полицию не стал распространяться. «Нужно забыть об этом дурацком происшествии. В конце концов мало ли что бывает...» – снова уговаривал он себя, но мысли не подчинялись ему, то и дело возвращаясь к случившемуся два дня назад.

Ночью он мучился бессонницей, а когда под утро наконец забылся, ему приснилось хмурое испитое лицо другого Бросова.

Глава 3. В больнице

На четвертый день после происшествия Иван Петрович почувствовал в себе необыкновенную трезвость.

Несколько раз прокрутив в голове все, что с ним приключилось за последнее время, он решил, что у него точно была «белочка» и что единственное спасение – это возвращение домой.

– Мы держим вас здесь потому, что есть заявление: вы пытались ограбить квартиру. Есть улики и свидетели, дело передано в суд, – сказал ему следователь при очередной встрече.

Бросов только разводил руками и говорил о том, что никакой квартиры он не грабил.

– Моя она, понимаете, товарищ следователь? Я там живу вместе с женой и дочкой – да спросите кого угодно!

– Если это так, то почему же жена и дочь до сих пор не пришли за вами? – ехидно спрашивал полицейский. – Неувязочка какая-то...

Спустя еще некоторое время было решено обратиться в местную психиатрическую больницу, поскольку личность Бросова так и не была установлена.

– На почве алкоголизма бывает и не такое! – заверили полицейских врачи, и те с облегчением передали им на поруки своего «невменяемого подопечного».

В больничном стационаре Петрович вел себя в первое время очень тихо, слегка подавленный случившимся. Однако спустя еще три дня бросовское сердце нестерпимо заныло по дому.

– Сбегу! Вот увидите – сбегу! – думал он, с ненавистью поглядывая на двух широкоплечих санитаров, выполнявших роль черберов на третьем этаже, где располагалась палата новоиспеченного пациента.

Вместе с ним в палате пребывали еще пятеро больных. Самому старшему было уже за пятьдесят, он слыл за буйного, но это на него находило лишь временами – в основном, по осени. Привыкшие к этой его особенности врачи помещали «Толеньку» (он сам называл себя так) на это время в «комнату с улучшенным содержанием», то есть в изолятор. Толенька был настоящим старожилом 327-й палаты и большим знатоком больничных традиций и распорядков. К Бросову он относился сначала с большим недоверием, но, заметив его тихость и молчаливость, стал чаще подсаживаться к нему на кровать, чтобы побеседовать о том о сем.

– Вот я скажу вам так, Иван Петрович: нам ни в коем случае нельзя идти на поводу у Запада. Вы слышали про вступление в ВТО? Это черт знает что такое: почему мы всегда им что-то должны, а они нам – только советуют? Советчики фиговы! – разговоры про Запад были любимой ритуальной формулой Толеньки, с которой он начинал все разговоры с Бросовым. Заканчивались их беседы также почти всегда одинаково: старожил 327-й вдруг утрачивал всякий интерес к Петровичу и уходил, оборвав фразу ровно посередине.

Поначалу все мысли Бросова были сосредоточены только на побеге. Однажды он даже совершил попытку уйти, воспользовавшись открытой дверью в коридоре, который, как он знал, вел на лестницу. Оттуда до выхода из основного здания больницы – рукой подать. Однако попытка сорвалась: его заметила одна из медсестер, поднявшая крик, и Бросов был пойман с поличным. За это он был на два дня помещен в изолятор, и следить за ним, естественно, стали строже.

Шло время, и Иван Петрович начал понемногу привыкать к своему новому положению. Со всеми пятерыми соседями по палате ему удалось найти общий язык, но более всего Бросов разговаривал с Толенькой. Из одной такой беседы и вышло знакомство, резко изменившее все направление мыслей Петровича.

После очередной преамбулы про западные санкции против России Иван Петрович прервал своего словоохотливого товарища по несчастью и неожиданно для самого себя выложил ему всю странную историю своей «белой горячки».

– Вот, Толь, ей-богу не вру: почти потрезвяни ведь пришел, чё там мы выпили – кот заплакал! – Бросов сглотнул слюну, вспомнив как давно он уже не чувствовал обжигающе-приятное тепло алкоголя. – И ведь дом мой, и подъезд мой, и квартира моя, а там вместо меня – этот хрен, чтоб

его! И Ладка, дочка, в кружевной сорочке, можешь представить? А Варька – худая, блин, и красивая! В общем, допилился до такого, что... Эх!..

Петрович махнул рукой и замолчал. На глаза невольно навернулись слезы, и в носу защипало. Бросов ожидал, что, когда он снова взглянет на Толеньку, того и след простынет. Однако на этот раз вышло по-другому: старожил 327-й приосанился и внимательно посмотрел прямо в глаза своему новому другу.

– Вот что я вам скажу, Иван Петрович! – произнес Толенька таким покровительственным тоном, что Бросов почувствовал себя, как на очередном приеме у главного психиатра их больницы. – Вам нужно поговорить с профессором! Срочно-срочно!

– Каким таким профессором? – забеспокоился Петрович.

– Да из соседней палаты. Мужик – мировой! Он ведь тоже вроде вашего, – я с ним как-то беседовал годик назад, наверное. Он не из разговорчивых, но очень толковый. Пришел, говорит, в университет свой – а там я, ну, то есть другой он – лекции ведет. Представляете? Самого себя, говорит, увидел! Ну, конечно, скандал страшный... – Толенька вдруг поднялся и, подойдя к своей кровати, бухнулся в нее, словно в бассейн. Бросов знал, что теперь с ним бесполезно разговаривать до самого вечера – все равно не ответит.

На следующий день, как назло, у единственного друга Петровича случилось обострение, и он надолго уединился в комнате с улучшенным содержанием. Бросов несколько дней размышлял над словами Толеньки, не зная, стоит ли вообще доверять ему. Затем он попытался навести справки насчет профессора.

– Да это «очкан», который обедать садиться всегда возле окна! – сообщил ему приятель Толеньки – молчаливый татарин Кирилл, чья кровать стояла ближе всех к зарешеченному окну их палаты. По слухам, Кирилл пытался покончить с собой уже около двадцати раз.

Петрович сразу сообразил, о ком идет речь, и решил познакомиться с профессором чего бы ему это ни стоило.

Глава 4. Профессор

Вызвать на откровенность «очкана» оказалось совсем не просто. В первый раз Петрович не удостоился даже ответа со стороны профессора. Тот просто смерил Бросова высокомерным взглядом и полный собственного достоинства удалился в свою палату.

Они могли видаться только в столовой или во время редких прогулок, поскольку заходить (и даже заглядывать) в чужие палаты пациентам строго воспрещалось – под страхом изолятора и побоев, которые, как то

прекрасно было известно Петровичу, случались в их лечебнице регулярно.

Пробить стену высокомерия удалось лишь после четвертой попытки: Бросов подсел к профессору со своим подносом и, пока тот молча жевал, без всяких предисловий рассказал ему печальную историю своей «белой горячки».

– Я знаю, мне Толенька рассказал, что вы тоже – ну, как это сказать?.. Тоже увидели себя самого. Так ведь? – Петрович с замиранием сердца ждал ответа.

Профессор смерил его взглядом, затем медленно склонился к нему и прошептал:

– Здесь нельзя говорить. Приду к вам сам после вечерних процедур!

Оказалось, что по неведомым причинам профессору разрешалось то, что не было позволено остальным пациентам. К примеру, он мог ходить по коридору после ужина и даже заглядывать в соседние палаты – без привычных последствий в форме грозных окриков санитаров.

– Долгов Юрий Анатольевич! – гость протянул Петровичу два холодных пальца в виде приветствия. Он уселся на край кровати Бросова и изучающе посмотрел на него.

– Судя по лицу, вы – алкоголик, – безапелляционно и глядя куда-то поверх головы Петровича произнес профессор. – Это дает мне надежду на то, что потраченное на вас время не уйдет впустую. Ведь, как вы сами сказали, причина вашего помещения в это заведение – всего лишь «белая горячка»?

– Да я в тот день и не пил почти совсем! – сказал Бросов и почувствовал себя несколько неуютно из-за высокомерного тона его нового знакомого. Впрочем, желание поговорить с кем-нибудь, кроме Толеньки, было намного сильнее, чем временный дискомфорт от профессорской манеры вести беседу.

– По крайней мере, вы сможете хотя бы понять, что я говорю – в отличие от многих, кто здесь присутствует... – Долгов обвел глазами палату с видом энтомолога, оглядывающего малолюбопытную коллекцию бабочек. – Вообще, меня очень заинтересовало то, о чем вы рассказали во время обеда. Я размышлял над этим и пришел к выводу, что наши случаи действительно в чем-то схожи. Вот попробуйте сопоставить сами: два года назад... Или нет, постойте – уже три. Да, три года назад, как и всегда по средам, я поехал в свой университет. К тому моменту я преподавал там уже почти двадцать лет. Кстати, свою докторскую я защитил, когда мне было тридцать один: я, между прочим, самый молодой доктор наук за всю историю университета!

Профессор внимательно посмотрел на Бросова и, по всей видимости,

не найдя в нем необходимого отклика на свои слова, вздохнул и продолжил:

– Так вот, представьте себе: захожу я на свою кафедру в самом благодушном расположении духа, здороваюсь со всеми и замечаю, что на меня как-то косо посматривают. Я, знаете ли, чувствителен к подобного рода взглядам и, не скрываю, всегда был человеком обидчивым. Ну, да ладно. Снял пальто, хочу достать свою вешалку из шкафа, на которую всегда вешаю только я. Понимаете, у нас на кафедре так заведено: у каждого своя вешалка. А тут – занято! Я, естественно, досаую, спрашиваю у лаборантки: «Кто это, мол, пальто повесил на мою вешалку?». А она, дура старая, давно бы пора ее уволить, лупит на меня глаза и молчит.

Я бросаю свое пальто на кресло и, расстроенный, иду в сторону аудитории, где должна состояться лекция. По пути попадается пара коллег с соседней кафедры, я с ними здороваюсь и в ответ – только подумайте – снова эти косые и удивленные взгляды! Совсем раздосадованный вхожу в аудиторию и вижу перед затихшими студентами стоящего преподавателя, – Долгов, взволнованный воспоминаниями, привстал и снова уселся поудобнее на кровати, прислонившись спиной к светло-зеленой стене палаты.

– Сначала я подумал, что ошибся номером аудитории, – продолжил он, закрыв глаза и сморщившись, словно от зубной боли. – Я уже намеревался выйти, как вдруг... Он повернулся в мою сторону, и... я увидел его лицо. Этот проклятый самозванец! Наглый ублюдок! – Долгов в волнении вскочил с постели Бросова и начал прохаживаться по палате. Остальные пациенты затихли, боясь пошевелиться. Тут профессор заметил пустую кровать Толеньки и прямо с тапочками улегся на нее. Прошло минут пять в тягостной тишине. В палате давно потушили свет, и расстроенное лицо Долгова освещалось теперь только уличным фонарем.

Наконец, Иван Петрович осторожно поднялся и подсел к профессору.

– Вы тоже увидели самозванца? Как и я? – сказал Бросов для того, чтобы продолжить разговор.

– Да, – ответил Долгов. – Он читал лекцию моим студентам! От моего имени, понимаете? На меня что-то нашло тогда, я до сих об этом жалею. Не будь этого, может, я и не попал сюда. Но нервы, нервы – все от них. Я бросился на него с кулаками, и студенты – о, позор! – студенты принялись разнимать нас. Впрочем, он вел себя очень спокойно. Я это уже потом понял – наверное, в этом была его тактика. Из-за того, что нападал и кричал именно я и не мог никак успокоиться, именно из-за этого – взяли меня, а не его. А он, подлец, занял мое место, мою кафедру и мою квартиру! И он сейчас живет с моей женой, которая, вот что меня более всего

поражает и убивает, ни разу не пришла сюда, чтобы узнать, как я! Жив ли я? Здоров ли? – профессор закрыл глаза и разрыдался, как ребенок. Затем он вскочил с кровати и выбежал из палаты.

Бросов медленно встал и прикрыл за ним дверь. Уже через полминуты извне раздался щелчок: санитар, который наблюдал за происходящим в коридоре (и наверняка подслушивал!), запер на ночь их палату.

Глава 5. Параллельные пересекаются

В следующий раз им удалось поговорить уже после того, как вернулся Толенька. Вероятно, санитар, дежуривший в тот вечер, когда профессор рассказал о своей встрече с самозванцем, сообщил подробности их беседы начальству. В результате Долгову запретили вечерние прогулки, а в столовой медперсонал старался рассаживать пациентов так, чтобы Бросов не мог подсесть к профессору.

Впрочем, им удавалось перекинуться несколькими фразами во время прогулок. Кроме того, уже через две недели эти строгости были почему-то смягчены.

– Профессор сегодня вечером обещал прийти к нам! – сообщил однажды Толенька Бросову, радостно потирая руки. К тому времени наступила зима, и прогулки, которые и без того были весьма редкими, отменили даже для тех больных, кому они разрешались.

Пока Иван Петрович ждал прихода профессора, Толенька – как всегда неожиданно – рассказал некоторые любопытные подробности о Долгове.

– Его ведь тоже, как и меня, частенько в изолятор помещают. Он молчит-молчит, а потом на него найдет – и давай костерить всех подряд: санитаров и врачей называет «ничтожествами», лекарства им швыряет в лицо. Ну, те его, понятно, – в изолятор. Но быстро его выпускают: говорят, Юрию Анатольевичу кто-то из начальства покровительствует. Женщина какая-то.

Минут за 15 до того, как пришел Долгов, на Толеньку нашло очередное стремление к одиночеству, и он, бухнувшись в постель, не произнес больше ни слова.

– Я вот что думаю, Иван Петрович... – взволнованно и почти без прежнего высокомерия произнес профессор, едва только вошел в палату к Бросову. Толенька лежал, уткнувшись в подушку; остальные пациенты, которые побаивались присоединиться к нарушителям вечернего режима, тихо пребывали на своих местах – как и во время их предыдущей встречи.

– У меня сложилась гипотеза, которая может немного прояснить то положение, в котором мы с вами оказались. Однако для того, чтобы эта

гипотеза оформилась в нечто большее, мне нужны от вас некоторые сведения относительно вашего случая! – Юрий Анатольевич вопросительно посмотрел на Бросова поверх очков. Иван Петрович осторожно кивнул в ответ.

– Вот смотрите: и я, и вы спокойно жили своей жизнью – со своими семьями, работой, – в общем, так скажем, с вполне определенным местом в бытии, – до какого-то одного момента. Нам нужно поточнее выяснить те обстоятельства, при которых вдруг вместо нас... Ну, вы понимаете меня?

Петрович еще раз кивнул, хотя не мог толком понять, что имел в виду Долгов.

– Ага! – обрадовался профессор. – Для начала давайте выясним, что именно вы делали в тот день, когда все это случилось!

– Ну, я же уж рассказывал: мы выпили с друзьями...

– Да это я помню! – мгновенно переходя от радостного возбуждения к раздражению, сказал Долгов. – Тут подробности нужны, детали, понимаете?

– Ну, была пятница... Поработали там, как обычно. Потом Васильич говорит: «Сегодня матч...»

– Да подождите вы со своим матчем! – профессор заметался по палате, как вьюга в подворотне. – На работе-то вы что делали? Или даже так: начните с утра пятницы. Вот вы проснулись...

– Проснулся, – тупо согласился Бросов.

– Ну, а дальше – как собирались на работу, расскажите же, ради Бога! У меня сейчас срыв очередной будет из-за вас.

– Ага! – согласился Петрович, с опаской поглядывая на ходившего из стороны в сторону профессора. – Ну, вот проснулся я, значит. Голова еще у меня болела.

– Так-так... – ободряюще произнес Долгов.

– Это после вчерашнего. Мы накануне немного после работы приняли – там на остановке, где мы обычно собираемся. Ну, а чё – скучно с работы домой на сухую идти. Ну, вот – голова болит. Встал, в ванну пошел. Вот. А в ванной обычное это мыло лежит – ну, мыло как мыло.

– Да причем тут мыло?

– Да, подожди, профессор, раз уж рассказывать – так рассказывать! – возразил Бросов и после в подробностях минут 15 живописал Долгову историю своих злоключений.

– Так, получается, что когда вы вернулись... Можно на «ты»? Хорошо. Значит, когда ты вернулся: и мыло не то, и обои не те, и жена с дочкой другие?

– Да всё другое! Ну, не всё, конечно. Вот как во сне: вроде и то самое, а вот не то. Чувешь, что будто другое всё!

– Как во сне... – задумчиво произнес Долгов. – Ну, ладно. А теперь я тебе про свое расскажу: ведь и у меня то же самое. Ведь не сразу меня в психушку-то упрятали. Я и в квартире своей, – ну, уже получается не в своей, – был. И жену видел. Но тогда я был вне себя, в ярости какой-то, мне аж глаза застило: я только одно видел и об одном думал: «Какой-то мошенник, воспользовавшись внешним сходством со мной, присвоил мою жизнь себе!». А сейчас вот ты говоришь, и я вспоминаю: ведь действительно всё было и вроде мое, и вроде как не мое... Боже! – профессор закрыл глаза ладонями. – Я будто слепой был. Ослеп от своей какой-то...

– Гордыни... – подсказал голос Толеньки откуда-то из погрузившейся в ночную темноту палаты.

Профессор вздрогнул, как от удара током, и привстал. Затем он снова сел на край кровать Бросова.

– Ну, да, – согласился он наконец. – От гордости, наверное, или от обиды – как ослеп. А ведь и на кафедре даже – ведь я тогда уже заметил, а значения должного не придал, – и на кафедре все было как-то немного по-другому. Картины, цветы... Жена – она тоже так странно и с таким... недоумением смотрела на меня, когда я кричал, чтобы тот, другой, убирался из моей квартиры. А потом приехала полиция, и она даже не подошла ко мне, а наоборот – держалась все возле того, самозванца. И ведь он даже не крикнул ни разу на меня! Подлец... Даже голоса не возвысил...

Они помолчали. Затем – все так же молча – Долгов вышел из палаты, и через некоторое время в темноте, подсвеченной уличным фонарем, раздался привычный щелчок дверного замка.

Глава 6. Побег

Долгов приходил еще несколько раз до того, как они решили организовать побег.

– К идее о побеге нас подводит логика всех наших рассуждений! – словно оправдываясь перед кем-то третьим, говорил профессор. – Понятно, что все должно быть подготовлено самым тщательным образом – и не только сам побег, но и то, что мы будем делать после него.

Детали побега они начали обсуждать уже весной, когда снова возобновились прогулки. Во время редких вечерних встреч говорить о побеге было опасно: санитар наверняка «грел уши» возле двери палаты, поскольку вечерние визиты профессора происходили под неусыпным

контролем персонала больницы.

«Объясняющая всё» гипотеза Долгова, как ее смог понять Бросов, состояла в следующем: профессор уверял, что существуют некие параллельные вселенные, которые иногда могут пересекаться.

– Ну, вот геометрию же ты в школе учил, Бросов? Вот есть линии параллельные, слышал? – спрашивал Долгов, как всегда волнуясь и как всегда высокомерно.

– Да я в университет даже поступать пытался! – обижался Иван Петрович. – Думаешь, деталь сделать проще, чем лекцию прочитать?

– Ну, ладно-ладно! – умиротворяюще отвечал Долгов. – Ну, так вот: если мы чертим эти линии, ориентируясь только на наше пространство, нашу трех или четырехмерную вселенную, то они, конечно, не пересекутся. Но вот если этих размерностей больше... Короче, Бросов, мы с тобой по какой-то причине оказались не в своей вселенной! Понимаешь? Нас что-то вытеснило из нашего мира и поместило сюда!

Толенька, который изредка тоже присоединялся к их беседам, услышав про параллельные вселенные, как-то сказал:

– Да это ясное дело: вертело вас, вертело, вот как меня иногда вертит, когда я лежу и смотрю долго во-он туда, на потолок. А потом вас выкинуло, потому что вы не удержались, сломали в себе держалку-то!

Долгов обычно нетерпеливо отмахивался от фраз Толеньки, отмахнулся бы и в этом случае, если бы Бросов не сказал:

– А и вправду, Юрий Анатольевич, ведь почему именно нас выкинуло? Всех, блин, не вытеснило, а нас – вдруг вытеснило. К этим самозванцам! Почему?

– Да почему только нас? – Долгов нетерпеливо прошелся по палате. – Может, таких, как мы, много – да только как о них узнаешь-то? Вот мы с тобой закончили психушкой. Может, и остальные так же? Да и как тут еще поступить, если вдруг на одно место в жизни начинают претендовать двое? Другого-то куда деть прикажете?..

Бежать решили в июне – когда наступит тепло.

– Самое глупое будет, если мы сразу же попытаемся прийти к себе домой – ну, то есть к этим самозванцам. Именно там-то нас и будут поджидать в первую очередь. Нужно придумать такое место, где нас не будут искать. А чтобы добраться до такого места, необходимы хоть какие-нибудь деньги! – шептал Долгов своему другу во время прогулок по больничному двору.

Проблему с деньгами взял на себя Толенька. Скрывать от него свою идею заговорщики не могли, а помощь он действительно мог оказать, так как знал больницу лучше, чем некоторые врачи.

– Мне бы сын мог привезти немного рубликов! – говорил старожил 327-й палаты, у которого, как оказалось, есть сын.

– Это хорошо! – одобрял Долгов. – Нам бы только добраться до одного места – если, конечно, самозванец ничего не испортил, у меня должна быть там заначка. Но я теперь ни в чем не уверен... Вдруг это только в той вселенной, а не в этой?

– В любом случае надо попробовать! – отвечал на это Бросов и бледнел при одной мысли о широкоплечих санитарях. Долговскую гипотезу про какие-то там вселенные он, кстати, не очень поддерживал и про себя считал, что все эти заморочки больше напоминают «чушь собачью» – по любимому выражению Володьки, его давнего друга, военного пенсионера.

Он предпочитал думать о самозванцах как о людях, хитрым образом их подставивших. «Надули нас с профессором, вот и вся недолга! Вот выберусь из этой психушки, сил наберусь – и верну себе свою жизнь. Будет тогда им всем геометрия! И параллельные кривые!» – думал Бросов и про себя уже почти праздновал победу.

Сначала исчез Толенька. Из палаты его перевели ранним утром, почти еще ночью. Как это случилось, видел только татарин Кирилл, но из его до крайности скупого описания понять было что-нибудь сложно.

– Пришли и ушли. Вот! – повторял он одно и то же на все расспросы Ивана Петровича. Через некоторое время Долгов откуда-то узнал, что Толеньку перевели в другое здание больницы.

А затем исчез сам профессор. Первоначально Бросов был уверен, что причина этого – в очередном конфликте Юрия Анатольевича с санитарями, но прошла неделя, затем другая, а профессор всё не появлялся. Иван Петрович попытался узнать, когда Долгова выпустят из изолятора, но выяснилось, что в изоляторе в настоящий момент никого нет, а куда делся профессор – неизвестно.

– Он выбыл из нашего отделения! – это единственное, чего смог добиться Бросов от врачей. Иван Петрович чувствовал, что отчаяние медленно начинает преобладать над всеми остальными его чувствами, помыслами и настроениями.

Помощь пришла от того человека, на кого он никогда бы не стал рассчитывать. Однажды утром уже в конце лета к ним в палату вошла медсестра и вдруг, всплеснув руками, закричала. На крик прибежали

несколько санитаров и дежурный врач. Вскочивший с кровати Иван Петрович увидел, что на том месте, где обычно лежал Кирилл, находилось нечто несуразное, с перекошенным и синим лицом.

– Удавился! – сделал вывод чей-то голос, и сразу, как по сигналу, во всем отделении началась страшная суета. Всех больных зачем-то выставили из 327-й палаты. В их отделении объявились какие-то незнакомые врачи, которых никто никогда не видел. Двери отделения, всегда запертые и находившиеся под неусыпным контролем санитаров, оказались распахнутыми.

Бросов размышлял недолго и действовал, как во сне: он заглянул в комнату санитаров, находившуюся возле двери. Увидев, что там никого нет, он быстро схватил белый халат и взял со стола упаковку медицинских масок. Затем он натянул на себя брюки, найденные на спинке стула, засунул ноги в чьи-то кроссовки, которые были заботливо задвинуты под кровать, и выскользнул из отделения. Одев на ходу халат, Бросов набросил петли маски за уши и уверенным шагом двинулся к выходу. Суета была и на первом этаже. Он замешкался только у парадного входа, так как вынужден был пропустить двух медсестер.

Через 10 минут Иван Петрович шагал в сторону автобусной остановки. Маску и халат он выкинул еще на территории больницы; найти же дырку в заборе, испокон веку окружавшем лечебное учреждение, труда не составило.

Глава 7. Держалка

В брюках, которые, по всей вероятности, принадлежали одному из санитаров, он нашел немного мелочи. Этих денег вполне хватило на маршрутку, так что через час Бросов уже шел по родному микрорайону.

Чувствуя, как сердце стучит где-то в висках, Иван Петрович подошел к забегаловке, в которой ему была знакома каждая щель в полу.

«Почти полгода, – думал он с томлением во всем теле, – ведь почти полгода ни капли не пил... Зайти – а вдруг в долг нальют?!».

Бросов встал на повороте к кафе, как витязь на распутье.

«Я приду, а от меня пахнуть будет. А он, сволочь эта самозванская, будет трезвый и умный! И куда мне опять? В психушку? Нет, домой пойду!» – решил Иван Петрович и почти бегом бросился бежать в сторону своей пятиэтажки – так, словно за ним гнались все городские санитары.

Едва переставляя слабеющие ноги, он заставил себя подняться на третий этаж. Ключей у него не было, все его нехитрое имущество осталось в больнице, а может быть, и в полиции. Тяжело дыша, он прислонился лбом к двери и долго стоял так, не смея пошевелиться.

Затем робко постучался...

– Опять нажрался? – спросила его жена, и он испытал такое полное, такое несравнимое ни с чем счастье, что разрыдался прямо на пороге.

– Да ты что, Ваня? – говорила она испуганно, пока он целовал ей лицо, руки, пуговицы от халата – везде, где смог достать. Не почувствовав привычного запаха перегара, она испугалась еще больше и поскорей захлопнула за ним входную дверь.

На каком именно факультете работает Долгов, ему подсказали в отделе кадров. В городе было всего два университета, так что искать пришлось недолго. Зайдя на кафедру, он узнал, что профессор сейчас на лекции – нужно подождать еще минут двадцать.

Бросов узнал номер аудитории и стал дожидаться Юрия Анатольевича, стоя у двери. После того, как поток студентов схлынул, он наконец-то увидел спину преподавателя. Долгов собирал какие-то бумаги со стола, а затем взглянул на дверь.

Они долго смотрели друг на друга, а потом профессор, как мальчишка, бросился к нему на шею.

– А я думал, что не было этого ничего, что сон это всё! – задыхаясь, говорил Долгов. Бросов глупо улыбался в ответ, кивал головой и разводил руками.

– Я ведь узнавал, был в этой проклятой больнице. Представь себе – хватило-таки духу. Так вот: отродясь там не было ни Толеньки, ни Кириллы. А вот врачей я некоторых узнал и 327-ю палату тоже видел! – рассказывал ему Долгов, когда они сидели за чашкой чая в студенческой столовой.

– Я теперь не пью совсем, Юрий Анатольевич. Почти... – смущенно сказал ему в конце их разговора Бросов. – Боюсь пить. До ужаса боюсь. Вот эту «держалку», про которую, помнишь, Толенька говорил – вот ее опасаясь... потерять.

Долгов понимающе кивал и блаженно щурился, глядя сквозь окно на блестящий снег, лежавший во дворе университета. Накануне вечером он как раз беседовал про нечто подобное со своей женой: она говорила ему, что он стал гораздо мягче.

– А куда деваться? – шутил он в ответ на ее слова. – В наше время мягкое и гибкое остается, а твердое и жесткое выкидывается прочь.

Загадки Ульяновской области

Честно говоря, я не сторонник того, чтобы в одной книге «мешать» художественное творчество и публицистику. Приведенный ниже фрагмент из моей давней газетной статьи попал в данный сборник по воле случая: автор предисловия к настоящей книге – мой друг Андрей Цухлов – написал чуть больше, чем могла вместить первая страничка, и по правилам верстки пришлось добавить еще несколько. Так в сборнике образовалось место для «бонуса»... Может, это произошло и не совсем случайно?

В начале августа мне удалось присоединиться к фольклорно-этнографической экспедиции, организованной несколькими энтузиастами «от науки». Мы посетили ряд сел Майнского и Сурского районов нашей области.

Кувайский ворожец

Первые три дня участники экспедиции провели в селе Большой Кувай (Сурский район). Основной целью было завершить сбор сведений об уникальном кувайце, о котором до сих пор сохраняют память как жители нашей области, так и соседних регионов. Речь идет об Иване Кузьмиче Ерошкине – местном провидце и предсказателе, обладателе редких способностей, подтвержденных многочисленными свидетельствами очевидцев.

Пропадет ли теленок, украдут ли ценную вещь, приключится ли какая хворь – все идет к Кузьмичу.

– Тятяка всегда говорил: «У меня – как в кино, вот показывают, как в кино: кадры вот такие вот!» – рассказывает внучка провидца, пытаясь описать то, как происходил сам процесс ворожбы. Предсказатель накрывался «куфайкой» и объяснял гостю, где искать пропажу (или лекаря, который поможет), основываясь на образах, являющихся ему в искусственно созданной темноте. Ласковое «тятяка», по словам родственницы Кузьмича, было принято в их семье вместо «дедушки».

Вообще, судя по отзывам многих жителей, Ерошкин был неординарным человеком не только из-за способности предвидеть будущее. Переживший в сталинские времена ссылку и тюремное заключение, он, помимо всего прочего, обладал недюжинной физической силой (нагружал телегу дровами до тех пор, пока сам мог приподнять ее

Впервые опубликовано: газета «Ульяновск сегодня», 2010 г., №61. С. 21. Здесь помещен фрагмент. Полный текст статьи доступен на сайте: <http://nuvitarn.narod.ru>

за заднее колесо, – тогда только позволял лошади везти повозку), а также был одним из лучших валяльчиков валенок в округе.

Приведем в качестве примера описание лишь одного случая, связанного с помощью кувайского провидца:

– Один раз дежурный в районной милиции задремал, а его начальник зашел, увидел, что тот спит, взял у него печатную машинку и спустил на веревке в колодец. А в то время за такую пропажу могли очень строго наказать. Ну, дежурный подумал-подумал – и поехал к Кузьмичу. Тот накрылся и говорит: «В колодце твоя машинка! А вор – рядом с тобой сидит!». Дежурный вернулся и вытащил машинку из колодца. Начальник его спрашивает: «Ты как узнал, где она была спрятана?» – «К Ерошкину ездил!». Начальник говорит: «На пятнадцать суток его за это посадить надо!». Ну, сказал – и ладно. А наутро Ерошкин сам заявляется в милицию. Его спрашивают: «Ты чё?» – «Вы же вызывали, товарищ начальник!» – «Ну, говорил про тебя... Вот ты лучше скажи, что у меня в кармане есть? Скажешь – отпущу!». Кузьмич прикрыл глаза кепкой и потом отвечает: «Три рубля денег! От жены спрятали, пропить собираетесь!». Начальник в ответ выругался и отпустил его на все четыре стороны.

Умер Ерошкин в 1980 году, оставив после себя не только добрую память, но и ряд предсказаний о далеком будущем Большого Кувая. Так, по его словам, через некоторое время на месте этого села возникнет город, а на знаменитом тихвинском роднике (названном так в честь явившейся здесь тихвинской иконы Божьей Матери) будет санаторий (лечебница). Привыкшие к тому, что многие пророчества Кузьмича сбывались, кувайцы относятся к этим предсказаниям с доверием: кто знает, как изменится судьба их малой родины с течением времени?

СОДЕРЖАНИЕ:

<i>А. Цухлов. Обул с утра тапочки – и в звездолет... (вместо предисловия)</i>	4
<i>Ерошкин – предсказатель из Кувая (повесть)</i>	6
<i>Диалоги с роботом</i>	61
<i>Звездолет по желанию</i>	93
<i>Кенотафия, или Необычное путешествие по России (повесть)</i>	105
<i>Пугалушка</i>	145
<i>Самозванцы</i>	151
<i>Загадки Ульяновской области (бонус)</i>	170

Литературно-художественное издание

САФРОНОВ
Евгений Валериевич

ЕРОШКИН - ПРЕДСКАЗАТЕЛЬ ИЗ КУВАЯ

Повести и рассказы

В авторской редакции

Рисунки: Татьяна Половова; Горбачев М.Г. (сайт: <http://arckehov.ru>);
Bob Layzell (сайт: <http://art-assorty.ru>); также иллюстрации взяты с сайта:
<http://geworlds.com>. *Фотографии:* Илья Павлов, Евгений Сафронов.

Подписано в печать
Формат 84x108/32. Бумага офсетная.
Гарнитура «Times New Roman». Усл.печ..
Заказ №
Тираж 50 экз.

Отпечатано в типографии Облучинского

Евгений Сафронов – филолог, работает журналистом. Живет в Ульяновске. Рассказы и повести публиковались в журналах «Карамзинский сад», «Симбирскъ», местных газетах, интернет-журналах «Пролог», «Иная реальность», сайте лиратурного клуба «Первая роса» и др. Автор книги «Жонглер и другие рассказы» (Ульяновск, 2011 г.).

Фольклорист, кандидат филологических наук. Многие годы собирает сведения о людях, обладающих необычными, сверхъестественными способностями. Основной жанр произведений – философская и научная фантастика.

Адрес персонального сайта, на котором можно найти другие работы автора: <http://nuvitarn.narod.ru>.